ISSN: 3105-0042
e-ISSN: 3105-0050

Тарихшылардың Ұлттық Конгресі

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS

National Congress of Historians

Национальный Конгресс историков

2025 Т.3 №3.

2025 жылдан бастап шығады
Founded in 2025
Издается с 2025 года

Жылына 4 рет шығады
Published 4 times a year
Выходит 4 раза в год

Астана, 2025
Astana, 2025

Journal of the National Congress of Historians 2025. Т.3. No.3. **ISSN: 3105-0042**
e-ISSN: 3105-0050

Бас редактор:
Ерлан Сыдықов, тарих ғылымдарының докторы, проф., Л.Н. Гумилева атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан,

Жауапты редактор
Альбина Жанбосынова, тарих ғылымдарының докторы, проф., Л.Н.Гумилева атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Халықаралық консультативтік кеңес:
Дэйв Бхавна, PhD., Шығыс және Африкатану мектебінің профессоры, Лондон университеті, Лондон, Ұлыбритания
Изабель Охайон, PhD., профессор, Ресей, Кавказ, Шығыс Еуропа және Орталық Азияны зерттеу орталығы (CERCEC), Париж, Франция
Марлен Ларуэль, PhD., Джордж Вашингтон университетінің профессоры, Вашингтон, АҚШ
Никколо Пиансиола, PhD, тарих кафедрасының доценті, Падуа университеті, Италия
Цзинчэн Ли, PhD, доцент. профессор, Шэньчжэнь университеті, Шэньчжэнь

Редакциялық алқа
Наталья Аблажей, тарих ғылымдарының докторы, Ресей ғылым академиясының Сібір бөлімшесінің тарих институтының профессоры, Жаңасібір, Ресей
Сәулеш Есенова, PhD докторы, Калгари университетінің доценті, Калгари, Канада
Сергей Иванов, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент. атындағы Қырғыз ұлттық университетінің профессоры. Баласағұн, Бішкек, Қырғызстан
Йовита Раду, PhD., Нью-Йорк университетінің профессоры, Нью-Йорк, АҚШ
Роберт Киндлер, PhD., Шығыс Еуропа институтының профессоры, Freie университеті, Берлин, Германия
Светлана Кожирова, саясат ғылымдарының докторы, тарих ғылымдарының кандидаты. Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының бас ғылыми қызметкері. Алматы, Қазақстан
Крейг Кэмпбелл, PhD., Техас университетінің антропология кафедрасының асс. профессоры, Остин, АҚШ
Юлия Лысенко, тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университетінің профессоры, Барнаул, Ресей
Жанна Мажитова, тарих ғылымдарының докторы, Астана медицина университетінің профессоры, Астана, Қазақстан
Вячеслав Менковский, тарих ғылымдарының докторы, Беларусь мемлекеттік университетінің профессоры, Минск, Беларусь
Анатолий Наглер, PhD докторы, Неміс археологиялық институтының профессоры, Берлин, Германия
Жақсылық Сабитов, PhD докторы, Жошы Ұлысын зерттеу институты, Астана, Қазақстан
Жакен Таймагамбетов, тарих ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасы Ұлттық музейінің профессоры, Астана, Қазақстан
Николай Вуков, PhD, доцент. Болгария ғылым академиясының Этнология және фольклортану институтының профессоры, София, Болгария
Томохико Уяма, тарих ғылымдарының докторы, Хоккайдо университетінің профессоры, Саппоро, Жапония

Техникалық хатшы: Ж. Калиев

Құрылтайшы және баспагер: "Тарихшылардың Ұлттық Конгресі" қоғамдық бірлестігі
Мерзімділігі: жылына 4 рет. 2025 жылы құрылған.

Журналдың арнайы сайты: https://kazhistorians.kz
Редакцияның мекен жайы: 010008, Астана қ., Қ. Мұнайтпасова көшесі, 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігі Ақпарат комитетінің республикалық мемлекеттік мекемесі KZ21VPY00107515 нөмірлі мерзімді баспасөз басылымын, ақпарат агенттігін және интернет-басылымды есепке қою туралы куәлік 10.12.2024 ж.

© Тарихшылардың Ұлттық Конгресі
© Journal of the National Congress of Historians

Journal of the National Congress of Historians 2025. T.3. No.3. **ISSN: 3105-0042**
e-ISSN: 3105-0050

Chief Editor:
Erlan Sydykov, Doctor of Historical Sciences, Prof., ENU named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Production editor
Albina Zhanbossinova, Doctor of Historical Sciences, Prof., ENU named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

International Advisory Board:
Dave Bhavna, PhD., Professor, School of Oriental and African Studies, University of London, London, UK
Isabelle Ohayon, PhD., Professor, Center for Russian, Caucasian, Eastern European and Central Asian Studies (CERCEC), Paris, France
Marlene Laruelle, PhD., Professor, George Washington University, Washington, USA
Niccolò Pianciola, PhD, Associate Professor of History, University of Padua, Italy
Jingcheng Li, PhD, Ass. Professor, Shenzhen University, Shenzhen

Editorial board
Natalya Ablazhey, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
Saulesh Yesenova, PhD., Associate Professor, University of Calgary, Calgary, Canada,
Sergey Ivanov, candidate of historical sciences, ass. Professor, Kyrgyz National University named after. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
Jovita Radu, PhD., Professor, New York University, New York, USA
Robert Kindler, PhD., Professor, Institute of East European Studies, Freie University, Berlin, Germany
Svetlana Kozhirova, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences. Chief Researcher at the Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov. Almaty, Kazakhstan
Craig Campbell, PhD., Ass. Professor, Department of Anthropology, University of Texas, Austin, USA
Yulia Lysenko, Doctor of History, Professor, Altai State University, Barnaul, Russia
Zhanna Mazhitova, Doctor of History, Professor, Astana Medical University, Astana, Kazakhstan
Vyacheslav Menkovsky, Doctor of History, Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus
Anatoly Nagler, PhD., Professor, German Archaeological Institute, Berlin, Germany
Zhaksylyk Sabitov, PhD., Institute for the Study of the Jochi Ulus, Astana, Kazakhstan
Zhaken Taimagambetov, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan
Nikolai Vukov, PhD., Ass. Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum at the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
Tomohiko Uyama, Doctor of History, Professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Technical secretary: Zh. Kaliev

Founder and publisher: National Congress of Historians Public Association
Frequency: 4 times a year. Year established: 2025.

Official website of the journal: https://kazhistorians.kz
Editorial address: 010008, Kazakhstan, Astana, Munaitpasova str. 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Certificate of registration of a periodical print edition and (or) information agency No. KZ21VPY00107515 dated December 10,2024, issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan.

© National Congress of Historians
© Journal of the National Congress of Historians

Journal of the National Congress of Historians 2025. T.3. No.3. **ISSN: 3105-0042**
e-ISSN: 3105-0050

Главный редактор:
Ерлан Сыдыков, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Выпускающий редактор
Альбина Жанбосинова, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Международный консультативный совет:
Дэйв Бхавна, PhD., профессор, Школа восточных и африканских исследований Лондонского университета, Лондон, Великобритания
Изабель Охайон, PhD., профессор, Центр исследований России, Кавказа, Восточной Европы и Центральной Азии (CERCEC), Париж, Франция
Марлен Ларюэль, PhD., профессор, Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, США
Niccolò Pianciola, PhD, Associate Professor of History, University of Padua, Italy
Цзинчэн Ли, PhD, асс. профессор, Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь

Редакционная коллегия
Наталья Аблажей, д.и.н., профессор, Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия
Саулеш Есенова, PhD., асс. профессор, Университет Калгари, Калгари, Канада
Сергей Иванов, к.и.н., асс. профессор, Кыргызский национальный университет им. Баласагына, Бишкек Кыргызстан
Йовита Раду, PhD., профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США
Роберт Киндлер, PhD., профессор, Институт Восточной Европы Свободного университета, Берлин, Германия
Светлана Кожирова, доктор политических наук, кандидат исторических наук. главный научный сотрудник института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова. Алматы, Казахстан
Крейг Кэмпбелл, PhD., асс. профессор факультета антропологии Университет Техас, Остин, США
Юлия Лысенко, д.ист.н., проф., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
Жанна Мажитова, д.и.н., профессор, НАО Медицинский университет Астана, Астана, Казахстан
Вячеслав Меньковский, д.и.н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Анатолий Наглер, PhD., профессор, Германский археологический институт, Берлин, Германия
Жаксылык Сабитов, PhD., Институт изучения улуса Джучи, Астана, Казахстан
Жакен Таймагамбетов, д.и.н., профессор, Национальный музей РК, Астана, Казахстан
Nikolai Vukov, PhD., асс. профессор, Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum at the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
Томохико Уяма, д.и.н., профессор, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

Технический секретарь: Ж. Калиев.

Учредитель и издатель: Общественное объединение "Национальный Конгресс историков".
Периодичность: 4 раза в год. Год основания: 2025 г.

Официальный сайт журнала: https://kazhistorians.kz
Адрес редакции: 010008, Казахстан, Астана, ул. Мунайтпасова, 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства KZ21VPY00107515 от 10 декабря 2024 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК.

© Национальный конгресс историков
© Journal of the National Congress of Historians

CONTENT

ARCHEOLOGY

A. Zelenkov *(Astana, Kazakhstan)*
"Nomadic" Complexes of the Period of the Hunnic Conquests in the Republic of Kazakhstan (in Russian)..... 7

WORLD HISTORY

A. Makhsutov *(Istanbul, Türkiye)*
Nogais and cumans: continuity in culture, tribal structure, genetics, and anthropology (in Russian) 43

D. Suleimenova *(Astana, Kazakhstan)*
Education and science in the Golden Horde during the reign of khan Tokhtamysh (1380-1395) (in Kazakh)..... 67

DOMESTIC HISTORY

N. Lapin *(Astana, Kazakhstan)*
Embassy relations between Kazakhstan and Russia in the 1700s-1720s. (in Kazakh)..... 78

A. Porsin *(Astana, Kazakhstan)*
The role of the Katvan and Talas kurultais in the military-political confrontation of the Chinggisid uluses in the second half of the 60s of the 13th century (in Russian)..... 95

Zh. Smakhanova *(Astana, Kazakhstan)*
Historical and Ethnographic Aspects of Northern Kazakhstan in the Travel Notes of I. Ya. Slovtsov (in Kazakh)..... 114

A. Shakenov *(Astana, Kazakhstan)*
About the Renaming of Streets in Populated Areas of the Republic of Kazakhstan from 1994 to 2024 (First Half of the Year) (in Russian)..... 130

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ – АРХЕОЛОГИЯ

А. Зеленков *(Астана, Казахстан)*
«Кочевнические» комплексы эпохи гуннских завоеваний Республики Казахстан..... 7

ДҮНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

А. Махсутов *(Стамбул, Турция)*
Ногаи и куманы: преемственность в культуре, родовой структуре, генетике и антропологии 43

Д. Сулейменова *(Астана, Казахстан)*
Тоқтамыш хан дәуіріндегі Алтын Ордадағы білім және ғылым (1380-1395 жж.)..... 67

ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Н. Лапин *(Астана, Казахстан)*
1700-1720 жылдардағы қазақ-орыс елшілік байланыстары..... 78

А. Порсин *(Астана, Казахстан)*
Роль Катванского и Таласского курултаев в военно-политическом противостоянии чингизидских улусов во второй половине 60-х годов XIII века..... 95

Ж. Смаханова *(Астана, Казахстан)*
И.Я. Словцовтың жол жазбаларындағы Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихи-этнографиялық қырлары..... 114

A. Shakenov *(Астана, Казахстан)*
О переименовании улиц населенных пунктов Республики Казахстан за период с 1994 года по 2024 год (первое полугодие) 130

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

ARCHEOLOGY – АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.41.91

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.3.7.42

«Nomadic» Complexes of the Period of the Hunnic Conquests in the Republic of Kazakhstan

A. Zelenkov✉
Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi, Astana, Kazakhstan
✉*qvimen@hotmail.com*

Abstract. The present article aims to compile a preliminary catalogue of "nomadic" antiquities dating to the Migration Period in the territory of the Republic of Kazakhstan, with particular attention to the era of the Hunnic conquests and the subsequent post-Hunnic horizon from the late fourth to the first half of the sixth century CE. Although Kazakhstan occupied a central position in the system of economic, political, and cultural contacts between Europe and Asia, this territory has not yet been considered as a separate subject within the archaeology of the Migration Period in a broad Eurasian context. The study brings together materials published by different authors from the early twentieth century to the present day and attempts to consider them within a single comparative and typological framework. The selected sites are located mainly in the steppe and piedmont zones of Kazakhstan and mark possible routes of migration, population movement, and cultural contacts linking Central Asia, the Kazakh steppes, Western Siberia, the Trans-Urals, the Volga-Ural region, and Eastern Europe. In total, the catalogue includes twelve complexes that demonstrate a number of shared features in funerary practice and associated assemblages. These include horse equipment, belt fittings, weapons, polychrome ornaments, cauldrons, and other categories of material culture characteristic of the Hunnic and post-Hunnic periods. At the same time, the materials remain difficult to divide into separate chronological horizons, since many complexes were discovered under different circumstances, published unevenly, or preserved in incomplete archaeological contexts. The article proposes several preliminary observations. The complexes may be divided into three broad groups: commemorative complexes under kurgans without human burials; kurgan inhumations with northern orientation; and inhumations with northern orientation placed on abandoned settlements or fortified sites. The distribution of "kurgans with mustaches" is also considered important, since these ritual architectural ensembles may reflect areas of occupation and political dominance of pastoral nomads and the movement of groups along major river routes. The article does not aim to offer a final ethnic interpretation of the materials. Rather, it emphasizes their synchronous character and their role in the wider system of economic and political relations of nomadic elites across northern Eurasia. Further research should focus on expanding the source base, refining typological comparisons, and studying the origin of the populations through physical anthropology and ancient DNA.

Keywords: Kazakhstan; steppe; archaeology; nomads; Huns; post-Hunnic period; migrations; burials; kurgans with "mustaches"; weapons; horse gear; polychrome style

For citation: Zelenkov A. "Nomadic" Complexes of the Period of the Hunnic Conquests in the Republic of Kazakhstan *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.7-42 *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.3.7.42*

© A. Zelenkov, 2025

Қазақстан аумағындағы ғұн дәуіріне тән көшпелі археологиялық кешендер

А. Зеленков
Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Казақстан

Аңдатпа. Мақаланың мақсаты – Қазақстан Республикасы аумағындағы Халықтардың Ұлы қоныс аударуы дәуіріне жататын көшпелілердің археологиялық мұраларының бастапқы каталогын жасау, ең алдымен ғұн шапқыншылықтары кезеңіне және б.з. IV ғасырдың соңы – VI ғасырдың бірінші жартысындағы кейінгі ғұндық кезеңге қатысты кешендерді жүйелеу. Қазақстан Еуропа мен Азия арасындағы экономикалық, саяси және мәдени байланыстар жүйесінде басты орын алғанына қарамастан, бұл аумақ бүгінгі күнге дейін Халықтардың Ұлы қоныс аударуы археологиясы шеңберінде кең еуразиялық контексте дербес зерттеу нысаны ретінде қарастырылған жоқ. Еңбегімізде XX ғасырдың басынан бүгінгі күнге дейін әртүрлі авторлар жариялаған материалдар жинақталып, оларды бірыңғай салыстырмалы-типологиялық жүйе аясында қарастыруға талпыныс жасалды. Жинаққа енгізілген ескерткіштер негізінен Қазақстанның далалық және тау етегіндегі аймақтарында орналасқан және Орта Азияны, Қазақстан далаларын, Батыс Сібірді, Орал сыртын, Еділ-Жайық өңірін және Шығыс Еуропаны байланыстырған көші-қон бағыттарын, халықтардың орын ауыстыруын және мәдени байланыстарды айқындайды. Каталогқа барлығы он екі кешен енгізілді. Олар жерлеу ғұрпы мен заттық кешендердегі бірқатар ортақ белгілерімен ерекшеленеді. Мұндай белгілерге ат әбзелдерінің бөлшектері, белдік жиынтықтары, қару-жарақ бұйымдары, полихромды әшекейлер, қазандар және ғұндық әрі кейінгі ғұндық кезеңдерге тән материалдық мәдениеттің өзге де санаттары жатады. Сонымен қатар қарастырылып отырған материалдарды әзірге жеке хронологиялық кезеңдерге нақты жіктеу қиын, өйткені көптеген кешендер әртүрлі уақытта ашылған, біркелкі жарияланбаған немесе толық сақталмаған археологиялық контексте жеткен. Мақалада бірқатар алдын ала тұжырымдар ұсынылды. Қарастырылған ескерткіштерді үш негізгі топқа бөлуге болады: адам жерленбеген қорған астындағы ғұрыптық-еске алу кешендері; солтүстікке бағытталған қорғандық жерлеулер; қаңырап қалған қоныстар мен қалашықтарда жүзеге асырылған солтүстікке бағытталған жерлеулер. Ерекше мәнге «мұртты қорғандар» ие. Олар көшпелі малшылардың игеру аймақтары мен саяси үстемдік кеңістіктерін белгілеген болуы мүмкін, сондай-ақ негізгі су арналары бойымен топтардың қозғалысын көрсетеді. Зерттеудің мақсаты кешендердің этникалық тегін түпкілікті анықтау емес, керісінше олардың синхронды түрде қалыптасқанын және Солтүстік Еуразияның кең аумағындағы көшпелі элитаның экономикалық-саяси байланыстарын қайта қалпына келтірудегі маңызын көрсету болып табылады. Болашақтағы зерттеулер деректік қорды кеңейтумен, типологиясы мен хронологиясын нақтылаумен, сондай-ақ халықтың шығу тегін физикалық антропология мен палеогенетика әдістері арқылы зерттеумен байланысты болуы тиіс.

Түйін сөздер: Қазақстан; дала; археология; көшпелілер; ғұндар; кейінгі ғұндық кезең; көші-қон үдерістері; жерлеу ескерткіштері; мұртты қорғандар; қару-жарақ; ат әбзелдері; полихромды стиль

«Кочевнические» комплексы эпохи гуннских завоеваний Республики Казахстан

А. Зеленков
Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. Целью настоящей статьи является формирование первичного каталога «кочевнических» древностей эпохи Великого переселения народов на территории Республики Казахстан, прежде всего комплексов, относящихся ко времени гуннских завоеваний и последующему постгуннскому горизонту конца IV – первой половины VI в. н.э. Несмотря на центральное положение Казахстана в системе экономических, политических и культурных связей между Европой и Азией, эта территория до настоящего времени не рассматривалась как самостоятельный объект изучения в рамках археологии Великого переселения народов в широком евразийском контексте. В работе обобщены материалы, опубликованные разными авторами с начала XX в. до настоящего времени, и предпринята попытка рассмотреть их в единой сравнительно-типологической системе. Памятники, включенные в подборку, расположены преимущественно в степных и предгорных районах Казахстана и маркируют возможные направления миграций, передвижений населения и культурных контактов, связывавших Среднюю Азию, казахстанские степи, Западную Сибирь, Зауралье, Волго-Уралье и Восточную Европу. Всего в каталог вошло двенадцать комплексов, демонстрирующих ряд общих признаков в погребальном обряде и вещевых наборах. К числу таких признаков относятся детали конского снаряжения, ременной гарнитуры, предметы вооружения, полихромные украшения, котлы и другие категории материальной культуры, характерные для гуннского и постгуннского времени. При этом рассматриваемые материалы пока сложно расчленить на отдельные хронологические горизонты, поскольку многие комплексы были открыты в разное время, опубликованы неравномерно или сохранились в неполном археологическом контексте. В статье предложены несколько предварительных наблюдений. Рассматриваемые памятники могут быть разделены на три основные группы: поминальные комплексы под курганами без погребения человека; курганные ингумации с северной ориентировкой; ингумации с северной ориентировкой, совершенные на заброшенных поселениях или городищах. Отдельное значение имеют курганы с «усами», которые могли маркировать зоны освоения и политического доминирования кочевников-скотоводов, а также отражать движение групп по основным водным артериям. Работа не ставит целью окончательное этническое определение комплексов, но подчеркивает их синхронное происхождение и значение для реконструкции экономико-политических связей кочевой элиты на широких пространствах северной Евразии. Дальнейшие исследования должны быть связаны с расширением источниковой базы, уточнением типологии и хронологии, а также изучением происхождения населения методами физической антропологии и палеогенетики.

Ключевые слова: Казахстан; степь; археология; кочевники; гунны; постгуннское время; миграции; погребения; курганы с «усами»; вооружение; упряжь; полихромный стиль

Для цитирования: Зеленков А. "«Кочевнические» комплексы эпохи гуннских завоеваний Республики Казахстан. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.7-42 *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.3.7.42*

Введение

Несмотря на центральное место Казахстана в географии экономических и политических отношений между Европой и Азией данная территория еще не становилась предметом специального изучения в рамках археологии Великого переселения народов в широком контексте евразийских древностей. Хотя отдельные представительные комплексы неоднократно входили в подборки видных европейских ученых, посвятивших свой научный интерес проблемам возникновения культуры гуннов, влияния империи Аттилы на культуру и социально-политические события в степях Евразии (Бершнтам 1951; Werner 1956; Амброз 1971; Амброз 1981; Амброз 1989; Засецкая 1975; Засецкая 1994 Bona 1991 и др.). Одним из последних обобщений древностей IV-VII/VIII вв. н.э. можно считать коллективную монографию под руководством К.М. Байпакова, посвященную раннесредневековым некрополям Южного Казахстана (Байпаков, Смагулов, Ержигитова 2005). Тем не менее, за последние 20 лет с момента выхода этого фундаментального труда накоплены новые источники и яркие комплексы (напр. Бейсенов и др. 2018; Бисембаев и др. 2018), которые не вошли в эту работу и знаковые для «гунноведения» материалы Центрального, Северного и Восточного Казахстана. Отдельные из них являются уникальными в контексте евразийских древностей первой половины первого тысячелетия нашей эры (Боровое, Зевакино, Караагач). Данную лакуну попытался заполнить И.В. Грудочко, обобщивший сотни курганов с «усами» и отдельные захоронения из них (Атасу-2, Зевакино, Канаттас, Коктал и др.) (Грудочко 2020). Тем не менее, некоторые комплексы (Актобе-2, Караагач, Боровое) остались вне контекста.

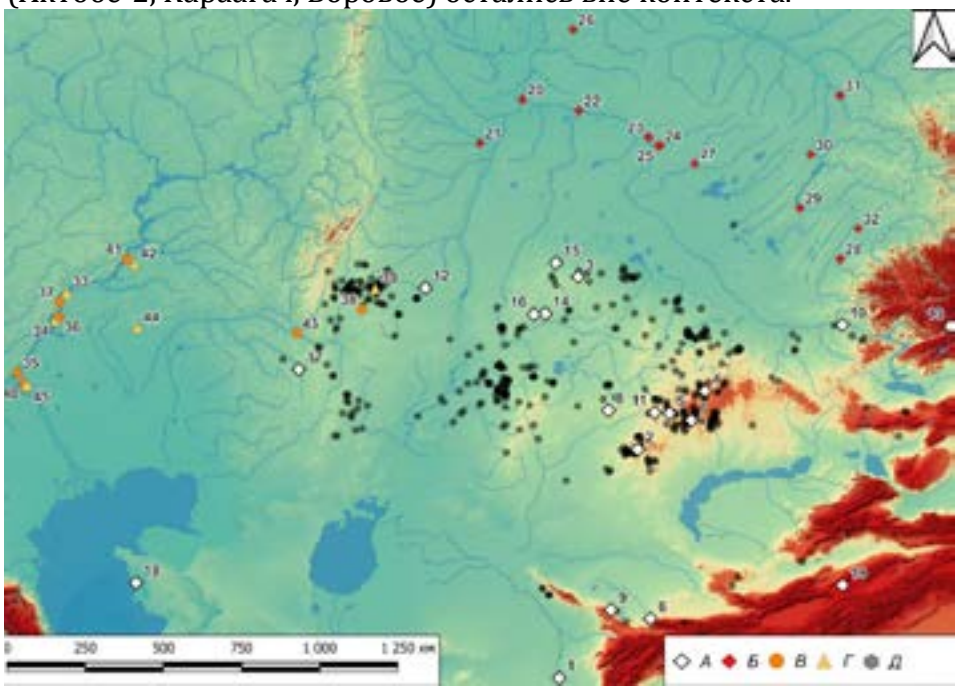


Рис. 1. Казахстан в контексте памятников гуннского и постгуннского времени северной Евразии2[2]

Fig. 1. Kazakhstan in the context of the Hun and post-Hun period sites of northern Eurasia:

А – древности Казахстана (№№1-12, соответствуют каталогу); Б – древности Западной Сибири; В – древности гуннской эпохи (конца IV – середины V в. н.э.) Волго-Уралья (Засецкая 1994); Г – древности постгуннского времени (вторая половина V – середина VI в. н.э.) (Казанский 2020а) Д (без №№) – курганы «с усами» (Грудочко 2020).

1–Актобе-2; 2–Атасу-2; 3–Боровое; 4–Назар-2; 5–Енкбешил; 6–Кзыл-Кайнар-тобе; 7–Канаттас; 8–Караагач; 9–Коктал; 10–Зевакино; 11–Унирек-2; 12–Халвай-3; 13–Берель (Самашев, Айткали 2022); 14–Покровка; 15–Красный яр; 16–Саркары (№№14–16 по: Хабдулина 1994); 17–разрушенное погребение у г. Актобе (Бисембаев и др. 2018); 18–Алтынказган (Астафьев, Богданов 2023); 19–Актас-I (Акишев 2024); 20–Потчеваш; 21–Козловский; 22–Красноярский-IV; 23–Усть-Тара-7; 24–Алексеевка 51а; 25–Алексеевка XX (№№20–25 по: Матвеева и др. 2022); 26–Священная кедровая роща (Календарев, Ермакова, Пальянов 2024); 27–Сопка-2 (Молодин, Чикишева 1990); 28–Тугозвоново (Уманский 1978); 29–Татарские могилки (Уманский 1974); 30–Крохалевка-16 (Сумин и др. 2013); 31–Тимирязевский I (Плетнева, Коробейников 2025); 32–Ближние Елбаны XII (Грязнов 1956); 33–Покровск; 34–Покровск-Восход; 35–Верхнее Погромное; 36–Зеельман-Ровное; 37–Березовка; 38–Солончанка I; 39–Каменный Амбар 5; 40–Ленинск; 41–Федоровка; 42–Владимировка; 43–Кызыл-Адыр; 44–Шипово; 45–Царев.

A – antiquities of Kazakhstan (Nos. 1–12 correspond to the catalogue); B – antiquities of Western Siberia; C – antiquities of the Hun period (late 4th to mid-5th century CE) of the Volga-Ural region (Zaseckaya 1994); D – antiquities of the post-Hun period (second half of the 5th to mid-6th century CE) (Kazanskii 2020a); E (without numbers) – "kurgans with mustaches" (Grudochko 2020).

1 – Aktobe-2; 2 – Atasu-2; 3 – Borovoe; 4 – Nazar-2; 5 – Enbekshil; 6 – Kzyl-Kainar-Tobe; 7 – Kanattas; 8 – Karaagach; 9 – Koktal; 10 – Zevakino; 11 – Unirek-2; 12 – Khalvai-3; 13 – Berel (Samashev, Aitkali 2022); 14 – Pokrovka; 15 – Krasnyi Yar; 16 – Sarkary (Nos. 14–16 after: Khabdulina 1994); 17 – destroyed burial near the city of Aktobe (Bisembaev et al. 2018); 18 – Altynkazgan (Astaf'ev, Bogdanov 2023); 19 – Aktas-I (Akishev 2024); 20 – Potchevash; 21 – Kozlovskii; 22 – Krasnoyarskii-IV; 23 – Ust-Tara-7; 24 – Alekseevka 51a; 25 – Alekseevka XX (Nos. 20–25 after: Matveeva et al. 2022); 26 – Sacred Cedar Grove (Kalendarev, Ermakova, Pal'yanov 2024); 27 – Sopka-2 (Molodin, Chikisheva 1990); 28 – Tugozvonovo (Umanskii 1978); 29 – Tatarskie Mogilki (Umanskii 1974); 30 – Krokhalevka-16 (Sumin et al. 2013); 31 – Timiryazevskii I (Pletneva, Korobeinikov 2025); 32 – Blizhnie Elbany XII (Gryaznov 1956); 33 – Pokrovsk; 34 – Pokrovsk-Voskhod; 35 – Verkhnee Pogromnoe; 36 – Zeel'man-Rovnoe; 37 – Berezovka; 38 – Solonchanka I; 39 – Kamennyi Ambar 5; 40 – Leninsk; 41 – Fedorovka; 42 – Vladimirovka; 43 – Kyzyl-Adyr; 44 – Shipovo; 45 – Tsarev.

В связи с острой дискуссией по вопросам выделения т.н. «гунно-сарматской эпохи/культуры» (Малашев 2009) и необходимости идентификации материалов, сменяющих памятники позднесарматского времени (I-III вв. н.э.) и предшествующих древностям Тюркских каганатов второй половины VI-VII/VIII вв. н.э. (Дмитриев и др. 2024: 201) создание первичного каталога является важной и актуальной задачей.

Само понятие «эпоха Великого переселения народов» с точки зрения археологии наполняется разным смыслом, зависящим от определения хронологических рамок этого явления. В целом у подавляющего числа исследователей с конца XIX века существует общепризнанная терминология периодизации археологических культур варваров Центральной и Северной Европы, активно используемая и для ряда восточноевропейских древностей. В соответствии с ней, ступень С3 (поздний римский период или позднесарматский для Волго-Уральских древностей) сменяет ступень D (эпоху Великого переселения народов), связанную с периодом массовых миграций и появлением незадолго до 376 г. гуннов на территориях западнее Дона. Смены ступеней обусловлены сменой типов кочевнических древностей, получивших следующие названия: «гуннский» (к. IV-V вв.) и «постгуннский» (шиповский) (вторая треть V – вторая треть VI вв.), а также

период «геральдических» гарнитур (вторая половина VI – рубеж VII/VIII вв. н.э.). В круг памятников ВПН включаются древности Прикамья и Приуралья, Башкирии и Татарстана (Гавритухин 2022), началась работа по выделению этого горизонта в Западной Сибири (Матвеева и др. 2022). В настоящую работу включены комплексы, имеющие признаки «гуннского» (Засецкая 1994) и «постгуннского» (шиповского) времени (Казанский 2020а), но, на данный момент, сложно расчленяемые на отдельные горизонты. В нашем случае, связующими выступили группы предметов таких, как детали ременной гарнитуры, «полихромные» украшения, детали конской уздечки и бытовой утвари (котлы), а также отдельные предметы вооружения (ромбические трехлопастные наконечники стрел, мечи и палаши). Всего 12 комплексов (рис. 1; см. ниже).

В подборку вошли отдельные могилы, раскинувшиеся на широких просторах Республики Казахстан. Комплексы же Западного и Южного Казахстана такие как Алтынказган (рис. 1. 18), Джетыасар, Алтынасар, Борижар и др., в данной работе не рассматриваются, т.к., были оставлены местным оседлым населением, подверженным сильному влиянию кочевой культуры. Это также касается могильника Актас-1, недавно опубликованного полностью (Акишев 2024). Специфическими также выглядят древности юго-западного Алтая и комплексы типа Берель (рис. 1. 13), отражающие традиции местной булан-кобинской культуры на позднем ее этапе развития.

Такие памятники Северного Казахстана, как Покровка (рис. 1, 14), Красный яр (рис. 1, 15) и Саркары (рис. 1, 16), к сожалению, опубликованы частично (Зданович 1969; Хабдулина 1994), хотя в экспозициях музеев гг. Кокшетау и Петропавловск с названиями этих памятников находятся вещи интересующего времени («хоботковидные» пряжки), что требует дополнительной верификации материалов этих памятников. Некоторые яркие комплексы, в частности, погребение у г. Актобе (рис. 1. 17), с нарушенным контекстом, но очевидно имеют высокий потенциал для будущих типологических разработок.

Несомненно, данную работу стоит рассматривать в ранге предварительных, учитывая ограниченный набор источников, а каждый комплекс, упоминаемый в каталоге, может быть объектом отдельного самостоятельного исследования как с точки зрения хронологии, так и историко-культурных сюжетов, очерков и проч.

Рис. 2. «Захоронение в купольном помещении 7» поселения Актобе-2 (по: Максимова и др. 1968).

Fig. 2. "Burial in domed structure 7" from the settlement of Aktobe-2 (after: Maksimova et al. 1968).

«Захоронение в купольном помещении 7»[3] поселения Актобе-2 (рис. 1, 1; рис. 2)

Поселение (городище) Актобе-2 находится на правом высоком берегу Сыр-Дарьи, в 15 км выше по реке от г. Шардара (Шардаринский район Туркестанской области). Оно имеет размеры 325 х 115 м, построено на естественной возвышенности, его площадку авторы раскопок условно разделили на «город», цитадель и дворец (Максимова и др. 1968: 11).

Помимо прочего при исследовании помещения 7 дворцового здания было обнаружено погребение (рис. 2. А), совершенное после того, как жители покинули дворец (Максимова

и др. 1968: 71).

Оно было совершено в деревянном гробу, оставленном вдоль западной стены помещения 7 и упиравшемся головным концом в северную его стенку. Сам гроб длиной 2,1 м, шириной в изголовье 0,6 м, в ногах – 0,42 м, был сооружен из узких дощечек, образовавших решетчатую конструкцию (Максимова и др. 1968: 73, *рис. 30*). Вероятно, гроб был украшен бронзовыми бляшками с плоской шляпкой диаметром 1,5 см, а его боковые стенки обмотаны кожаными полосами. Крышка не сохранилась, за исключением крайней восточной продольной плахи.

Покойный лежал вытянуто на спине (*рис. 2.* А), ориентирован головой на СЗ. Восточнее черепа располагались два деревянных сосуда (рис. 2. 7, 8) с медными заклепками по венчику. У левого уха была обнаружена полихромная височная подвеска (рис. 2. 3), украшенная зернью и стеклянными вставками.

Большую часть туловища занимал футляр для колчана и лука, сохранившийся в виде берестяных полотен, попарно соединенных шайбами-опорами диаметром 4 см и высотой до 6 см, и вероятно, железными скобами (рис. 2. 2). Сам футляр длиной около 1 м, шириной в верхней части 38 см, а в нижней – 28 см. В нем также были обнаружены костяные обкладки лука (рис. 2. 21-23), берестяной колчан (длиной 77 см и шириной 11 см), крепившийся крючком (рис. 2. 6) со стрелами с древками (камышовые) до 75 см и железными трехлопастными наконечниками (рис. 2. 9-17) (ок. 20 ед., плохая сохранность), железный нож (рис. 2. 18) и крестец барана. Лук длиной 1,2 м, деревянная основа истлела; судя по расположению концевых обкладок, он был не натянут.

Вдоль пояса был уложен железный двухлезвийный кинжал (рис. 2. 19) с остатками деревянного тлена от ножен. Чуть ниже него, на правом бедре обнаружена железная пряжка с подвижным язычком и округлым подвижным щитком (рис. 2. 4), еще одна железная обоймочка обнаружена у левого бедра (рис. 2. 5). Чуть выше пояса обнаружен глиняный необожженный диск (курильница?).

У ступней в районе лодыжек зафиксированы по 23 шт. биметаллические бляшки с округлыми шляпками (рис. 2. 1), служившими украшением обуви.

В целом поселение было датировано широким интервалом, охватывающим I–IV вв. н.э. (Максимова и др. 1968: 71) и было отнесено к т.н. каучинской культуре.

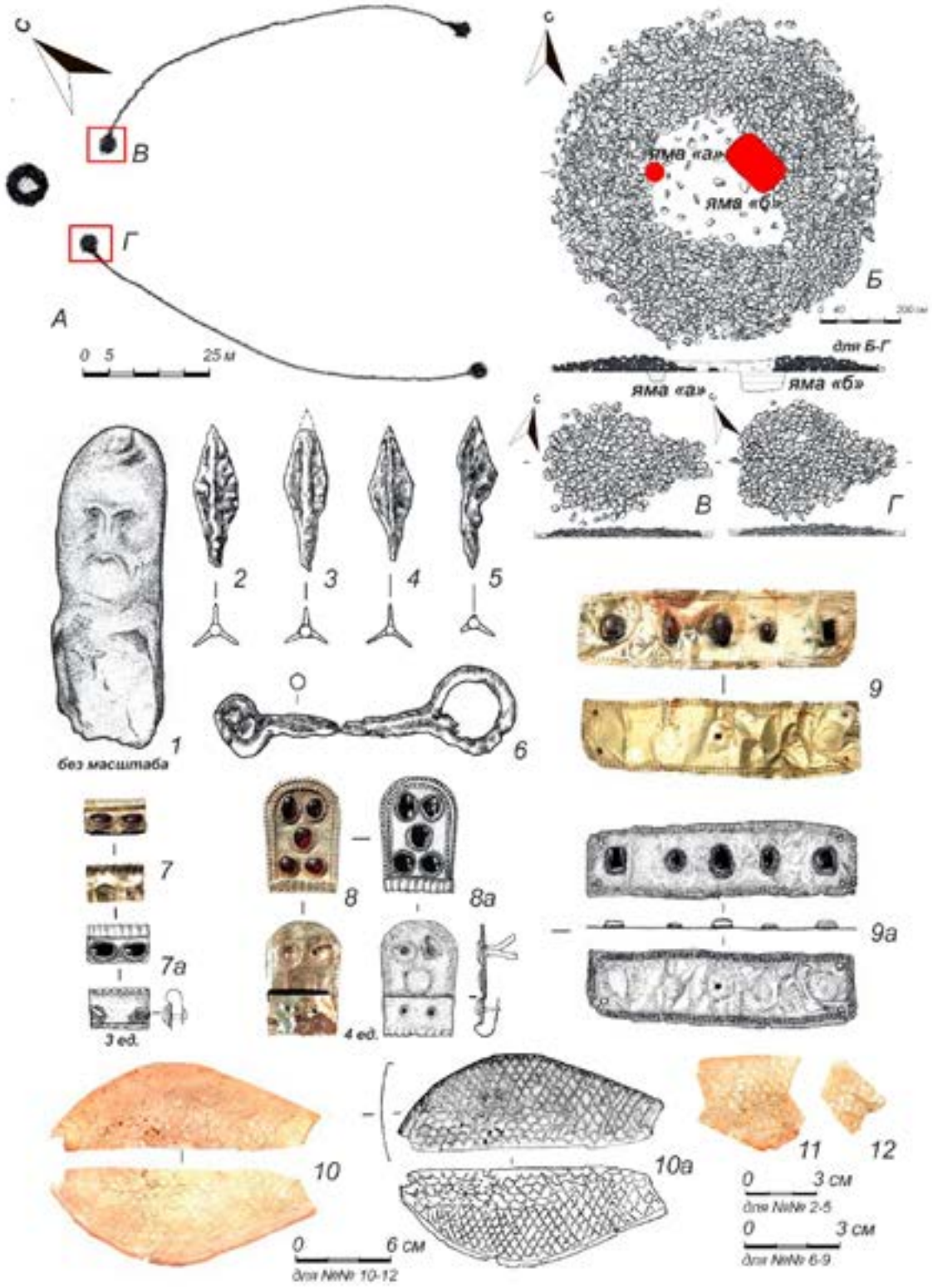


Рис. 3. Курган с «усами» Атасу-2 (по: Бейсенов и др. 2018).

Fig. 3. "Kurgan with mustaches" Atasu-2 (after: Beisenov et al. 2018).

Курган с «усами» Атасу-2[4] *(рис. 1, 2; рис. 3)*

Курган с «усами» Атасу-2[5] (Шетский р-н Карагандинской обл.) (рис. 3. А) расположен на северной оконечности одноименного могильника эпохи бронзы. Он состоит из центральной насыпи (рис. 3. Б), сложенной из камня, диаметром 8,3 м и высотой до 0,45 м (в ее центре было свободное от камней место диаметром 3,3 м). Также в состав кургана входят северная и южная каменные гряды («усы») длиной 148 м и 150 м соответственно, шириной до 1 м. Обе гряды начинаются и оканчиваются малыми насыпями (рис. 3. В, Г) из камней диаметром до 6 м. По данным И.В. Грудочко Атасу-2 относится к Центрально-Казахстанской группе V курганов с «усами» (Грудочко 2020: 39), по характеру сооружений – к простейшему типу Ia по его же типологии (Грудочко 2020: 48). На территории комплекса также было установлено каменное изваяние (рис. 3. 1), отнесенное Л.Н. Ермоленко к специфическому типу антропоморфных стел с полусферическим выступом на макушке сакской эпохи (VII-V вв. до н.э.) (Ермоленко, Курмакулова, Касенова 2015: 29-31).

Под насыпью были обнаружены 2 ямы (рис. 3, Б).

В округлой яме «а» (западной) диаметром 0,5 м и глубиной 0,25 м на дне юго-восточной ее части обнаружены два фрагмента и обкладки ленчика седла (рис. 3. *10-12*), накладка (рис. 3. *9, 9а*), четыре крупных (рис. 3. *8, 8а*) и три (рис. 3. *7, 7а*) меньших по размеру наконечника ремня. Все изделия, обнаруженные в яме, были изготовлены из сплава золота и серебра.

Подпрямоугольная со скругленными углами яма «б» (восточная) размерами 1,45 х 1 м и глубиной 0,5 м содержала на дне северной ее половины четыре железных наконечника стрелы (рис. 3. 2–5) и два фрагмента железных кольчатых удил (рис. 3. 6). В юго-восточной половине ямы фиксировались остатки крупного животного.

Авторы публикации датировали комплекс серединой–второй половиной V в. н.э. (ступени D2/D3 по Я. Тейралу). Происхождение украшений конского обмундирования исследователи связали с регионами Средней Азии, возможно Сыр-Дарьи (Бейсенов и др. 2018). Этнокультурная интерпретация в силу отсутствия погребения и дискуссионности вопроса о происхождении феномена курганов с «усами» остается неясной.

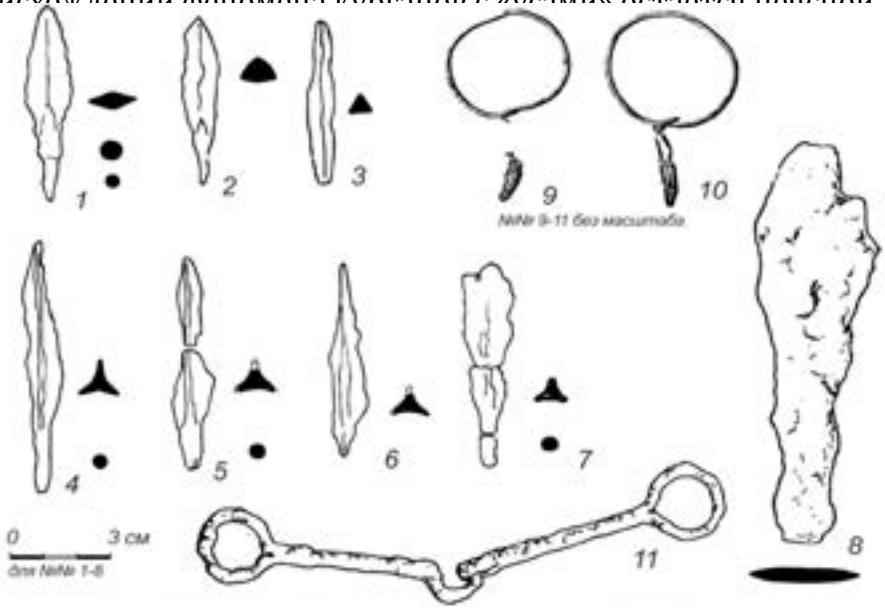


Рис. 4А. Боровое (погребение из Бурабая): 1-11 по: (Бернштам 1951; 12 – по: Ярыгин 2013)

Fig. 4A. Borovoe (burial from Burabai): 1-11 after: (Bernshtam 1951; 12 – after: Yarygin 2013).

Боровое (погребение из Бурабая)[6] *(рис. 1, 3; рис. 4А, 4Б)*

Погребение обнаружено в 1928 г. при каменоломных работах в 6,4 км севернее г. Щучинска (Щучинский район Акмолинской области) (Ярыгин 2023: 187), на территории урочища Бармашное. По сведениям свидетелей открытия и авторов первых публикаций (Леонтьевский 1928; Дьячков 1930; Бернштам 1951) погребение было перекрыто гранитной плитой весом до четырех с половиной тонн, длиной 4,5 м, шириной 1,5 м и толщиной до 0,7 м, под которой оказались еще две плиты толщиной 12 см. Под ними в слое щебня и камня был обнаружен бронзовый котел (рис. 4А, 12), перекрывавший сильно разрушенное погребение человека с большим количеством находок, часть из которых, вероятно, была расхищена рабочими.

Комплекс состоит из предметов вооружения, единичных деталей конской упряжи и ее украшениями, деталями костюма и отдельными бытовыми предметами.

Предметы вооружения представлены железными наконечниками стрел (рис. 4А, 1-7), обломком железного копья (рис. 4А, 8) и богато украшенными каменными вставками и зернью ножнами от кинжала (рис. 4Б, 26-30). От конской упряжи сохранились кольчатые железные удила (рис. 4А, 11), обкладка ленчика седла и отдельные его фрагменты из

золотой платины подтреугольной формы с чешуйчатым орнаментом (рис. 4Б, 33-37), подпрямоугольными, овальными и округлыми медальонами с каменными вставками, обрамленными одним-двумя рядами зерни (рис. 4Б, 12-19), двумя небольшими и одним крупным наконечниками-коробочкой с гофрированным валиком на конце и двумя каменными вставками, украшенными зернью (рис. 4Б, 9-10). Костюм представлен золотыми прямоугольными пластинами с зерню и каменными вставками, которые могли быть частью диадемы или самостоятельным налобным украшением (рис. 4Б, 20-22), бляхами подковообразной формы с треугольными выступом (рис. 4Б, 24-25), низкой бипирамидальных бус (рис. 4Б, 8), двумя золотыми проволочными височными подвесками[7] (рис. 4А, 9-10), подпрямоугольной бронзовой (рис. 4Б, 1) и овальной сердоликовой пряжками (4 Б, 2)[8]; в списке А.Н. Бернштама находим упоминания сердоликовых, зеленых стеклянных бочонкообразных бус, набора мелких костяных бус. Не поддаются определению мелкие предметы в обломках, в частности птицеголовая накладка (рис. 4Б, 4), мелкие пластинки, украшенные зернью, подпрямоугольных (рис. 4Б, 5-6) и сложных форм (рис. 4Б, 7). Бытовые предметы из коллекции – каменное пряслице (рис. 4Б, 3) и бронзовый котел (рис. 4А, 12).

Первоначально А.Н. Бернштам датировал комплекс из Борового IV-V вв. н.э. (Бернштам 1951: 224-226), связав происхождение находок с появлением гуннов в Средней Азии и смешением местной культуры «канзюй» (или кангюй) с усунями, имевшими развитый центр ювелирного искусства (Бернштам 1951: 226-229). И. Вернер полагал, что могила в Боровом принадлежала элитному воину (Werner 1956: 65), определив ее в особую степную группу княжеских погребений империи Аттилы с датой первой половины V в. н.э., отмечая особенный стиль полихромных изделий, изобилующих зернью и каменными вставками (Werner 1956: taf, 14; 51; taf. 72. Karte 8). А.К. Амброз в своих работах относил могилу к степной группе III, т.е. VI-VII вв. н.э. (Амброз 1971: 116-119; Амброз 1981: 15). Позднее И.П. Засецкая по итогам анализа группы Морской Чулек–Шамси–Боровое–Керим-ло–Кизил и архивным фотоматериалам ряда утерянных предметов определила сложение комплекса вещей из Борового периодом V-первой половины VI в. н.э. (Засецкая 1986: 84), а время совершения захоронения не ранее первых десятилетий VI в. н.э. (Засецкая 1995: 109). Сегодня эта дата комплекса остается общепризнанной (Засецкая и др. 2007; Ярыгин 2023) и соответствует посгуннскому (шиповскому) горизонту древностей (430/470-530-570 гг.) (Казанский 2020а: 91), как и высокий социальный статус покойного – носителя «княжеской» степной культуры (Казанский 2020: 55-67).

Этническая интерпретация погребения сегодня затруднительна в силу немногочисленности комплексов не только в Казахстане, но в целом степях Евразии. К сегодняшнему дню сложилось три точки зрения: «раннетюркская» по С.Г. Боталову (Боталов, Гуцалов 2000: 197-210), «хионито-эфталитская» по И.Э. Любчанскому (Любчанский 2004: 197-217) и «огурская» по И.В. Грудочко (Грудочко 2020: 138) и С.А. Ярыгину (Ярыгин 2023: 188).

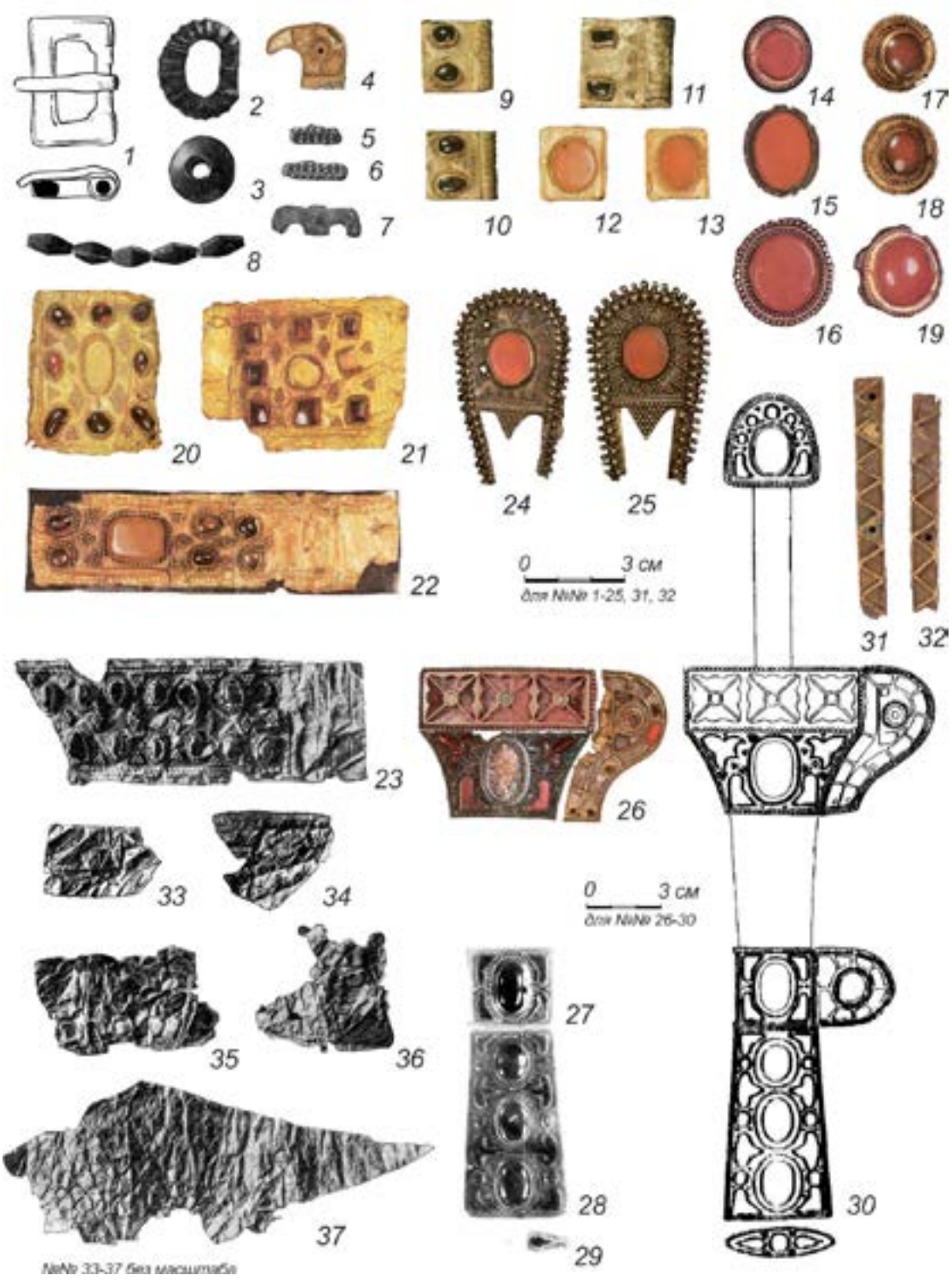


Рис. 4Б. Боровое (погребение из Бурабая) (продолжение): 1-3, 5-8, 23, 33-37 по: Бернштам 1951; 4, 9-22, 24-25, 31, 32 по: Акишев 1983; 26 по: Золото… 2018: 536, рис. 2; 27-30 по: Засецкая и др. 2007.

Fig. 4B. Borovoe (burial from Burabai) (continued): 1-3, 5-8, 23, 33-37 after: Bernshtam 1951; 4, 9-22, 24-25, 31, 32 after: Akishev 1983; 26 after: Zoloto… 2018: 536, fig. 2; 27-30 after: Zaseckaya et al. 2007.

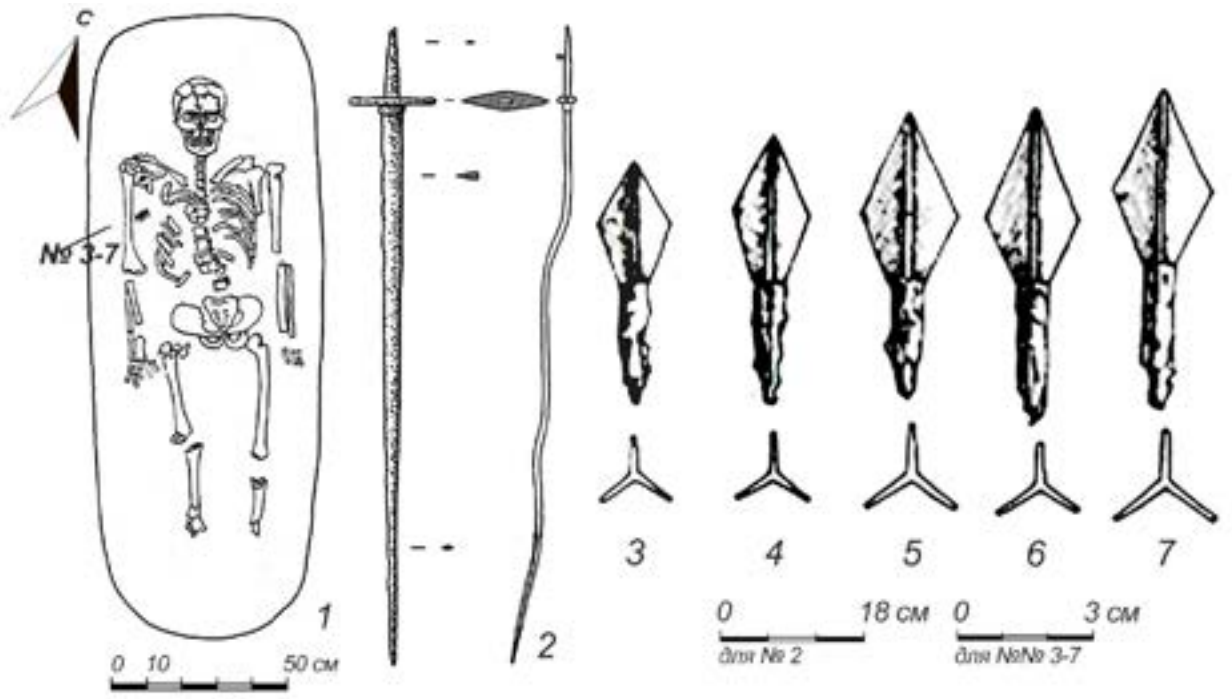


Рис. 5. Назар-2 (по: Бейсенов, Китов 2013). *Fig. 5. Nazar-2 (after: Beisenov, Kitov 2013).*

Назар-2 ***(рис. 1, 4; рис. 5)***[9]

Некрополь расположен в 5 км к востоку от села Нуркен (Актогайский район Карагандинской области) и состоит из двух ограбленных курганов с погребениями раннесакского времени. В насыпи одного из курганов диаметром 23 м, высотой 1,7 м, под скоплением (диаметром 2,5-3 м) камней, уложенных в 2-3 слоя в рыхлом грунте на глубине 0,6 м от вершины насыпи были обнаружены границы подпрямоугольной со скругленными углами ямы (рис. 5. 1) более позднего времени. При разборе могилы на уровне 0,95 см был обнаружен палаш (рис. 5. 2), расположенный у восточной стенки ямы рукоятью на север. На уровне 1,2 м от вершины вала обнаружен in situ скелет человека в позе вытянуто на спине, ориентированного головой на ССЗ. В области правой грудной клетки найдены железные ромбовидные наконечники стрел (13-14 ед.) острием на север (рис. 5. 3–7), больше половины разрушились при фиксации.

Покойная – девушка 18-25 лет, по морфологии черепа имеет признаки монголоидности, чему не противоречат одонтологические признаки. Искусственная деформация черепа отсутствует.

Погребение датировано авторами публикации к. IV-V вв. н.э. Этнокультурная характеристика отсутствует, хотя авторы отмечают, что на фоне сако-усуньских европеоидных популяций предшествовавшей эпохи монголоидный субстрат выглядит нетипично.

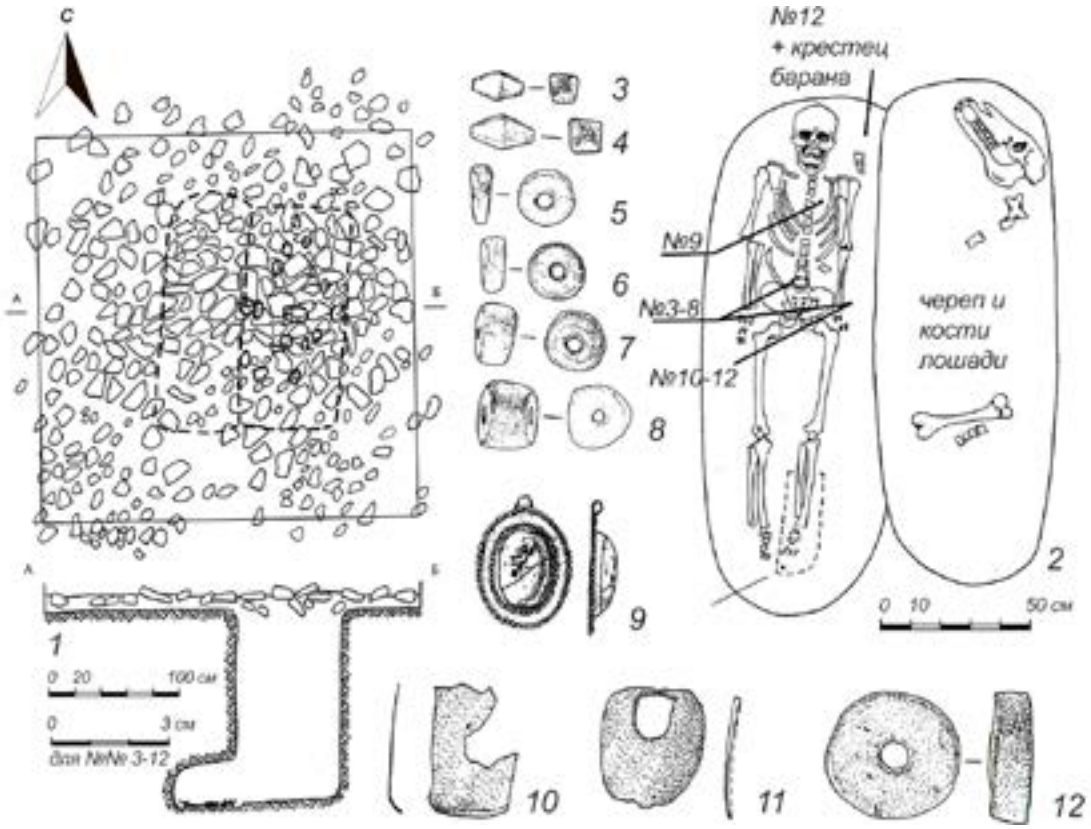


Рис. 6. Енбекшил (по: Бейсенов, Веселовская 2013)

Fig. 6. Enbekshil (after: Beisenov, Veselovskaya 2013).

Енбекшил *(рис. 1, 5; рис. 6)*[10]

Памятник располагался в 3,5 км на северо-восток от с. Енкбешил (Шетский район Карагандинской области), в 5 км к юго-западу от с. Аксу и состоял из пяти сильно разрушенных насыпей, одна из которых (курган 1) имела до распашки высоту не менее 5 м и диаметр 30-40 м. В том числе на территории памятника располагались каменные гряды «усы» и несколько малых размеров каменно-земляных курганов диаметром 7-10 м. Один из них был исследован (сооружение 2). Центральная часть кургана состояла из скопления камней размером 3 х 2,5 мм, вокруг которого были разбросаны отдельные камни (рис. 6. 1).

Контуры погребения были обнаружены после снятия двух слоев каменной обкладки на уровне ок. 0,2-0,35 м. Входная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами глубиной до 1,5 м. На дне ее, в северном углу обнаружен череп лошади, чуть южнее шейный позвонок, под ним бедренная кость и четыре хвостовых позвонка (шкура коня?) (рис. 6. 2). Впускное погребение было совершено в западной стенке ямы в виде подбоя, который, как полагают исследователи, судя по древесным остаткам, был забутован скомканными или связанными ветками дерева или кустарника.

Длина подбоя 1,75 м, ширина 0,55-0,6 м, высота до 0,35-0,40 м, его дно отделено от входной ямы небольшой ступенькой в 0,05-0,1 м. Скелет покойного лежал в анатомическом порядке в позе, вытянутой на спине с руками вдоль туловища, ориентирован головой

на ССВ, возможно тело было уложено в связанном или завернутом виде. Слева от черепа обнаружены глиняное пряслице (рис. 6. 12) и крестец барана. В области груди обнаружен овальный медальон-подвеска из бронзовой основы с каменной вставкой, украшенной двумя рядами зерни по краю, с одной петелькой для подвешивания (рис. 6. 9). У левого запястья обнаружены бронзовые пластинки (рис. 6. 10-12) (браслет?) и бусы (рис. 6. 3-8), часть из которых найдена под тазовой и лучевой костями. Остатки кожаного тлена фиксировались у левой берцовой кости и в области левой ступни, вероятно от кожаной обуви (полусапожки?).

Покойная – женщина 20-25 лет с искусственной деформацией головы, морфологические и одонтологические особенности указывают на монголоидный облик. Авторы раскопок и публикации датировали погребение IV-V вв. н.э. Вопрос этнокультурной интерпретации открыт.

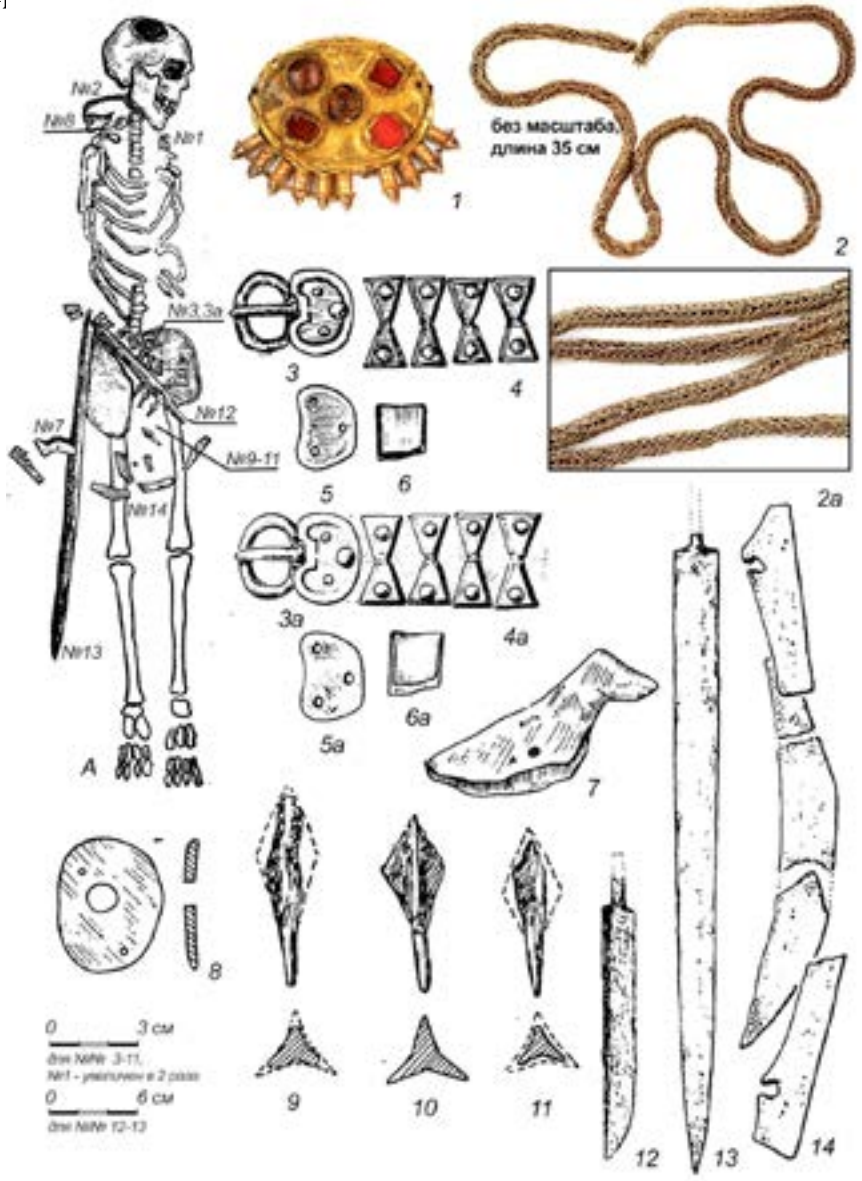


Рис. 7. «Захоронение воина» из Кзыл-Кайнар-Тобе: 1, 2, 2а по: (Наследие… 2018: 358-360; 3а-6а по: Bona 1991; остальное по: Мерщиев, 1970).

Fig. 7. "Burial of a warrior" from Kzyl-Kainar-Tobe: 1, 2, 2a after: (Nasledie… 2018: 358-360; 3a-6a after: Bona 1991; the rest after: Mershchiev 1970).

«Захоронение воина» из Кзыл-Кайнар-Тобе *(рис. 1, 6; рис. 7)*[11].

Поселение расположено на правом берегу небольшого сая (водотока) Кзыл-Кайнар, близ с. Королевка, в 25 км восточнее г. Джамбула (ныне – г. Тараз) и в 20 км западнее поселения Чоль-тобе. Кзыл-Кайнар-тобе представляло собой холм высотой до 5,5 м и диаметром ок. 100 м, относится к типу памятников «тобе с площадкой», датированному I-IV вв. н.э. По результатам раскопок определено, что высокая часть холма содержала остатки монументального архитектурного храмового комплекса в виде крестообразного сооружения. В ходе шурфовки на месте северной части западного его помещения на глубине трех метров было обнаружено «захоронение воина». По стратиграфическим наблюдениям было установлено, что до совершения захоронения над полом помещения был накоплен культурный слой толщиной 1,5 м, состоявший из надувных и намывных частиц, завалов от обрушения свода в период запустения. В одной из пустот, образованной под кладкой свода, было впущено погребение по типу катакомбного.

Скелет покойного (рис. 7. А) лежал по продольной оси камеры головой на северо-восток в позе, вытянутой на спине, с руками вдоль туловища. В области правого плеча найдена овальная с отверстиями костяная пластинка (рис. 7. 8). Шея была обвита золотой плетенной цепочкой (рис. 7. 2, 2а), пояс – ремнем с бронзовой щитковой[12] пряжкой (язычок железный) (рис. 7. 3, 3а), пропелевидными накладками (ок. 30 ед.) (рис. 7. 4, 4а), наконечником из согнутой пополам пластины (рис. 7. 6, 6а). Вдоль пояса рукоятью к левой кисти располагался железный однолезвийный кинжал (рис. 7. 12) с остатками деревянных ножен. Чуть ниже пояса с левой стороны были вложены восемь железных ромбовидных наконечников стрел (рис. 7. 9-11). Вдоль правой ноги лежал железный меч плохой сохранности[13] (рис. 7. 13), а на уровне бедер – костяные накладки от лука (рис. 7. 14). С правой стороны скелета обнаружены обломки предмета (предположительно фигурки лошади(?)) из золотой фольги (рис. 7. 7). Под нижней челюстью на уровне грудной клетки обнаружен золотой колт, украшенный зернью и пятью камнями красноватого цвета (рис. 7. 1).

Погребенный– мужчина в возрасте 50-55 лет со следами искусственной деформации на черепе, со смешанным европеоидным и монголоидными чертами облика. На черепе зафиксированы отверстия в виде среза округлой формы диаметром 11 см в области теменной, лобной и височной костей (трепанация?).

Автор публикации по аналогии с погребением из Актобе 2 датирует захоронение IV-V вв. н.э., не касаясь вопросов этнокультурной атрибуции.

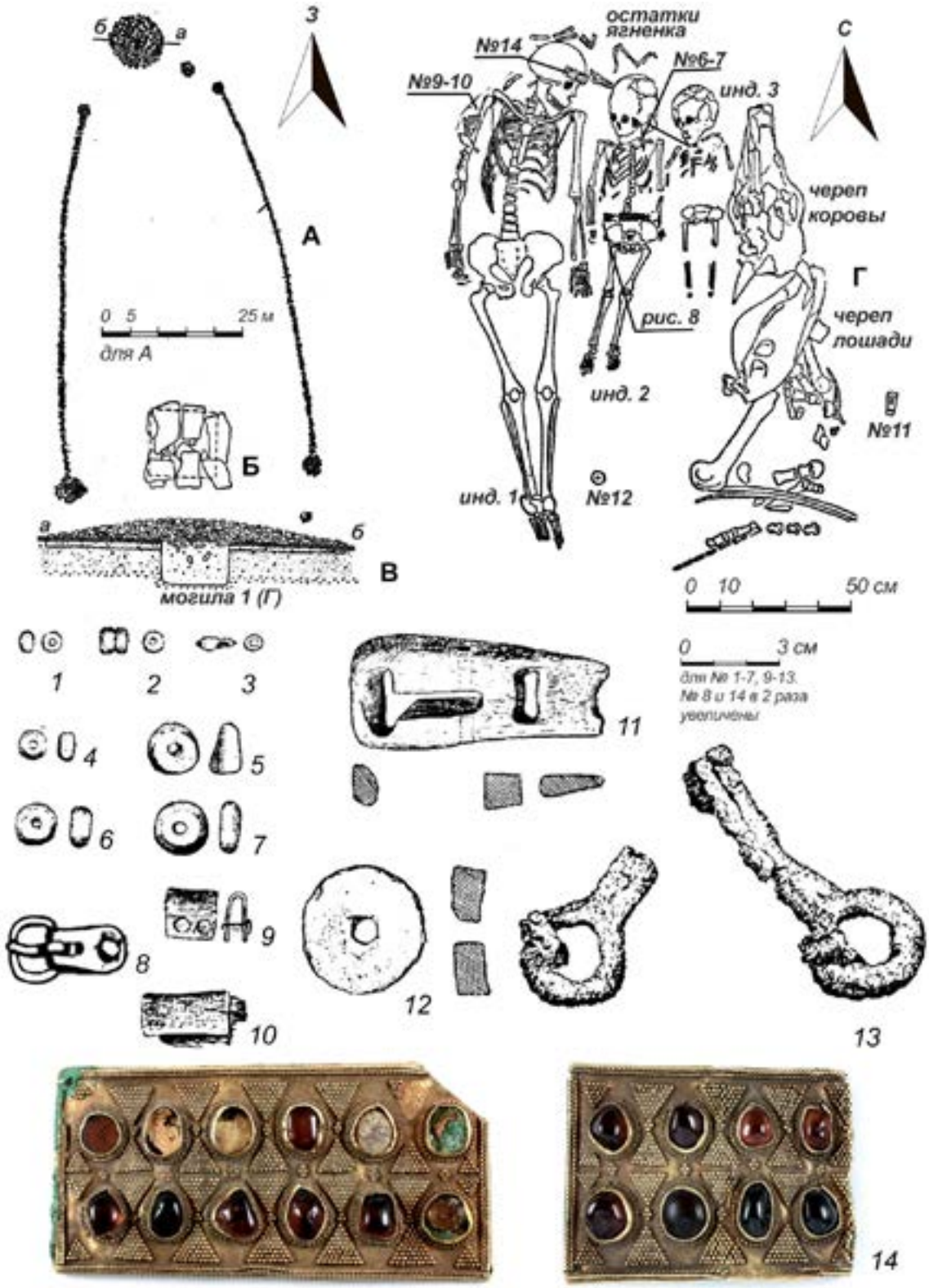


Рис. 8. Курган с «усами» Канаттас: 14 по: (Наследие… 2018: 374; остальное по: Кадырбаев 1959).

Fig. 8. "Kurgan with mustaches" Kanattas: 14 after: (Nasledie… 2018: 374; the rest after: Kadyrbaev 1959).

Канаттас, курган 19 ***(рис. 1, 7; рис. 8-9)[14].***

Памятник находится в 45 км СВ от с. Актогай (Актогайский район Карагандинской области), на левом берегу р. Нуртай. Площадка с СЗ ограничена руслом реки, а с остальных – невысокими гранитными увалами. Всего в долине семь курганов, два из которых с «усами» и один с их имитацией. Всего было раскопано пять курганов. В одном из них (№19) было обнаружено погребение гуннского времени.

Курган 19 (рис. 8. А) состоял из каменной насыпи диаметром 9 м, высотой 0,7 м, каменных гряд. Северная длиной 69,5 м, южная – 67 м, обе оканчивались округлыми насыпями. После снятия насыпи по ее центру обнаружено перекрытие из гранитных плит размерами 2,5 х 2,5 м (рис. 8. Б), которые имели следы термического воздействия в виде черноты и хрупкости плит, в том числе слой золы и древесных углей мощностью до 7 см. На этом же уровне в восточной части насыпи кургана находился глиняный сосуд.

Под перекрытием зафиксированы контуры могильной ямы подквадратной формы размерами 2х 2 м, ориентированной по сторонам света. Заполнение ямы содержало фрагменты плит и вкрапления древесного угля. На дне ямы (рис. 8. Г) вдоль восточной стенки обнаружены черепа коровы и лошади, отдельные кости ног, ребра и хвостовые позвонки от них. Юго-восточнее от черепа лошади лежала костяная подпружная пряжка (рис. 8. 11).

Скелеты женщины (инд. 1) и двух (инд. 2 и 3) детей были зафиксированы на 10 см ниже остатков животных, все ориентированы головами на север. Женский скелет лежал в позе, вытянутой на спине, череп был повернут лицевой стороной к детским костякам, под ним обнаружен полный скелет молодого ягненка. Его лобная часть была покрыта золотой двухчастной подпрямоугольной пластиной, инкрустированной каменными вставками и покрытой зернью (рис. 8. 14). Правая плечевая кость находилась в скоплении костей ягненка (крестец и хвостовые позвонки) с сильно истлевшими фрагментами железного ножа, а также одной бронзовой и серебряной накладками прямоугольной формы из согнутой пополам пластины (рис. 8. 9-10). У левой берцовой кости обнаружено керамическое пряслице (рис. 8. 12). В шейном отделе найдены каменные и стеклянные бусы (рис. 8. 1-5).

Восточнее погребенной в ряд располагались скелеты детей, уложенных аналогично взрослому, с черепами, обращенными лицевым отделом к последнему. В области таза индивида 2 находился наборный пояс, состоящий из серебряных узких прямоугольных пластин с двумя шпеньками с выпуклыми шляпками по краям (рис. 9. 1) и подквадратной обоймой (рис. 9. 2, 2а). В области таза индивида 3 также найдены детали пояса из серебряной щитковой пряжки (рис. 8. 8). В области шеи индивидов 2 и 3 найдены по янтарной бусинке (рис. 8. 6-7).

Автор датировал могильник IV-V вв. н.э. (Кадырбаев 1959: 197)[15].

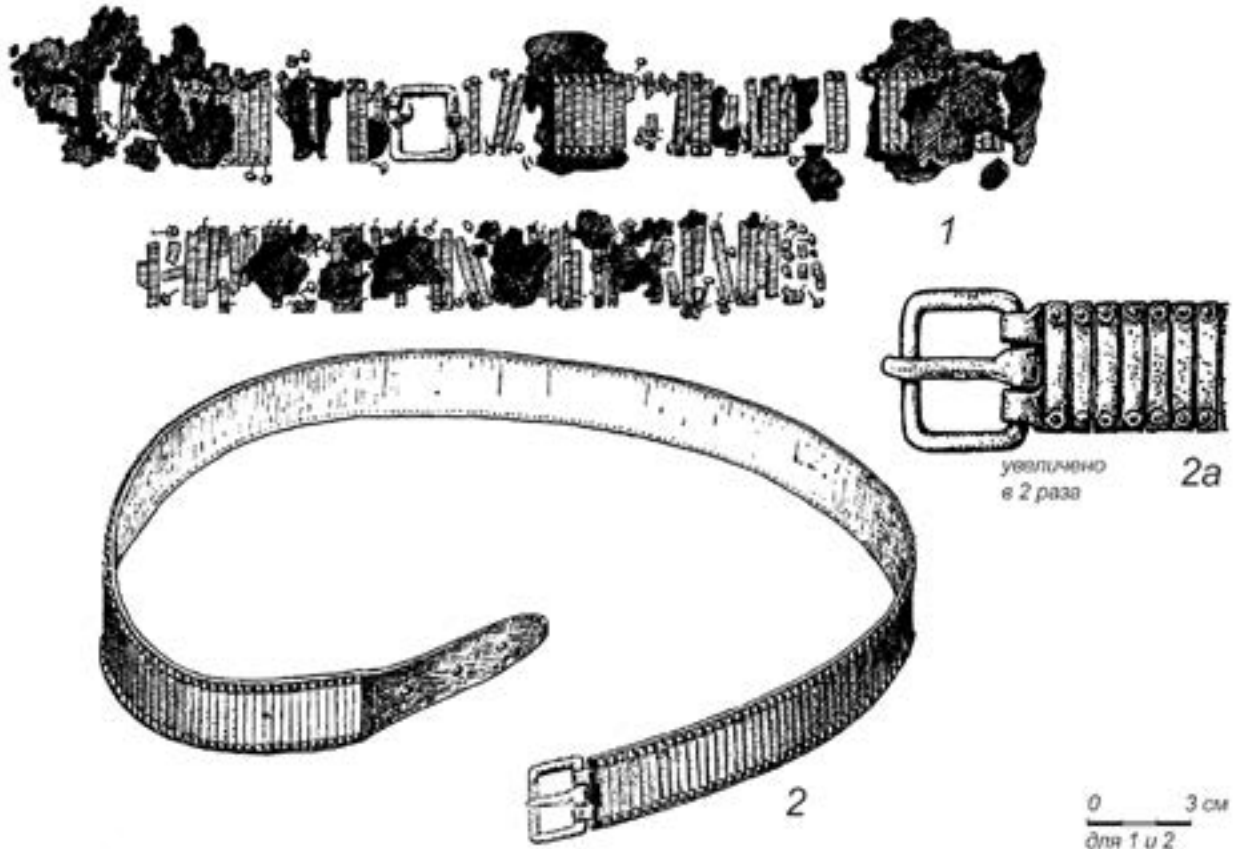


Рис. 9. Курган с «усами» Канаттас. Пояс индивида 2, курган 19: 2а по: Bona 1991.

Fig. 9. "Kurgan with mustaches" Kanattas. Belt of individual 2, kurgan 19: 2a after: Bona 1991

Караагач (Кара-агаш) ***(рис. 1, 8; рис. 10)***[16]***.***

Курган находился в 4-х верстах (ок. 4,2 км) от оз. Сары-куль, расположенного на севере урочища Караагач (сов. Караагаш). Ныне, судя по «Карте южной части Акмолинской области по съемкам 1890-1891 годов (1891 г.)[17], курган мог находиться в 13,2 км ССВ от лесхоза Караагаш (Жанааркинский район Улытауской области).

Курган имел высоту ок. 3,5 м, диаметр 1,5 м. У основания кургана читались рвы, разомкнутые с востока. Насыпь была сложена из камней и песка. Центр ее диаметром 2,8 м состояла из камней, черного песка, окрашенного гумусом.

На глубине 0,9 м заполнение тела насыпи представляло собой слой угля с песком, под ним обнаружено каменное изваяние по оси З-В, высотой до 0,71 м с выточенными чертами головы, плечей, лица и туловища. На глубине 1,7 м обнаружен каменный ящик (гроб) длиной 1 м, сложенный из плит песчаника. Его заполнение содержало куски дерева, возможно от перекрытия или крышки. В «гробу» обнаружен скелет (женщины (?)) с черепом, обращенным лицевым отделом в восточную сторону [18]. Череп брахикефальный с остатками черных, темно-каштановых волос. У головы обнаружена диадема из сплава золота с серебром, украшенная зернью в виде треугольников и свисающими по верхнему краю привесками конусовидной формы (рис. 10. 2). Рядом с черепом лежали два наконечника гривны в виде схематичной головы дракона (рис. 10. 5, 7), подпрямоугольная

полая обойма (рис. 10. 6), две золотые серьги (рис. 10. 3-4), украшенные зернью округлыми и овальными каменными вставками. У поясницы покойной обнаружены 16 бус (рис. 10. 1), а также стеклянный кубок бледно-зеленоватого цвета (рис. 10. 8). Еще один кубок располагался у левого плеча скелета человека (был раздавлен).

Параллельно покойной обнаружен неполный костяк лошади, обращенный головой к ногам человека (на юг?).

Курган с «усами» Коктал *(рис. 1, 9; рис. 11)*[19] .

Памятник находится в границах современного эпонимного села Коктал (Таласский район Жамбылской области), с восточной его стороны на открытой площадке. С юго-востока в 2,1 км примыкает одноименная река (другое название – Кошкарата), с востока идет трасса в г. Каратау. Он состоял из двух центральных насыпей, сложенных из нескольких слоев камней, с севера и юга примыкали две гряды; первая (северная) длиной 150 м, вторая (южная) – 153 м.

При раскопках северного кургана обнаружены фрагменты глиняного сосуда (рис. 11. 1), железные кольчатые удила (рис. 11. 2), два ромбических железных наконечника стрелы (рис. 11. 3–4), железное копье (рис. 11. 5) и золотая пластина с инкрустациями из камней (рис. 11. 6). Под насыпью южного кургана находки отсутствовали.

Рис. 10. Караагач (Кара-агаш): 3 по: Козырев 1905; остальное по: Werner 1956.

Fig. 10. Karaagach: 3 after: Kozyrev 1905; the rest after: Werner 1956.

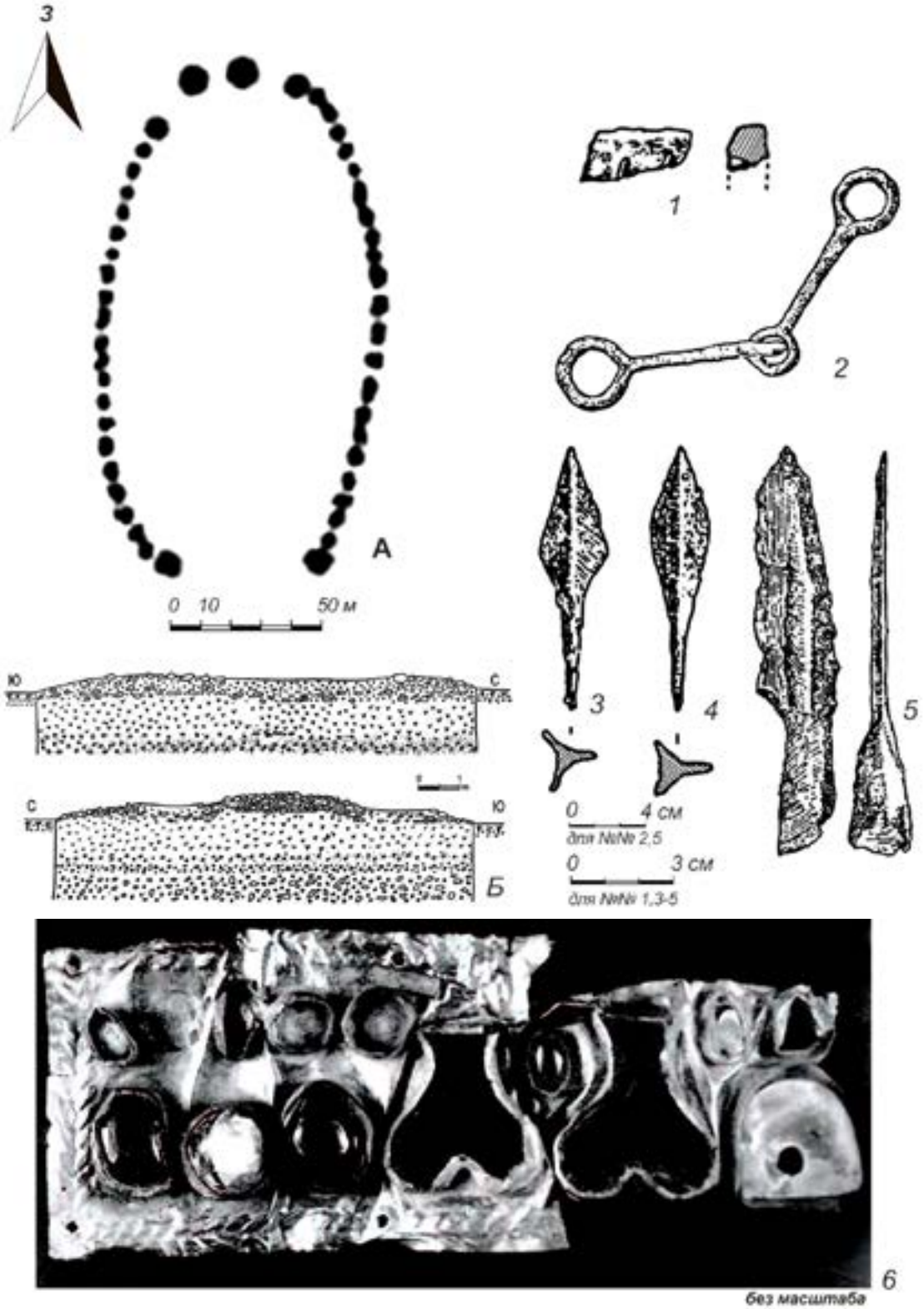


Рис. 11. Курган с «усами» Коктал: 6 по: Шашенов, Базарбаева 2011: 211; остальное по: Кадырбаев 1959а.

Fig. 11. "Kurgan with mustaches" Koktal: 6 after: Shashenov, Bazarbaeva 2011: 211; the rest after: Kadyrbaev 1959a.

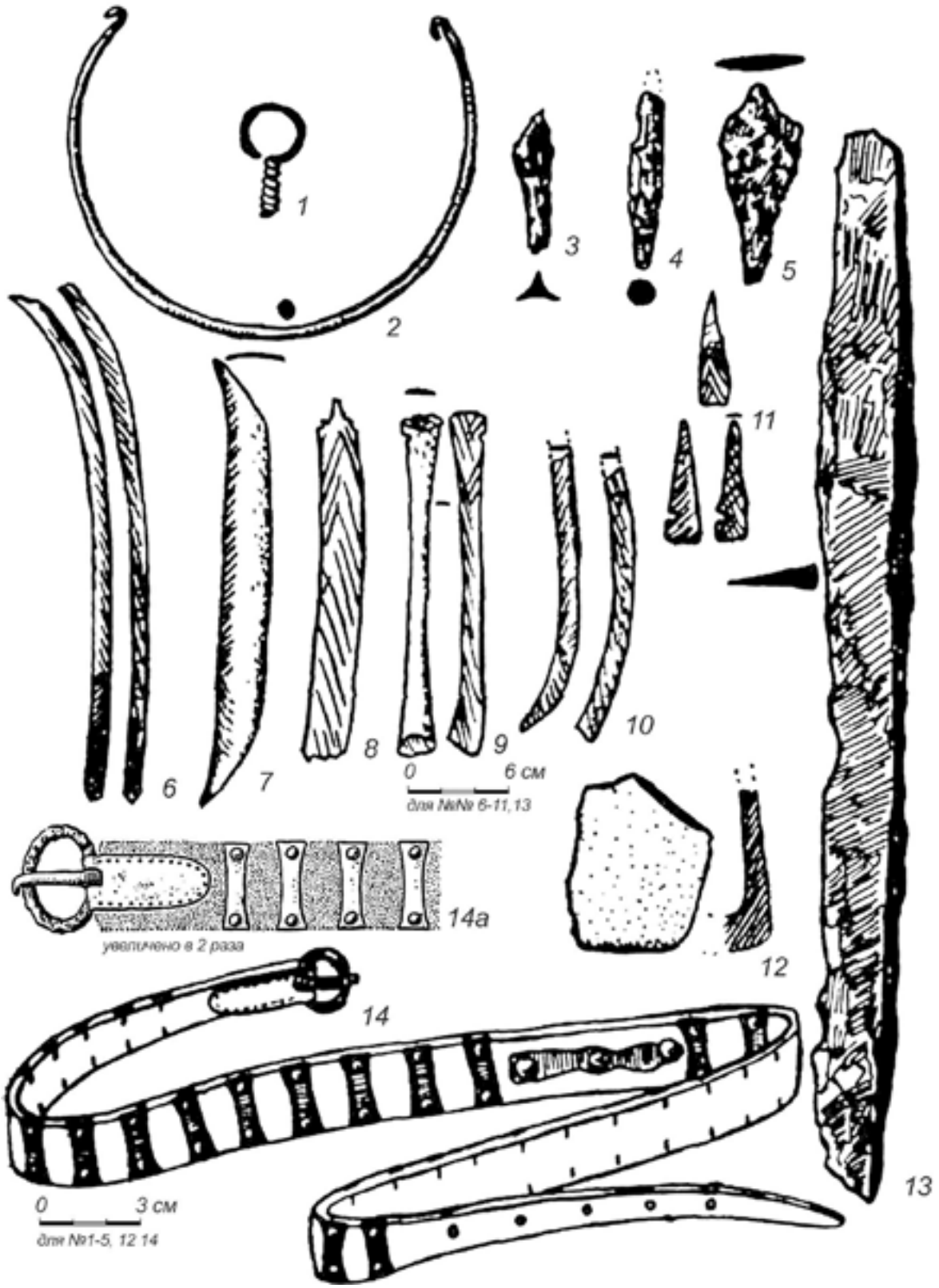


Рис. 12. Курган с «усами» Зевакино: 14а по: Bona 1991; остальное по: Арсланова 1975.

Fig. 12. "Kurgan with mustaches" Zevakino: 14a after: Bona 1991; the rest after: Arslanova 1975.

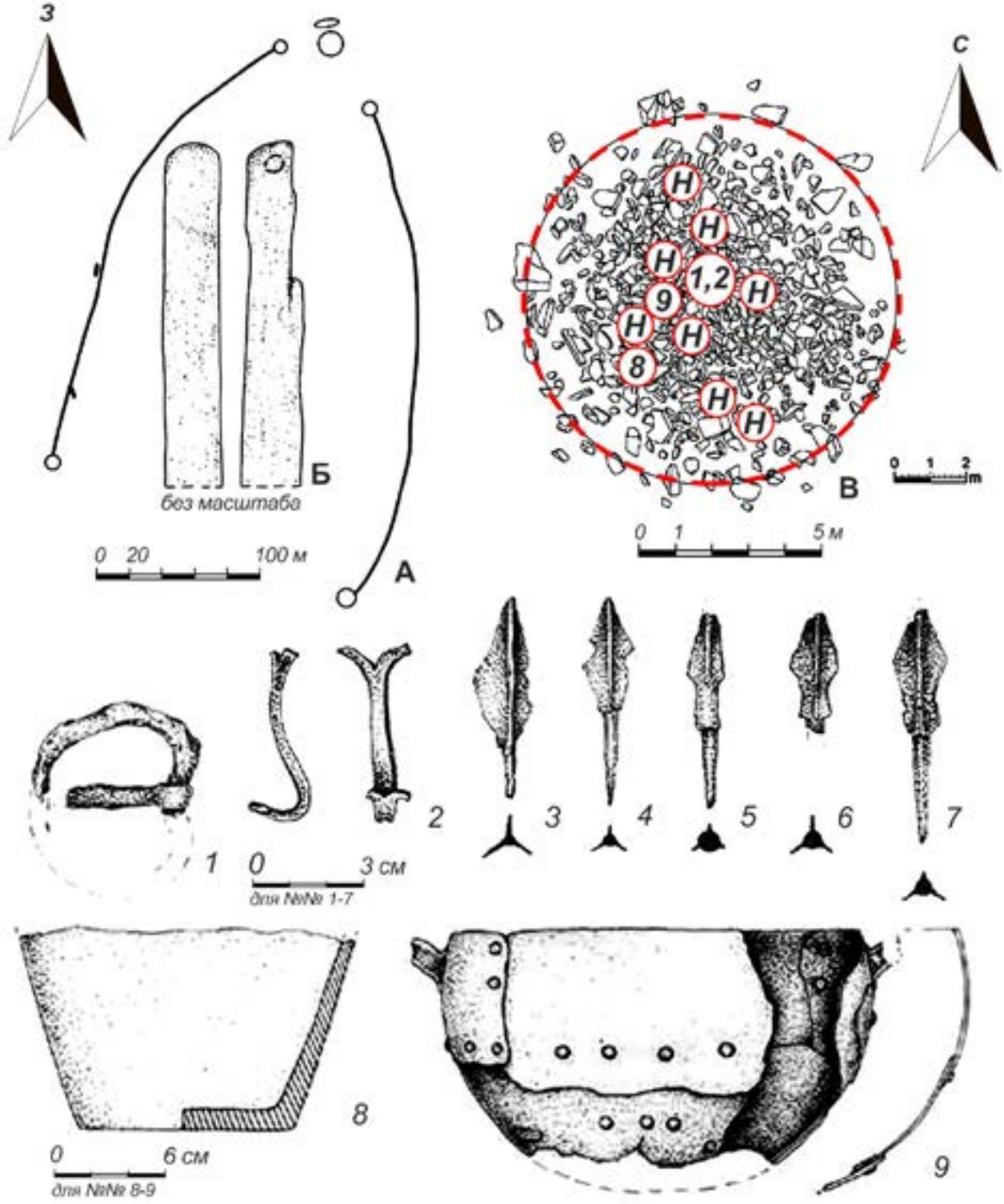


Рис. 13. Курган с усами Унирек-2 (по: Курманкулов, Утубаев, Касенова, 2018).

Fig. 13. "Kurgan with mustaches" Unirek-2 (after: Kurmankulov, Utubaev, Kasenova 2018).

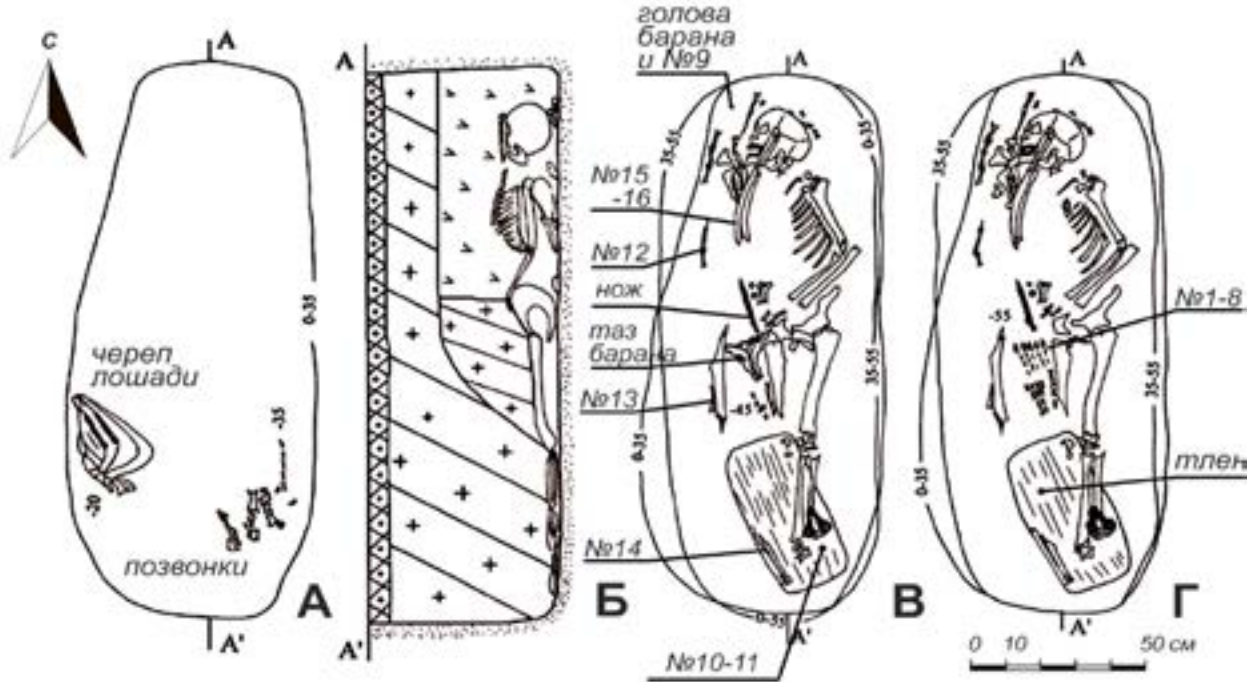
Зевакино, курган 1 ***(рис. 1, 10; рис. 12)***[20]***.***

Памятник находится на правом берегу р. Иртыш, в 5 км юго-западнее с. Зевакино (Шеманаихинский район Восточно-Казахстанской области), в 60 км северо-западнее г. Усть-Каменогорска. Состоит из четырех курганов с «усами», расположенных в 150-250 м друг от друга. Интересующее нас погребение было обнаружено в кургане 1.

Курган 1 состоял из двух каменных насыпей, сложенных одна на другую, диаметром 7 м. Северная и южная гряды – протяжённые каменные гряды длиной 30 м и 32,5 м соответственно.

При исследовании северного центрального кургана, под его насыпью, были обнаружены фрагменты кости овцы, фрагмент дна глиняного сосуда (рис. 12. 12). На глубине 1,15 м в восточной части кургана обнаружены контуры могильной ямы подпрямоугольной со скруглёнными углами размерами 2,3 х 1 м и глубиной 1,5 м, ориентированной по линии С–Ю с отклонением в 15. На дне обнаружены скелеты взрослого человека и ребенка в позах, вытянутых на спине, головой на С. У левой височной кости взрослого найдена бронзовая серьга (рис. 12. 1), в области шеи – бронзовая гривна (рис. 2), на поясе – остатки кожаного ремня (рис. 12. 14, 14а), состоящего из узких подпрямоугольных накладок с расширенными концами и шпеньками-гвоздиками с шляпками, железной пряжки с округлой рамкой, и фигурной пластиной на конце. В области таза лежал обломок однолезвийного железного меча (рис. 12. 13) с плоской рукояткой и остатками дерева на ней. Рядом с мечом лежал железный нож. У левого колена зафиксированы остатки кожи от колчана и железные наконечники стрел (3 ед.) (рис. 12. 3-5). Вдоль западной стенки могилы и костяка лежали накладки на лук (рис. 12. 6-11), который был вероятно 130 см в длину.

Автор датировала погребение и курган IV-V вв. н.э. (Арсланова 1975: 129). Половозрастная характеристика погребенных отсутствует.



Курган с «усами» Унирек-2 (рис. 1, 12; рис. 13)[21]

Памятник расположен в 6 км к юго-востоку от с. Унирек (Шетский район Карагандинской области) и представлял собой одиночный курган, сложенный из камня, с вытянутыми в восточную сторону дугообразными грядами: северная длиной 200 м, южная 175 м (рис. 13. А), – на концах которых зафиксированы небольшие каменные выкладки диаметром до 5,5 м. В средней части южной гряды наклонно стояла каменная стела (рис. 13. Б) высотой 1,2 м, еще две стелы были расположены рядом.

Центральный курган диаметром 12 м был укреплен двойным рядом крепиды из уложенных горизонтально каменных плит. При разборе насыпи, в толще камней в северо-восточной части кургана лежали обломки железного котла (рис. 13. 9), железные наконечники стрел (рис. 13. 3-7), крючок от колчана (рис. 13. 2), железная пряжка (рис. 13. 1). На уровне материка в этом же секторе найден фрагмент дна керамического сосуда (рис. 13. 8).

Авторы датировали памятник I-III вв. н.э. (Курманкулов, Утубаев, Касенова, 2018, с. 292).

Халвай-3, погребение 3А *(рис. 1, 12; рис. 14)*[22].

Памятник расположен на левом берегу р. Тобол Каратомарского водохранилища, в 7 км к северо-востоку от п. Халвай (ныне упразднено) (Тарановский район Костанайской области).

Насыпь земляная диаметром 32 м, высотой – 1 м, окружена рвом, половина ее оказалась размыта водохранилищем. Под ней находилось 11 могильных ям эпох бронзы (1, 3, 6, 8, 9), раннего железного века и великого переселения народов (2, 3А, 4, 5, 7, 8А).

Погребение 3А было обнаружено в северной части раскопа и впущена в яму №3. Оно овальных очертаний, размером 1,7 х 0,68 м, глубиной 0,55 м, ориентировано по оси С–Ю. При исследовании заполнения, на глубине 0,2-0,35 м в южной части погребения были обнаружены череп лошади и хвостовые позвонки (рис. 14. А), вероятно, представлявшие собой жертвенную шкуру. На глубине 0,35-0,55 м лежал скелет (рис. 14. Б-Г) мужчины старческого возраста, лежавшего на правом боку головой на север. Его ноги были вытянуты, левая рука лежала на тазу. Напротив лицевого отдела черепа была уложена голова барана (рис. 14. В), железный нож и пряжка (рис. 13. 9). Вдоль правого бока находились накладки от лука (рис. 14. 12-16). В ногах зафиксированы остатки древесного тлена, возможно, от колчана или горита, а чуть выше него тлен от древков стрел с железными наконечниками (рис. 14. Г; рис. 14. 1-8). В области ступней были уложены кольчатые удила и костяная пряжка (рис. 14. 10-11).

Покойный мужчина старческого возраста, череп мезокранный широколицевого варианта с долей монголоидной примеси и признаками искусственной деформации. На останках покойного зафиксированы множественные признаки различных патологий (остеомиелит, пародонтоз, спондиллез, дегенеративно-дистрофические изменения, экзостоз) и травм (носовой полости, ключицы, правой плечевой кости) (Шевнина, Логвин 2015: 190-197). Погребение датировано авторами IV-VI вв. н.э. (Шевнина, Логвин 2015: 163).

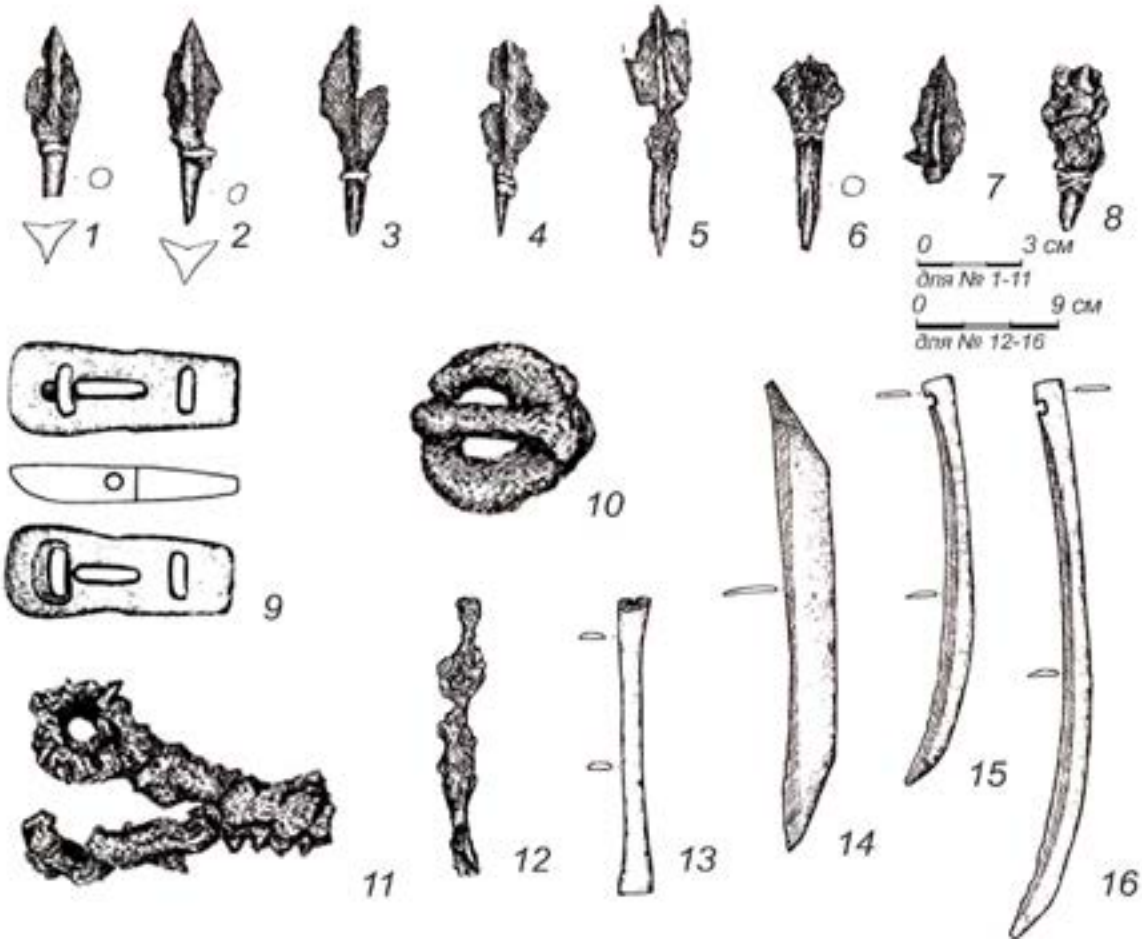


Рис. 14. Халвай-3, погребение 3А.

Fig. 14. Khalvai-3, burial 3A.

Заключение

В целом, рассматривая эту группу древностей в рамках одного временного периода конца IV – первой половины VI вв. н.э. до уточнения хронологии можно сделать несколько предварительных заключений.

Выделяется три типа захоронений: 1– в виде поминальных комплексов под курганом без покойного (Коктал, Атасу-2, Унирек-2,); 2 – ингумации под курганом с северной ориентировкой (Канаттас, Зевакино, Халвай-3, Кара-агач, Назар-2, Енбекшил); 3 – ингумации с северной ориентировкой, совершенные на заброшенных поселениях/ городищах (Актобе-2, Кзыл-Кайнар-Тобе). Сегодня сложно объяснять данную ситуацию разноэтничным составом населения или предполагать существование отдельных племенных территорий с «княжескими» владениями, или конфедерациями племен, т.к. данные варианты погребений могли в целом практиковаться одновременно или, наоборот демонстрировали процесс интеграции новой культуры/населения в разные районы казахстанских степей.

Сложную демографическую ситуацию и плотность расселения степных кочевников,

а также близость контактной зоны с культурами Восточной Европы, Волго-Уралья и Западной Сибири наглядно демонстрируют курганы с «усами» (рис. 1, Д). Эти жертвенные архитектурные ансамбли, маркировавшие участки освоения и политического доминирования кочевников-скотоводов на территориях в районах Сарыарки, Тургая, Жетысу и Зауралья, по современным оценкам датируются III/IV-VII вв. н.э. Их расположение позволяет предполагать почти беспрепятственное проникновение кочевников по основным водным артериям на разных этапах эпохи Великого переселения народов.

Представленные «кочевнические» комплексы Казахстана еще раз подчеркивают их синхронное происхождение, и формируют с соседними регионами общую картину экономико-политических связей кочевой элиты на широких просторах северной Евразии. Дальнейшие исследования по заявленной теме связаны с расширением источниковой базы, типологическим сравнением отдельных групп погребений, а также глубокой проработкой происхождения популяций, оставивших эти могильники, через призму антропологии и генетики.

Примечания

1. Карта подготовлена на основе ГИС-программы QGIS 3.40.15 Bratislava. Положка – Ersi Imagery, геоданные №№ 1-12 определены из текстовых описаний соответствующих публикаций из каталога.
2. Раскопки 1961 и 1962 гг. Результаты работы изложены в коллективной монографии [Максимова и др. 1968]. Интересующее погребение описано в параграфе 6 [там же, с. 71-79] (авторы – Б.И. Вайнберг, Л.М. Левина), ставшего основой настоящего текста.
3. Основа описаний комплекса – одноименная публикация (Бейсенов и др. 2018).
4. Раскопки 2015 г. А.З. Бейсенова.
5. Основа описаний (Бернштам 1951). В свою очередь А.Н. Бернштам отсылает за подробными описаниями существа находок к работе М.Н. Леонтьевского (Леонтьевский 1928). И.П. Засецкая в специальной работе по датировке погребения у оз. Борового (Засецкая 1995) использует в качестве первоисточника сведения Дьячкова И.П. (Дьячков 1930). Вещи неоднократно публиковались в разного типа научных и научно-популярных трудах (Бернштам 1951; Werner 1956; Засецкая 1975; Амброз 1981; Амброз 1989; Акишев К., Акишев А. 1983; Засецкая 1994; Засецкая 1995; Засецкая и др. 2007 и др.).
6. В работе С.А. Ярыгина указывается, что данные находки попали в коллекцию случайно и относятся к материалам погребения из кургана с «усами» Большое Чебачье (Улкен Шабакты) (Ярыгин 2013: 441; Грязнов 1956: рис. 2. 1, 3).
7. Впрочем, могли использоваться в уздечных наборах.
8. Раскопки 2010-2011 гг. под руководством А.З. Бейсенова, описания по: Бейсенов, Китов 2013.
9. Раскопки 1998 г. под руководством А.З. Бейсенова, описания по: (Бейсенов, Веселовская 2013).
10. Описания по: Мерщиев 1970: 86–92.

11. Нижняя створка щитка на рис. 7. 5, 5а.
12. В публикации отмечено, что сложно поддается определению «меч или палаш» (Мерщиев 1970: 91).
13. Раскопки 1957 г. М.К. Кадырбаева. Описания по: Кадырбаев 1959: 177-183.
14. Удила (рис. 7. 13) вне контекста, нет описаний их находки в тексте публикации.
15. Раскопки А.А. Козырева и Н.М. Петровского. Описания по: Козырев 1905: 27–36.
16. Для привязки по старым картам использован онлайн-сервис «http://www.etomesto.ru/».
17. В тексте не указано, но, вероятно, погребенный был ориентирован головой на север.
18. Описания по: Кадырбаев 1959а.
19. Раскопки Ф.Х. Арслановой 1972 г. Описания по: Арсланова, 1975. Статья без изменений переопубликована (Арсланова 2013).
20. Раскопки Ж. Курманова 2017 г. Описания по публикации [Курманкулов, Утубаев, Касенова, 2018].
21. Раскопки А.В. Логвина 2009–2010 гг. Описания по: Шевнина, Логвин 2015:152–163; Сеитов 2017).

Список литературы

Bona I. *Das Hunnenreich.* Stuttgar. 1991. 294 p.

Werner J. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches.* München. 1956. 138 p.

Акишев К., Акишев А. *Древнее золото Казахстана.* Алма-Ата: Өнер. 1983. 264 с.

Акишев К.А. *Хунну-усуньский комплекс Актас.* Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XXI. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 2024. 256 с.

Акишев К.А., Свиридов А.Н. Курган № 28 могильника Актас 1. В: *Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археологической конференции.* Астана, 20-22 апреля 2011 г. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. 2011. С. 188-191.

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. В: *Степи Евразии в эпоху Средневековья.* Москва. 1981. С.10-23.

Амброз А. *Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.* Ч. II. *Советская археология.* 1971. No.3, с.106-134.

Амброз А. *Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв*. Москва. 1989. 134 с.

Арсланова Ф. Курганы с «усами» Восточного Казахстана. В: *Древности Казахстана.* Алма-Ата. 1975. С.116-129.

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. *Материалы и исследования по археологии Казахстана.* Т. 3. Астана, 2013. С. 243-252.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI в.). *Материалы и исследования по археологии Казахстана.* Т. XVIII. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023. 384 с.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. *Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана.* Алматы: БАУР, 2005. 236 с.

Бейсенов А.З., Веселовская Е.В. Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Цент-

ральный Казахстан). В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов*. Сборник статей. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. С. 446-461.

Бейсенов А.З., Китов Е.П. Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2. В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов.* Сборник статей. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. С. 462-468.

Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай Д.Б., Ахияров И.К. Курган с «усами» Атасу-2. *Поволжская археология.* 2018. № 3 (25). С. 103-117. DOI: 10.24852/2018.3.25.103.117.

Бернштам А.Н. *Находки у оз. Борового в Казахстане*. СМАЭ. Т. XIII. М.-Л., 1951. С. 216-229.

Бернштам А.Н. *Очерк истории гуннов*. Л.: ЛГУ, 1951. 256 с.

Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А. Исследование памятников гуннского времени в Актюбинской области в 2018 г. (предварительное сообщение). *Археология Казахстана.* 2018. № 1-2. С. 235-244. DOI: 10.52967/akz2018.1-2.1-2.235.244.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. *Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей.* Серия: Этногенез уральских народов. Челябинск: Рифей, 2000. 267 с.

Гавритухин И.О. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов. *Археология Волго-Уралья. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов.* Казань: Изд-во АН РТ, 2022. С. 272-316.

Грудочко И.В. Курганы с «усами». *Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV-VII вв. н. э.).* Будапешт, 2020. 205 с.

Грязнов М.П. *История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 228 с.

Грязнов М.П. *Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.* КСИИМК. 1956. Вып. 61. С. 8-16.

Дмитриев Е.А., Ломан В.Г., Макен А.Б., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Гусев И.В., Жусупов Д.С. *Новые материалы предтюркского времени из Центрального Казахстана. В: Сарыарка в историческом пространстве Евразии.* К 70-летию В.В. Варфоломеева: сб. науч. тр.: науч. электрон. изд. Караганда: Издательство Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова, 2024. С. 201-218.

Дьячков И.П. *Краткий исторический очерк о шестилетней работе Петропавловского окружного музея.* Вып. 1. Петропавловск, 1930. 46 с.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж., Касенова А.Д. *Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи*. Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №1 (61). Т. 3. С. 26-32.

Засецкая И.П. *Золотые украшения гуннской эпохи*. Л.: Аврора, 1975. 80 с.

Засецкая И.П. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.)*. СПб., 1994. 224 с.

Засецкая И.П. *Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях.* АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 79-91.

Засецкая И.П. *О датировке погребального комплекса у озера Борового в Казахстане. В: Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня.* Бишкек: Илим, 1995. С. 95-110.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: *Погребения знати из Приазовья и их место в истории племён Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.

Зданович Г.Б. *Покровский могильник на р. Ишим. В: Культура древних скотоводов и земледельцев*

Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 69-79.

Золото властелинов казахских степей. Тэджон: *Национальный научно-исследовательский институт культурного наследия Республики Корея*, 2018. 631 с.

Кадырбаев М.К. *Исследования кургана с каменными грядами в Джамбульской области.* Вестник Академии наук Казахской ССР. 1959. № 7. С. 89-97.

Кадырбаев М.К. *Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана.* Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 162-203.

Казанский М.М. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* 2020. Т. 25. С. 90-167.

Казанский М.М. Морской *Чулек – Шамси – Аржан Бугузун: миграции степных кочевников в постгуннское время и "княжеская" культура. Stratum plus.* Archaeology and Cultural Anthropology. 2020. № 5. С. 55-72.

Календарёв Д.М., Ермакова К.К., Пальянов П.В. *Священная кедровая роща: вождеское погребение 55 и поминальный комплекс V-VII веков.* Северные древности: археология, этнография, история. 2024. № 1 (9). С. 38-56.

Козырев А.А. *Раскопка кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда.* Известия ИАК. 1905. Вып. 16. С. 27-36.

Курманкулов Ж.К., Утубаев Ж.Р., Касенова А.Д. Археологические исследования «кургана с усами» Унирек 2 в Шетском районе. В: *Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие.* Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Алматы-Актобе, 2018. С. 291-294.

Леонтьевский М.Н. *Памятники древней культуры в южной полосе Петропавловского округа Казахской ССР.* Кокчетав, 1928. С. 12-13.

Любчанский И.Э. *Восточные элементы материальной культуры в памятниках кочевников II-VI вв. н. э. Южноуральского региона.* В: Уфимский археологический вестник: сб. науч. ст. Вып. 5. Уфа: Гилем, 2004. С. 197-217.

Максимова А.Г., Мерщиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. *Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища).* Алма-Ата, 1968. 264 с.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая дата. *Российская археология.* 2009. № 1. С. 47-52.

Матвеева Н.П., Зыков А.П., Зеленков А.С., Третьяков Е.А., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Алексеева Е.А., Клима Л., Чиндина В.С. *Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей*. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2022. 260 с.

Мерщиев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I-IV веков и захоронение на нём воина IV-V века. В: *По следам древних культур Казахстана.* Алма-Ата: Наука, 1970. С. 79-92.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV-V вв. н.э. в Барабе. В: *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии.* Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1990. С. 161-179.

Наследие Великой степи: шедевры ювелирного искусства. Т. V. Язык искусства. Каталог выставки. Астана, 2018. 476 с.

Плетнева Л.М., Коробейников И.Н. Уточнение датировки некоторых курганов Тимирязевского курганного могильника-1. *Теория и практика археологических исследований. 2*025. Т. 37. № 1. С. 123-153. DOI: 10.14258/tpai(2025)37(1)-07.

Самашев З., Айткали А. Женские погребения хунно-сяньбийского времени некрополя Берел. В:

Маргулановские чтения – 2022: материалы международной научно-практической конференции (г. Алматы, 12-13 апреля 2022 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 296-305.

Сеитов А.М. Погребение гуннского времени кургана Халвай-3 (Северный Казахстан). В: *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение.* Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Т. 2. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 317-322.

Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. *Археологические памятники Коченёвского района Новосибирской области.* Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 9. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013. 272 с.

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше. В: *Бронзовый и железный век Сибири.* Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск, 1974. С. 136-149.

Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше. В: *Древние культуры Алтая и Западной Сибири.* Новосибирск, 1978. С. 129-163.

Хабдулина М.К. *Степное Приишимье в эпоху раннего железа.* Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Шашенов Д.Т., Базарбаева Г.А. Письма археологов краеведу Л.Ф. Семенову. В: *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение.* Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Т. 1. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 209-215.

Шевнина И., Логвин А. *Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане.* Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. 248 с.

Ярыгин С.А. К вопросу о бронзовом котле из погребения в Боровом. В: Гуннский форум. *Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов*. Сборник статей. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. С. 441-446.

Ярыгин С.А. Статус погребенного из Бурабая и вопросы культурных связей Северного Казахстана в постгуннское время. В: *Степные племена в канун Великого переселения народов.* Материалы Международной научно-практической конференции (г. Актобе, 23-24 ноября 2023 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023. С. 186-191

References

Bona I. *Das Hunnenreich.* Stuttgart, 1991. 294 p. (In German)

Werner J. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches.* München, 1956. 138 p. (In German)

Akishev K., Akishev A. *Drevnee zoloto Kazakhstana.* Alma-Ata: Oner, 1983. 264 p. (in Russian)

Akishev K.A. Khunnu-usunskii kompleks Aktas. *Materials and research on the archeology of Kazakhstan. T. XX*I. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2024. 256 p. (in Russian)

Akishev K.A., Sviridov A.N. Kurgan No. 28 mogilnika Aktas 1. In: Margulan readings – 2011*. Materials of the international archaeological conference.* Astana, April 20-22, 2011Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2011. Pp. 188-191. (in Russian)

Ambroz A.K. Vostochnoevropeiskie i sredneaziatskie stepi V – pervoi poloviny VIII vv. In: *he Steppes of Eurasia in the Middle Ages.* Moscow, 1981. Pp. 10-23. (in Russian)

Ambroz A.K. Problemy rannesrednevekovoi khronologii Vostochnoi Evropy. Ch. II. *Soviet Archaeology.*

1971. No. 3. Pp. 106-134. (in Russian)
Ambroz A.K. *Khronologiia drevnostei Severnogo Kavkaza V-VII vv*. Moscow, 1989. 134 p. (in Russian)
Arslanova F.Kh. Kurgany s "usami" Vostochnogo Kazakhstana. In: *Antiquities of Kazakhstan.* Alma-Ata, 1975. Pp. 116-129. (in Russian)
Arslanova F.Kh. Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtyshia. *Materials and Research on the Archaeology of Kazakhstan.* Vol. 3. Astana, 2013. Pp. 243-252. (in Russian)
Astafev A.E., Bogdanov E.S. *Pogrebalno-pominalnyi kompleks Altynkazgan (III – pervaia polovina VI v.). Materials and Research on the Archaeology of Kazakhstan*. Vol. XVIII. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2023. 384 p. (in Russian)
Baipakov K.M., Smagulov E.A., Erzhigitova A.A. *Rannesrednevekovye nekropoli Iuzhnogo Kazakhstana.* Almaty: BAUR, 2005. 236 p. (in Russian)
Beisenov A.Z., Veselovskaia E.V. Pogrebenie gunnskogo vremeni iz mogilnika Enbekshil (Tsentralnyi Kazakhstan). In: Hunnic forum. *Problems of the origin and identification of the culture of the Eurasian Huns. Collection of articles.* Cheliabinsk: SUSU Publishing Center, 2013. Pp. 446-461. (in Russian)
Beisenov A.Z., Kitov E.P. Vpusknoe pogrebenie gunnskogo vremeni iz mogilnika Nazar-2. In: Hunnic forum. *Problems of the origin and identification of the culture of the Eurasian Huns.* Collection of articles. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center, 2013. Pp. 462-468. (in Russian)
Beisenov A.Z., Torgoev A.I., Duisenbai D.B., Akhiiarov I.K. Kurgan s "usami" Atasu-2. V*olga region archeology.* 2018. No. 3 (25). Pp. 103-117. DOI: 10.24852/2018.3.25.103.117 (in Russian)
Bernshtam A.N. Nakhodki u oz. *Borovogo v Kazakhstane*. SMAE. Vol. XIII. Moscow-Leningrad, 1951. Pp. 216-229. (in Russian)
Bernshtam A.N. *Ocherk istorii gunnov*. Leningrad: Leningrad State University, 1951. 256 p. (in Russian)
Bisembaev A.A., Khavanskii A.I., Duisengali M.N., Mamedov A.M., Bairov N.M., Amelin V.A*. Issledovanie pamiatnikov gunnskogo vremeni v Aktyubinskoi oblasti v 2018 g.* (predvaritelnoe soobshchenie). Archaeology of Kazakhstan. 2018. No. 1–2. Pp. 235–244. DOI: 10.52967/akz2018.1-2.1-2.235.244 (in Russian)
Botalov S.G., Gutsalov S.Iu. Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Series: *Ethnogenes of the Ural peoples.* Cheliabinsk: Rifei, 2000. 267 p. (in Russian)
Gavritukhin I.O. *Khronologiia i dinamika kultur v kontse pozdnesarmatskogo vremeni i nachale epokhi Velikogo pereseleniia narodov*. Archaeology of the Volga-Ural Region. Vol. 4. The Great Migration Period. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian)
Grudochko I.V. Kurgany s «usami»*. Epokha pozdnei drevnosti i rannego srednevekovia uralo-kazakhstan skikh stepei* (IV-VII vv. n. e.). Budapesht, 2020. 205 p. (in Russian)
Gryaznov M.P. Istoriia drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bolshaia Rechka. Moscow; *Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences,* 1956. 228 p. (in Russian)
Gryaznov M.P. *Severnyi Kazakhstan v epokhu rannikh kochevnikov.* KSIIMK. 1956. Issue 61. Pp. 8-16. (in Russian)
Dmitriev E.A., Loman V.G., Maken A.B., Kukushkin I.A., Kukushkin A.I., Gusev I.V., Zhusupov D.S. Novye materialy predtiurkskogo vremeni iz Tsentralnogo Kazakhstana. In: *Saryarka in the historical space of Eurasia*. On the 70th anniversary of V.V. Varfolomeev: collection of scientific works: scientific scientific electronic publishing house. Karaganda: Publishing House of Karaganda Academician E.A. Buketov University, 2024. pp. 201-218. (in Russian)
Diachkov I.P. *Kratkii istoricheskii ocherk o shestiletnei rabote Petropavlovskogo okruzhnogo muzeia.* Issue 1. Petropavlovsk, 1930. 46 p. (in Russian)
Ermolenko L.N., Kurmankulov Zh., Kasenova A.D. *Novye dannye o spetsificheskoi raznovidnosti izvaianii sakskoi epokhi.* Bulletin of Kemerovo State University. 2015. No. 1 (61). Vol. 3. Pp. 26-32. (in Russian)

Zasetskaya I.P. *Zolotye ukrasheniia gunnskoi epokhi*. Leningrad: Avrora, 1975. 80 p. (in Russian)
Zasetskaya I.P. *Kultura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuiu epokhu* (konets IV-V vv.). St. Petersburg, 1994. 224 p. (in Russian)
Zasetskaya I.P. *Nekotorye itogi izucheniia khronologii pamiatnikov gunnskoi epokhi v iuzhnorusskikh stepiakh.* Archaeological Collection of the State Hermitage Museum. 1986. Issue 27. Pp. 79-91. (in Russian)
Zasetskaia I.P. *O datirovke pogrebalnogo kompleksa u ozera Borovogo v Kazakhstane.* In: From the history and archeology of the ancient Tien Shan. Bishkek: Ilim, 1995. Pp. 95-110. (in Russian)
Zasetskaia I.P., Kazanskii M.M., Akhmedov I.R., Minasian R.S. Morskoi Chulek: *Pogrebeniia znati iz Priazovia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomoria v postgunnskuiu epokhu.* St. Petersburg: State Hermitage Museum Publishing House, 2007. 212 p. (in Russian)
Zdanovich G.B. Pokrovskii mogilnik na r. Ishim. In: *The culture of ancient pastoralists and farmers of Kazakhstan.* Alma-Ata: Nauka, 1969. Pp. 69-79. (in Russian)
Zoloto vlastelinov kazakhskikh stepei. Daejeon: National Research Institute for Cultural Heritage of the Republic of Korea, 2018. 631 p. (in Russian)
Kadyrbaev M.K. *Pamiatniki rannikh kochevnikov Tsentralnogo Kazakhstana.* Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 1959. Vol. 7. Pp. 162-203. (in Russian)
Kadyrbaev M.K. *Issledovaniia kurgana s kamennymi griadami v Dzhambulskoi oblasti.* Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 1959. No. 7. Pp. 89-97. (in Russian)
Kazanskii M.M. Drevnosti stepnykh kochevnikov postgunnskogo vremeni (seredina V – seredina VI v.) v Vostochnoi Evrope*. Materials on the Archaeology, History, and Ethnography of Taurida*. 2020. Vol. 25. Pp. 90-167. (in Russian)
Kazanskii M.M. *Morskoi Chulek – Shamsi – Arzhan Buguzun: migratsii stepnykh kochevnikov v postgunnskoe vremia i "kniazheskaia" kultura.* Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology. 2020. No. 5. Pp. 55-72. (in Russian)
Kalendarev D.M., Ermakova K.K., Palianov P.V. *Sviashchennaia kedrovaia roshcha: vozhdeskoe pogrebenie 55 i pominalnyi kompleks V-VII vekov.* Northern Antiquities: Archaeology, Ethnography, History. 2024. No. 1 (9). Pp. 38-56. (in Russian)
Kozyrev A.A. *Raskopka kurgana v urochishche Kara-Agach Akmolinskogo uezda.* Bulletin of the Imperial Archaeological Commission. 1905. Issue 16. Pp. 27-36. (in Russian)
Kurmankulov Zh.K., Utubaev Zh.R., Kasenova A.D. *Arkheologicheskie issledovaniia "kurgana s usami" Unirek 2 v Shetskom raione.* In: Margulan Readings – 2018. Spiritual Modernisation and Archaeological Heritage. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Almaty-Aktobe, 2018. Pp. 291-294. (in Russian)
Leontievsky M.N. M.N. *Pamiatniki drevnei kultury v iuzhnoi polose Petropavlovskogo okruga Kazakhskoi SSR.* Kokchetav, 1928. Pp. 12-13. (in Russian)
Lyubchansky I.E. *Vostochnye elementy materialnoi kultury v pamiatnikakh kochevnikov II-VI vv. n. e. Iuzhnouralskogo regiona*. In: Ufa Archaeological Bulletin: Collection of Scientific Articles. Issue 5. Ufa: Gilem, 2004. Pp. 197-217. (in Russian)
Maksimova A.G., Mershchiev M.S., Vainberg B.I., Levina L.M. *Drevnosti Chardary (Arkheologicheskie issledovaniia v zone Chardarinskogo vodokhranilishcha).* Alma-Ata, 1968. 264 p. (in Russian)
Malashev V. Yu. Pozdnesarmatskaia kultura: verkhniaia khronologicheskaia data. *Russian Archaeology.* 2009. No. 1. Pp. 47-52. (in Russian)
Matveeva N.P., Zykov A.P., Zelenkov A.S., Tretyakov E.A., Bagashev A.N., Poshehonova O.E., Slepchenko S.M., Alekseeva E.A., Klima L., Chindina V.S. Zapadnaia *Sibir v epokhu rannego Srednevekovia: vzaimodeistvie etnokulturnykh obshchnostei.* Tyumen: Tyumen State University Press, 2022. 260 p. (in Russian)
Mershchiev M.S. *Poselenie Kzyl-Kainar-tobe I–IV vekov i zakhoronenie na nem voina IV-V veka*. In: In the

Footsteps of the Ancient Cultures of Kazakhstan. Alma-Ata: Nauka, 1970. Pp. 79-92. (in Russian)
Molodin V.I., Chikisheva T.A. Pogrebenie voina IV-V vv. n.e. v Barabe. In: *Military Affairs of the Ancient and Medieval Populations of North and Central Asia.* Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, 1990. Pp. 161-179. (in Russian)
Nasledie Velikoi stepi: shedevry iuvelirnogo iskusstva. Vol. V. *The Language of Art. Exhibition catalogue.* Astana, 2018. 476 p. (in Russian)
Pletneva L.M., Korobeinikov I.N. *Utochnenie datirovki nekotorykh kurganov Timiriazevskogo kurgannogo mogilnika-1.* Theory and Practice of Archaeological Research. 2025. Vol. 37. No. 1. Pp. 123-153. DOI: 10.14258/tpai (2025)37(1)-07 (in Russian)
Samashev Z., Aitkali A. *Zhenskie pogrebeniia khunno-sianbiiskogo vremeni nekropolia Berel. In: Margulanov Readings – 2022: proceedings of the international scientific and practical conference* (Almaty, 12–13 April 2022). Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology. Pp. 296-305. (in Russian)
Seitov A.M. *Pogrebenie gunnskogo vremeni kurgana Khalvai-3 (Severnyi Kazakhstan)*. In: The Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation. A collection of academic articles dedicated to the 70th anniversary of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan. Vol. 2. Almaty: 'Begazy-Tasmol' Research Centre for History and Archaeology, 2017. Pp. 317–322. (in Russian)
Sumin V.A., Evteeva E.M., Anufriev D.E., Rosliakov S.G. *Arkheologicheskie pamiatniki Kochenevskogo raiona Novosibirskoi oblasti.* Materials from the "Compendium of Historical and Cultural Monuments of the Peoples of Russia". Issue 9. Novosibirsk: Scientific and Production Centre for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Novosibirsk Region, 2013. 272 p. (in Russian)
Umanskii A.P. *Mogilniki verkhneobskoi kultury na Verkhnem Chumyshe.* In: The Bronze and Iron Ages of Siberia. Materials on the History of Siberia. Ancient Siberia. Vol. 4. Novosibirsk, 1974. Pp. 136-149. (in Russian)
Umanskii A.P. *Pogrebenie epokhi "velikogo pereseleniia narodov" na Charyshe*. In: Ancient Cultures of Altai and Western Siberia. Novosibirsk, 1978. Pp. 129-163. (in Russian)
Khabdulina M.K. *Stepnoe Priishimie v epokhu rannego zheleza.* Almaty: Rakurs, 1994. 170 p. (in Russian)
Shashenov D.T., Bazarbaeva G.A. Pisma arkheologov kraevedu L.F. Semenovu. In: *The Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation.* A collection of academic articles dedicated to the 70th anniversary of the Central Kazakhstan Archaeological Expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan. Vol. 1. Almaty: 'Begazy-Tasmol' Research Centre for History and Archaeology, 2017. Pp. 209-215. (in Russian)
Shevnina I., Logvin A. Mogilnik epokhi bronzy Khalvai III v Severnom Kazakhstane. Astana: *Branch of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology,* 2015. 248 p. (in Russian)
Yarygin S.A. K voprosu o bronzovom kotle iz pogrebeniia v Borovom. In: *The Huns Forum. Problems of the Origin and Identification of the Eurasian Hun Culture*. Collection of articles. Chelyabinsk: Publishing Centre of South Ural State University, Pp. 441-446. (in Russian)
Yarygin S.A. Status pogrebennogo iz Burabaia i voprosy kulturnykh sviazei Severnogo Kazakhstana v postgunnskoe vremia. In: *Steppe tribes on the eve of the Great Migration. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (Aktobe, 23-24 November 2023). Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2023. Pp. 186-191. (in Russian)

Information about authors

Alexander S. Zelenkov – Chief Research Fellow, Chief Researcher at the Republican State Enterprise

on the Right of Economic Management “Research Institute for Jochi Ulus Studies” of the Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, 15B Aleksandr Pushkin Street, 010000, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0000-0001-6257-119X, qvimen@hotmail.com

Авторлар туралы мәлімет

Александр Сергеевич Зеленков – Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты» шаруашылық жүргізу құқығындағы РМК бас ғылыми қызметкері, А. Пушкин көшесі, 15Б, 010000, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0000-0001-6257-119X, qvimen@hotmail.com

Сведения об авторах

Александр Сергеевич Зеленков – главный научный сотрудник РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» КН МНВО РК, Александра Пушкина, 15Б, 010000, Астана, Казахстан Научного института изучения Улуса Джучи, ул. Туркестан 2, Астана, Казахстан, https://orcid.org/0000-0001-6257-119X, qvimen@hotmail.com

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / ***Раскрытие информации о конфликте интересов***. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / ***Disclosure of conflict of interest information.*** The author claims no conflict of interest

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.04.2025
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 02.05.2025.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.09.2025

–

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050
WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 11.15.39

https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.3.43.66

Nogais and cumans: continuity in culture, tribal structure, genetics, and anthropology

A. Makhsutov✉
Institute of Social Sciences, Istanbul University, Türkiye, Istanbul
✉*alim.makhsutov@ogr.iu.edu.tr*

Abstract. For the correct positioning of the Nogais on the ethno-cultural map of Eurasia, a comprehensive understanding of their ethnic and cultural roots is required. One of the key and simultaneously debated issues is the problem of the Nogais' continuity in relation to either the Western or Eastern Kipchaks. This issue is essential both for reconstructing the processes of ethnogenesis and for determining the place of the Nogais within the system of Turkic peoples of Eurasia. The aim of this study is to assess the validity of associating the Nogais with the Western or Eastern Kipchaks and to determine the degree of their continuity. To achieve this, a comparative analysis of the material and spiritual culture of the Nogais has been conducted in correlation with the Western Kipchak tradition. In addition, data on tribal structure, population genetics, and anthropology have been systematically compared, with particular attention to stable elements preserved despite historical transformations and Islamization. The study draws on a wide range of scholarly works on the culture of the Cumans and Nogais, their tribal organization, as well as the results of modern genetic studies, including paleogenetic (ancient DNA) data. A comparative-historical, comparative-ethnographic, and interdisciplinary approach has been applied, based on the correlation of comparable indicators from different fields. This work continues the first comprehensive study addressing the Nogais' affiliation with the Western or Eastern Kipchaks. For the first time, a systematic comparison of elements of Cuman and Nogai costumes has been carried out, three branches of a conventionally defined "Kipchak" Y-chromosome haplogroup have been identified, and a comparative table of correspondences between Cuman and Nogai clans has been proposed. Additional analysis includes burial practices and certain social institutions linked to the Cuman tradition. A comprehensive analysis demonstrates a stable continuity of the Nogais with the Cuman population of the Western Desht-i Kipchak. This continuity is reflected in material culture, rituals, tribal structure, as well as genetic and anthropological characteristics. The findings support the interpretation of the Nogais as direct descendants of the Western Kipchaks, who preserved key features of their cultural and biological profile in a transformed yet recognizable form.

Keywords: Nogais, Kipchaks, Polovets, Desht-i Kipchak, ethnogenesis, tribal structure, population genetics, Y-chromosome haplogroups, ancient DNA, Cuman, comparative-historical analysis, ethno-cultural continuity

For citation: Makhsutov A. Nogais and cumans: continuity in culture, tribal structure, genetics, and anthropology. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.43-66. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.3.43.66*

© A. Makhsutov, 2025

Ноғайлар мен қыпшақтар: мәдениет, тектік құрылым, генетика және антропологиядағы сабақтастық

А. Махсутов
Әлеуметтік ғылымдар институты, Стамбул университеті, Түркия, Стамбул

Аңдатпа. Ноғай халқының Еуразия континентның этномәдени картасындағы орнын дұрыс айқындау үшін олардың этникалық және мәдени тамырларын кешенді түрде түсіну қажет. Негізгі әрі даулы мәселелердің бірі – ноғайлардың батыс немесе шығыс қыпшақтарға қатысты тарихи сабақтастығы мәселесі. Бұл мәселе этногенез үдерістерін қайта құру үшін де, ноғайлардың Еуразия түркі халықтары жүйесіндегі орнын анықтау және дала халықтарының тарихи көші-қон бағыттарын нақтылау үшін де аса маңызды. Жұмыстың мақсаты – ноғайларды батыс немесе шығыс қыпшақтармен байланыстырудың негізділігін анықтау, сондай-ақ олардың сабақтастық дәрежесін айқындау. Осы мақсатқа жету үшін ноғайлардың материалдық және рухани мәдениетіне батыс қыпшақ дәстүрімен салыстырмалы кешенді талдау жасалды. Сонымен қатар ру-тайпалық құрылым, популяциялық генетика және антропология деректері салыстырылды. Тарихи өзгерістер мен исламдану ықпалына қарамастан сақталған тұрақты элементтерді анықтауға ерекше назар аударылды. Зерттеуде қыпшақтар (қумандар) мен ноғайлардың мәдениеті, олардың ру-тайпалық ұйымы туралы ғылыми еңбектердің кең ауқымы, сондай-ақ қазіргі генетикалық зерттеулердің нәтижелері, соның ішінде палео-ДНҚ деректері пайдаланылды. Әртүрлі ғылым салаларынан алынған біртекті көрсеткіштерді салыстыруға негізделген салыстырмалы-тарихи, салыстырмалы-этнографиялық және пәнаралық тәсіл қолданылды. Бұл жұмыс ноғай халқының батыс немесе шығыс қыпшақтарға жататындығы мәселесіне арналған алғашқы кешенді зерттеудің жалғасы болып табылады. Алғаш рет қыпшақ және ноғай киім элементтеріне жүйелі салыстыру жүргізілді, шартты түрде «қыпшақтық» деп аталатын Y-хромосомалық гаплотоптың үш тармағы анықталды, сондай-ақ қыпшақ және ноғай рулары арасындағы сәйкестіктердің салыстырмалы кестесін жасауға талпыныс жасалды. Қосымша түрде жерлеу ғұрыптары, тұрғын үй түрлері, көш жолдары және қыпшақ дәстүрінен бастау алатын кейбір әлеуметтік институттар талданды. Әртүрлі ғылыми салалар деректері мен дереккөздерді кешенді талдау ноғайлардың Батыс Дешті Қыпшақтағы қыпшақ (қуман) халқымен тұрақты тарихи сабақтастығын көрсетеді. Бұл сабақтастық материалдық мәдениет элементтерінің, әдет-ғұрыптар мен дәстүрлердің сақталуынан, ру-тайпалық құрылым ұқсастығынан, сондай-ақ генетикалық және антропологиялық сипаттамалардан көрінеді. Көптеген деректер ноғайларды Батыс Дешті Қыпшақтағы қыпшақ (қуман) халқының тікелей ұрпақтары ретінде қарастыру тұжырымдамасын растайды; олар өздерінің мәдени және биологиялық келбетінің негізгі белгілерін мұраға алып, оларды өзгерген, бірақ танылатын түрде сақтап қалған.

Түйін сөздер: ноғайлар, қыпшақтар, половец, Дешті Қыпшақ, этногенез, ру-тайпалық құрылым, популяциялық генетика, Y-хромосомалық гаплотоптар, палео-ДНҚ, куман, салыстырмалы-тарихи талдау, этномәдени сабақтастық

Ногаи и куманы: преемственность в культуре, родовой структуре, генетике и антропологии

А. Махсутов
Институт социальных наук Стамбульского университета, Стамбул, Турция

Аннотация. Для корректного позиционирования ногаев на этнокультурной карте Евразии необходимо комплексное понимание их этнических и культурных корней. Одним из ключевых и в то же время дискуссионных вопросов является проблема преемственности ногаев по отношению к западным либо восточным кипчакам. Данный вопрос имеет принципиальное значение как для реконструкции процессов этногенеза, так и для определения места ногаев в системе тюркских народов Евразии и уточнения направлений исторических миграций степных популяций. Целью работы является определение обоснованности соотнесения ногаев с западными или восточными кипчаками, а также выявление степени их преемственности. Для достижения поставленной цели предпринята попытка комплексного анализа материальной и духовной культуры ногаев в сопоставлении с западно-кипчакской традицией, а также проведено сравнение данных по родоплеменной структуре, популяционной генетике и антропологии. Особое внимание уделено выявлению устойчивых элементов, сохраняющихся несмотря на исторические трансформации и влияние исламизации. В исследовании использован широкий круг научных трудов, посвящённых культуре куманов и ногаев, их родоплеменной организации, а также результаты современных генетических исследований, включая данные палео-ДНК. Применён сравнительно-исторический, сравнительно-этнографический и междисциплинарный подход, основанный на сопоставлении однородных показателей из различных областей знания. Работа является продолжением первого комплексного исследования, посвящённого проблеме принадлежности ногаев к западным или восточным кипчакам. Впервые проведено системное сопоставление элементов половецкого и ногайского костюмов, выявлены три ветви условно выделяемой «кипчакской» гаплогруппы Y-ДНК, а также предпринята попытка составления сравнительной таблицы соответствий между куманскими и ногайскими родами. Дополнительно проанализированы погребальные практики, формы жилищ, кочевые маршруты и отдельные социальные институты, восходящие к куманской традиции. Результаты. Комплексный анализ источников и данных различных дисциплин демонстрирует устойчивую преемственность ногаев по отношению к половецкому населению Западного Дешт-и Кипчака. Эта преемственность проявляется в сохранении элементов материальной культуры, обрядов и традиций, сходстве родоплеменной структуры, а также в генетических и антропологических характеристиках. Широкий спектр нарративов подтверждают концепцию о ногаях как прямых потомков половецкого населения Западного Дешт-и Кипчака, унаследовавших ключевые черты их культурного и биологического облика и сохранивших их в трансформированном, но узнаваемом виде.

Ключевые слова: ногаи, кипчаки, половцы, Дешт-и Кипчак, этногенез, родоплеменная структура, популяционная генетика, гаплогруппы Y-ДНК, палео-ДНК, куманы, сравнительно-исторический анализ, этнокультурная преемственность.

Для цитирования: Махсутов А. Ногаи и куманы: преемственность в культуре, родовой структуре, генетике и антропологии. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.2, no.2, pp.43-66. 10.65076/3105-0042.2025.3.43.66

Введение

Ногаи являются одним из тюркоязычных народов Западной Евразии. Местами коренного расселения народа считаются Нижняя Волга, северокавказские степи и пригорья, а также Крым и Северное Причерноморье. Одним из ключевых, при этом все еще дискуссионных вопросов является вопрос преемственности ногаев к западным либо восточным кипчакам. Вместе с тем, этот вопрос важен с точки зрения национального позиционирования народа на этнокультурной карте тюркского мира и Евразии вообще.

Материалы и методы

Для выявления преемственности между куманами (половцами) и ногаями был использован междисциплинарный подход, включающий методы сравнительно-исторического, сравнительно-этнографического и структурно-функционального анализа. Основное внимание уделено сопоставлению однородных показателей в различных сферах – материальной культуре, родоплеменной структуре, популяционной генетике и антропологии.

При анализе материальной и духовной культуры были привлечены труды специалистов в области тюркологии, этнографии и искусствоведения (П. Голден, К.Ю. Рахно, В.В. Трепавлов, З.В. Доде, Ф.Ю. Канокова и др.). Применялся метод прямого сопоставления элементов культуры, включая погребальные практики (курганы, надгробия, каменные изваяния), формы жилищ (разборные и неразборные юрты), кочевые маршруты и цикл сезонных перекочёвок, а также элементы традиционного костюма. Анализ проводился с учётом трансформаций, вызванных исламизацией и историческими изменениями, при этом фиксировались устойчивые архаичные элементы, восходящие к куманской традиции.

Для исследования родоплеменной преемственности использован сравнительно-ономастический метод, основанный на сопоставлении этнонимов и родовых названий, зафиксированных в письменных источниках (русские летописи, восточные хроники) и в современных ногайских родоплеменных структурах. На основе работ Ю.А. Евстигнеева, Р.Х. Керейтова, А.И.-М. Сикалиева и других исследователей предпринята попытка реконструкции соответствий между куманскими и ногайскими родами в виде сравнительной таблицы. Дополнительно учитывались данные о трансформации родоплеменной номенклатуры в период Улуса Джучи, включая процессы ассимиляции и смены этнонимов.

В генетическом аспекте были использованы результаты современных исследований популяционной генетики, включая данные по Y-хромосомным гаплогруппам и новейшие сведения о палео-ДНК куманского населения. Метод заключался в сопоставлении генетических маркеров, характерных для предполагаемых потомков западных кипчаков, с аналогичными показателями у ногайского населения.

Антропологический анализ опирался на данные краниологии и физической антро-

пологии (Т.А. Трофимова, М.М. Герасимова, В.Н. Чхаидзе и др.) и включал сравнительное изучение морфологических характеристик, зафиксированных у куманских и ногайских популяций.

Таким образом, методологическая основа исследования строится на комплексном сопоставлении данных различных дисциплин с целью выявления устойчивых признаков культурной, генетической и антропологической преемственности ногаев по отношению к куманскому населению Западного Дешт-и Кипчака.

Литературный обзор

Вопрос этногенеза ногаев и их происхождения занимает значительное место в отечественной и зарубежной историографии. Практически все исследователи, обращавшиеся к данной проблематике, сходятся во мнении о сложносоставном характере ногайского этноса, сформировавшегося на основе различных племенных компонентов Великой Степи. При этом в научной литературе устойчиво закрепилось представление о доминирующей роли кипчакского элемента в этногенезе ногаев. Так, В.В. Трепавлов, обобщая широкий круг источников, отмечает, что, несмотря на многокомпонентность, именно кипчаки выступают основным и определяющим субстратом ногайского народа (Трепавлов 2002: 663).

Значительный вклад в изучение кипчакской составляющей внесли работы Р.Х. Керейтова (Керейтов 2019), в которых рассматриваются вопросы родоплеменной структуры и исторической памяти ногаев. Особое место занимает диссертационное исследование М.Б. Гимбатовой «Роль половецко-кипчакского компонента в формировании ногайского этноса» (Гимбатова, 1998), где на основе комплексного анализа данных археологии, языкознания, антропологии и письменных источников обосновывается преемственность ногаев от половецко-кипчакского населения. Существенный вклад в разработку проблемы внес также Ю.А. Евстигнеев, один из ведущих исследователей кипчакской истории, который в своих работах рассматривает вопросы этнической преемственности кыпчаков, половцев и их потомков, включая ногаев (Евстигнеев 2010).

Вместе с тем, несмотря на общее признание кипчакской основы ногайского этногенеза, в научной среде сохраняется принципиальное разногласие относительно того, к какой именно ветви кипчаков следует относить предков ногаев – западной или восточной. Ряд исследователей придерживается точки зрения о восточнокипчакском происхождении ногаев. Так, В.В. Трепавлов прямо указывает, что «по происхождению ногайцы – это восточные кипчаки» (Трепавлов 2003: 273), связывая формирование ногайского этноса с процессами внутри кочевого мира Дешт-и Кипчака позднего периода, в частности с выделением групп из состава кочевых узбеков ханства Абулхайра. В рамках данного подхода ногаи рассматриваются как близкородственные казахам, кыргызам и ряду узбекских родов. Аналогичной позиции придерживаются и отдельные казахстанские исследователи, в частности А. Кузембайулы и Е.А. Абиль, которые склонны рассматривать ногаев в контексте более широкого казахского этнического массива (Кузембайулы, Абиль 2020: 107-108).

В противовес данной точке зрения существует иная исследовательская традиция, связывающая происхождение ногаев с западнокипчакским, куманско-половецким населением Дешт-и Кипчака. К числу сторонников данного подхода относятся А.И.-М.

Сикалиев (Сикалиев 1971), А.А. Ярлыкапов (Ярлыкапов 2017), Р.В. Ишмухамбетов (Ишмухамбетов 2018: 536) и другие исследователи. В их работах акцент делается на культурной, антропологической и в ряде случаев генетической преемственности ногаев от западных кипчаков, а также на сохранении ряда архаичных элементов, восходящих к куманской традиции.

Таким образом, анализ историографии показывает, что при общем признании кипчакского компонента как основного в этногенезе ногаев, ключевым дискуссионным вопросом остаётся проблема соотнесения ногаев с западной или восточной ветвью кипчаков. Именно данное противоречие и определяет актуальность настоящего исследования.

Результаты

Материальная культура, обряды и обычаи

Обычаи, материальная культура, восприятие наследия предков может многое рассказать о прошлом народа. Особенно в том случае, когда народ, в данном случае ногаи, проживает ровно на тех же землях, на том же ландшафте, что и его предки. Выше уже было упомянуто о том, что согласно преданиям и шеджере, ногаи считают своей родиной Западный Дешт-и Кипчак, что делает неизбежным столкновение ногаев со следами и артефактами половцев, коими являлись курганы и установленные на них половецкие изваяния. Ногайское население относилось к этим статуям, как к образам своих прямых предков, называя их буквально «баба-тас» («камень предков») и «ата-тас» («камень отцов»). При этом, ногаи не раскапывали курганов и не разрушали изваяний (Рахно 2019: 119). Это показывает, что ногаи относились к данным объектам, как к наследию и следам своих непосредственных предков.

Сохранение кумано-половецкой традиции отчётливо проявляется и в самом камнерезном искусстве ногаев. Так, хоть с принятием ислама ногаи и перестали ставить на могилах своих усопших подробные антропоморфные статуи с отчётливыми лицами и частями тела, коими являлись половецкие изваяния, но на мусульманских надгробиях ногаев всё же сохранялись элементы половецкой традиции. Этот процесс, по мнению искусствоведов, *«…особенно ярко выявляется в истории ногайского искусства»* (Канокова 2016: 22, 23). Само ногайское название надгробий «сын», «сынтас» (Мусаев 2018: 599-600) также берет свои корни из куманской традиции. Куманы обозначали свои изваяния, как «сын» (надмогильный камень, изображающий умершего) (Голден 2008: 319). Отсюда понятна этимология ногайского «сынтас», который также изображал умершего, хотя и с исламскими ограничениями.

Более того, у ногаев определённое время продолжалась куманская практика захоронения в курганах, хотя запрет на многие доисламские практики вводил ещё эмир Эдиге (Гарустович 2012: 60). Оправдывалось это тем, что курганы насыпаются «чтобы помешать зверям разрыть трупы» (Трепавлов 2020: 763). По всей видимости, уже к началу XV века эта практика практически сошла на нет (Иванов и др. 2021: 103), что совпадает со временем деятельности эмира Эдиге. Однако единичные случаи все еще наблюдались, так последний курган был насыпан над могилой тохтамышевского Султана Каплан-Герея в начале XX в., и по сей день находится в окрестностях села Икон-Халк

Ногайского р-на КЧР (Капаев 2004: 29). Современные ногаи тоже стараются располагать свои кладбища на старинных курганах, также курганы являются местами сбора народа и массовых гуляний (Фоменко, Джумагулова 2020). Зафиксированы захоронения куманов и ногаев в одних и тех же могильных комплексах, таких как Мамай Гора в Запорожье (Saag et al. 2024: 11). Данные факты в определенной степени демонстрируют сохранение куманской погребальной культуры и преемственность самих мест погребений.

Ногаи унаследовали от кипчаков маршруты кочёвок и кочевой цикл, в отличие от казахов, позже пришедших в Западный Дешт-и Кипчак, они пользовались уже несколько иными, более «спрямленными» меридионально путями сезонных миграций (Трепавлов 2020: 685). Данный факт особо примечателен, ведь казахи, в отличие от ногаев, являются потомками восточных кипчаков.

Преемственность прослеживается и в жилищах ногаев. Так, юрты, подобные ногайским, описаны у канглы и кипчаков (Калмыков и др. 1988: 112). Удивительное сходство ногайской и половецкой юрт красноречиво свидетельствует о преемственности жилищ этих двух народов.

Так, ногайские юрты делятся на два типа: разборную «терме» и неразборную «отав» (Калмыков и др. 1988: 113). Сравним разборную юрту «терме» с половецкими юртами. Ю.А. Евстигнеев так описывает западно-кипчакские наземные жилища: «Кочевое жилище половцев – в древнерусских источниках – «вежа» (вежами называли и стоянки половцев), по-половецки «терме» (отсюда древнерусское «терем») имело остов из цилиндрических плетёных из веток стен, над которыми находилась коническая крыша из жердей, завершающаяся дымовым кругом со сферическим перекрытием из согнутых планок» (Евстигнеев 2010: 38). Ногайская разборная юрта имеет идентичное название «терме» и форму, разве что плетёные из веток стены позже были заменены на решётчатые, однако оборачивавшиеся в камышевые плетёные циновки (Калмыков и др. 1988: 113). Ещё одним очевидным сходством является использование ногаями для кровли юрты ровных жердей «увык», таких же, какие были на половецких наземных юртах (Вайнштейн 1976: 51). Сравните эту особенность с юртами, например, казахского и кыргызского типов, где используются скруглённые к основанию жерди (Амиргазин 2019: 229).

Второй тип кибиток, который присутствует и в культуре половцев, и в культуре ногаев – это кибитки, устанавливаемые на повозках, называемые ногаями «отав». Половецкий тип подобных кибиток, т.н. «вежи», неоднократно запечатлён на миниатюрах средневековых летописей (Вайнштейн 1976: 51). О преемственности ногайских «отав» этому типу половецких кибиток пишет С.Ш. Гаджиева: «Устройство неразборных жилищ является очень древней традицией ногайцев и их прямых предков кипчаков» (Гаджиева 1976: 50). А.Н. Харузин пишет об уникальности сохранения этой архаичной традиции проживания в юртах такого типа именно в среде ногаев (Харузин 2006: 56), что в очередной раз подчёркивает соблюдение и сохранение древних куманских традиций ногаями.

В ногайском костюмном комплексе также прослеживаются домонгольские алано-половецкие элементы. Так как ногайский костюм во многом схож с общекавказским, в бытовых обсуждениях, как со стороны соседних народов, так и внутри ногайской общественности тема истоков ногайской национальной одежды является дискуссионной. Такая дискуссия порождена ошибочным отнесением ногаев к потомкам восточных кипчаков, исходя из чего, со стороны некоторых активистов и деятелей культуры стала

исходить искажённая этнокультурная репрезентация ногайского народа. Они считают ногайский национальный костюм перенятым у кавказских горцев. Их оппоненты, среди которых отметились многие учёные и краеведы, настаивают на том, что ногайский костюмный комплекс не был перенят, а имеет глубокие корни в материальной культуре самого народа и его предков (Шоьл Тавысы 2018; Ишмухамбетов 2017).

Обратимся к трудам ведущих специалистов северокавказского и ногайского искусствоведения. Доктор искусствоведения З.В. Доде считает, что в общем северокавказский костюмный комплекс развивался на ирано-тюркской основе (Доде 2007: 229). Истоки отдельно мужского костюма З.В. Доде усматривает в смешении аланских и половецких элементов (Богатырев, 2012), а окончательное сложение женского костюма относится именно к половецкому влиянию (Доде 2007: 601). К непосредственно ногайской одежде половецкого происхождения З.В. Доде отнесла штаны «сым» (ноговицы), ногайский каптал (кафтан), шапочки «такъия» (Доде 2007: 128, 558, 569). Сопоставляя труды З.В. Доде с исследованиями доктора искусствоведения Фатимы Юрьевной Каноковой, половецкую основу можно проследить в форме запаха верхней одежды (шепкена), когда правая сторона перекрывает левую, в противоположность монгольской традиции, где левая сторона перекрывает правую (Доде 2007: 257; Канокова 2018: 12). Так же к половецкой традиции в одежде относится застёжка кафтанов в стык по центру, что прослеживается и в ногайском костюме (Доде 2007: 306; Канокова 2018: 126), как и обязательное ношение женщинами поясов поверх одежды. Бытующая у ногаев короткая женская безрукавка «кыспа» (Доде 2007: 234; Канокова 2018: 123), также, как и металлические застёжки женского кафтана «тюйме» («тоьс туьйме», «такта туьйме», «кус куйрык туьйме» и т.д.) (Доде 2007: 559; Канокова 2018: 162) тоже связаны с половецкой культурой. Наборный пояс также имел половецкую, а до того тюркскую основу (Канокова 2018: 148) С.Ш. Гаджиева связывает ногайский башлык с запечатленным на половецких изваяниях головным убором (Гаджиева 1976: 123).

Список можно продолжать и дальше, так как практически весь комплекс ногайского национального костюма имеет кумано-половецкую основу, а для многих из видов одежды названия на куманском и на ногайском языке идентичны (Харламова 2018). Для более подробного изучения данной тематики сошлемся на исследования к.и.н. Рамиля Валитовича Ишмухамбетова (Ишмухамбетов 2017).

Ещё одна традиция, которую ногаи унаследовали от куманов – это ногайское казачество. Не следует путать ее с казачеством у восточных славян, хотя обе они, по всей видимости, имеют половецкие корни (Сопов 2009: 58), по другой версии именно ногайское казачество заложило основы для восточнославянского (Ярлыкапов 2017: 15).

Образ ногайского казака отражён в таком жанре народной литературы, как «Казак йырлары» («Казачьи песни»). Ногай в них становится казаком не по своей воле, его вынуждают выйти на «вольницу» тяжёлые жизненные обстоятельства или даже некие притеснители. Ногайский казак – рыцарь и непревзойденный воин, поскольку он воюет исключительно для себя и за себя. Он не знает отступлений, верен своим соратникам, неразлучен с конём, ждёт воссоединения со своей возлюбленной (Ярлыкапов 2017: 18, 19).

Сравним это с описанием, которое дают слову «казак» кипчакско-половецкие словари. В египетском «Сборнике толкований тюркских и персидских и монгольских и фарси», составленном в 1343 году, в тематической группе названий людей по полу, возрасту,

физическому состоянию и социальному статусу видим слово «□□□□□□□ □□□□□» («аль-муджаррад къазакъ»), далее дано объяснение: *«обнаженный; голый; простой; лишенный чего-либо».* Специалист по кипчакским языкам А.Н. Гаркавец, исходя из контекста, считает, что в данном словаре слово «къазакъ» *«…указывает на гражданское состояние отдельно взятого человека, индивида – неженатый, не связанный узами брака…, а в равной степени на его общественный статус – одиночка, единоличник, никому не подчиненный, ни от кого не зависящий, вольный, свободный, неподвластный, не связанный общественными обязанностями и повинностями, самостоятельный, сам себе господин»* (Гаркавец 2015: 35, 36).

Ногайские казаки сбиваются в ватаги, в которых им легче обороняться и сохранять имущество, он добывает свое имущество в войне и в набегах, иного источника богатства казак не знает (Ярлыкапов 2017: 18, 19). В то же время в греческой рукописи – синаксаре, обнаруженном в Судаке, в Крыму, среди приписок на полях имеется одна о казаках за 17 мая 1308 г. Там казаки – это некая живущая вне городской общины ватага занимающаяся, вероятно, разбоем: *«в тот день скончался раб божий Альмальчу, сын Самака́ , увы, молодой человек, заколотый казаками»* (Гаркавец 2015: 36).

Ногайскому казаку очень тяжело сохранять нажитое имущество, ему приходится стеречь свой скот от неприятеля и днём и ночью (Ярлыкапов 2017: 19). В Codex Cumanicus же слово «Cosac» переведено, как «страж» (Kuun 1880: 268), иными словами, согласно «Кодексу», «казак» это тот, кто должен постоянно что-то охранять.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно с определенной долей уверенности заключить, что традиция ногайского казачества берёт свои корни из кумано-половецкой эпохи и является её прямым продолжением, что вновь указывает на непрерывное преемство ногаев западным кипчакам.

Преемственность родоплеменного состава

Когда речь заходит о степных тюркских народах, к коим конечно же относятся и куманы прошлого, и ногаи настоящего, то немаловажную роль в их сравнении и установлении преемственности играет наличие родоплеменного соответствия. В предыдущей статье нами уже были приведены некоторые легенды и источники о родоплеменной преемственности ногаев куманам, но данная тема требует более подробного исследования.

В Западном Дешт-и Кипчаке фиксируются следующие племенные группы половцев: токсоба (токсобичи), йета (йетоба, етобичи), бур-джоглы (бурчевичи), эльбурли (ольбурлик – бурновичи от «бурли», «волчьи», а эль, т.е. «народ» пропущено), кангароглы (канглы), анджоглу, дурут (тортоба, тортъробичи), кулабаглы (кулобичи), джузнан (джерсан или джортан), карабирикли (караборикли, чёрные клобуки), котан, куман (коман), кипчак (кыпчак) (Евстигнеев 2010: 45, 46). Башкирские исследователи предлагают читать анджоглу, как йыланчык оглу, так как в венгерских документах встречается род йыланчук, а также добавляют в список родов племена ас (аскиши) и башкурд (Хамидуллин и др. 2019: 54). В числе западных групп половцев упоминаются также шары (сары), куны, аепа (аю опа), алтынопа, китанопа (кидань), улашевичи (улаш), отперлюеве, тарголове и другие (Евстигнеев 2010: 49). Причём в составе куман попадали племена изначально скифо-аланского и огузо-печенежского происхождения,

такие как кангароглу, канглы, пешенек, бурджоглу, асопа и др. (Хамидуллин и др. 2019: 57), которые проживали в Западном Деште до прихода половцев.

Однако, после завоевания Западного Дешт-и Кипчака новые власти региона в лице ханов-чингизидов ведут политику стирания прежнего родоплеменного деления, о чем пишет М.В. Горелик. По его мнению, у руководства Улуса Джучи, которое располагалось к западу от Яика, была целенаправленная политика по ассимиляции половцев монголами, реже восточными кипчаками. Эта политика дала свои плоды к рубежу XIV-XV веков, когда в Западном Деште полностью исчезает половецкая этническая номенклатура. Михаил Викторович пишет: «От старой остается надплеменной этникон «кипчак», явно связанный с массами приведенных с востока кипчаков, но без их собственных племенных этниконов. Немногие тюркские этниконы являются явными новообразованиями. Зато полностью господствуют монгольские племенные названия – и у ногайцев, и у крымцев, и даже у липков (литовских татар – татар Речи Посполитой). А вот восточнее Яика мы находим смесь монгольских и тюркских – старых и новых племенных названий, причем они оказалась крайне стойкими и дожили до наших дней» (Горелик 2017: 312). Далее Михаил Викторович прослеживает это явление и в арабских хрониках, где запечатлено, как на невольничьих рынках Египта, вместо куманов, относящихся к старым половецким родам, вдруг стали появляться те же куманы, но уже относящиеся к монгольским родам. Подобный же процесс описал и В.В. Трепавлов. По его мнению, домонгольское половецкое население Дешт-и Кипчака попадавшие под власть монгольского эмира, перенимали его родовое название (Трепавлов 2020: 69). Описанный процесс действительно встречается в генетических исследованиях, о чем будет написано ниже.

Несмотря на то, что прежняя куманская родоплеменная система была в большой степени упразднена, в родоплеменной структуре и сегодняшних ногаев можно найти аналоги и созвучия названий многих западно-кипчакских родов (Табл. 1). Хотя стоит оговориться, что для утверждения о полном соответствии и преемственности их друг другу необходимы дополнительные исследования.

Таблица 1. Сравнительная таблица куманских и ногайских родов

Половецкий род	Вариант названия из русских летописей	Названия элей Ногайской Орды	Род в составе современных ногаев
Аз (ас-опа, азкиши)		Аз	Ас
Баджнак	Печенег		Боджак (Боджнак),
Пешенек			
Башкурд		Машкир	Машкир
Дурут (тортоба)	Тортобичи		Тараклы тартуулы
Йемек	Половцы Емякове		Йемек
Йетоба	Етобичи		Ети-гуз
Йыланчук		Илан-туркмен,	
Евлан-минг			
Кангароглы			Конгур

Канглы			Канглы
Кулабаглы	Кулобичи	Кулар ас	Куллар-Кипчак,
Кулман			
Куман	Кумане		Куман
Токуз-оба	Токсобичи		Токуз
Улаш	Улашевичи		Алаш
Шары (сары)		Сары-кипчак	Сары-Кыпчак
Аю оба	Аепа		Аювшы-кыпшак

В то же время, в Ногайской Орде и в Большой Орде, а затем и в Крымском Ханстве существовали ногайские кипчакские эли. Упомянем личность «ногайского большого мурзы», «ногайского большого воеводы» Тягриберди, который возглавлял кипчакский эль Крымского ханства и авангард ханских войск (Трепавлов 2020: 455). Приведём здесь список кипчакских элей Ногайской Орды, составленный В. В. Трепавловым: Айталы-Кипчак, Аталыулы-Кипчак, Борган-Кипчак, Егилтай-Кипчак, Кара-Кипчак, Карагаш-Кипчак, Кулубай-Кипчак, Куртлу-Кипчак, Сары-Кипчак, Туде-Кипчак (Трепавлов 2020: 877).

В настоящее время у ногаев Ногайской степи зафиксированы следующие роды кыпчаков: костамгалы-кыпшак или кара костамгалы, оьтекайлы-кыпшак, буйрабас-кыпшак, казан кулак-кыпчак, туркмен-кыпшак, кыпыз-кыпшак, орманшы-кыпшак; тик муьйиз кыпшак, кытай-кыпшак, шабайлы-кыпшак, маматакайлы-кыпшак, тизгиншекли-кыпшак, аювшы-кыпшак, ягылбайлы-кыпшак. Среди кубанских ногаев существует фамилия Купчаков (Керейтов 2019: 145).

В степной части Крыма также существовал целый ряд топонимов с составляющей слова «кипчак», что отражает кипчакскую составляющую в родовой структуре крымских ногаев – субэтноса крымских татар. Так, по всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года в Крымской АССР зафиксированы следующие названия: Алгазы-Кипчак, Куллар-Кипчак, Ташлы-Кипчак, Яни-Кипчак в Джанкойском р-не; Бай-Оглу-Кипчак, Каралар-Кипчак, Кипчак I, Кипчак II, Курулу-Кипчак в Евпаторийском р-не; Коп-Кипчак в Керченском р-не; Янъы-Кипчак, Эски-Кипчак, Тав-Кипчак в Симферопольском р-не; Кипчак в Феодосийском р-не (Список населенных … 1927). У ногаев Северного Причерноморья, переселившихся в Турцию, в середине XIX в. есть такие названия аулов: Кипчаки, Киллар-кипчак, Яни Кыпчак (Керейтов 2019: 145).

Кипчаки фигурируют также и в родоплеменной системе юртовских ногаев Астрахани. Так, в село Карагали (ног. Каргалык) Приволжского р-на Астраханской области делится на две части «махалле», одна из которых обозначается, как «Кыбшак» в метрических книгах мечети №2. 1

На современном юртовском диалекте ногайского языка данное махалле называется «Кымшак».

О том, что основу ногайского народа составили именно кумано-половецкие рода, писали многие исследователи (Калмыков и др. 1988: 12). По причине преобладания кипчаков в среде ногаев появились даже поговорки, которые гласят: «Кый авдарсанъ – кыпшак шыгар» («Перевернешь кизяк – оттуда кыпчак появится») (Керейтов 2019: 147).

Наличие большого количества аналогий между западно-кипчакскими и ногайскими

родами, а также преобладание кипчакской составляющей в ногайском народе предполагает преемственность ногаев куманам, но не является исчерпывающим доказательством, в виду фрагментарности, дошедшей до нас домонгольской родоплеменной системы. Подтвердить или опровергнуть родоплеменную преемственность может популяционная генетика.

Генетика

Генетика является довольно новым источником информации для этнологии, однако от этого никак не менее ценным. Данные популяционной генетики позволяют проследить пути миграций групп людей, и, хотя популяция не обязательно должна относиться к тому или иному народу, при сопоставлении данных генетики, этнологии и истории возможно получить весьма полезную информацию, которая может помочь ответить на многие вопросы. Не исключение здесь и вопрос данного исследования.

Наиболее ранними, хотя и страдающими отсутствием глубины тестов, являются исследования митохондриальной ДНК из останков куманов, то есть ДНК, передающейся по женской линии. Исследование мтДНК 11 представителей куманов Венгрии из двух могильников, датируемых XIII и началом XIV века, выявили четыре образца гаплогруппы H, два – гаплогруппы U, два – гаплогруппы V и по одному к гаплогруппам JT, U3 и D. Практически все они, за исключением последней, являются западно-европейскими. Последний же результат (гаплогруппа D) относится к восточноазиатской макрогаплогруппе M, в то же время являющейся второй по частоте гаплогруппой в Южной Сибири (Bogacsi-Szabo et al. 2005: 658). Касаемо ногайских образцов мтДНК, исследованных в те же годы, то они таже демонстрируют преобладание западноевропейских гаплогрупп. Наиболее широко у ногаев представлены гаплогруппы H (22%), U (21%), в т.ч. U3 (5,3%), T (4,4%), J (2,9%) и V. В то же время, восточная супергаплогруппа M встречается с частотой 29%, в числе которых в 7,8% относятся к гаплогруппе D. Исследователи ногайской мтДНК связывают преобладание с частотой более 50% результатов, характерных для популяций Европы, со смешением хазар, печенегов и половцев, пришедших в Западный Дешт-и Кипчак с уже проживавшим здесь населением (Бермишева и др. 2004: 619-623). Мы склонны согласиться с подобными предположениями, так как на лицо схожесть состава гаплогрупп куманов и ногаев. Однако, для заключения окончательных выводов исследования мтДНК ногаев и куманов необходимо углубить тестирования ногаев, а также привлечь новые данные палео-мтДНК половцев-куманов.

Касаемо Y-ДНК, передаваемой по мужской линии, вплоть до последних лет исследования затрагивали в основном кипчакский компонент в составе народов Великой Степи. Однако они также строились в основном на 12-маркерных тестах, что позволяет увидеть лишь общую картину, строя гипотезы касаемо деталей. Так, в исследовании башкирского рода кипчак предполагается близость кипчаков в составе башкир, ногаев и каракалпаков, объединенных гаплогруппой R1b-M458 (Хамидуллин и др. 2019: 294). Один из авторов данного исследования Волков В.Г. в частной беседе, опираясь на заявленную близость ногайских и каракалпакских кипчаков, высказал мнение, что ногаи являются потомками восточных кипчаков.

Другой автор упомянутого исследования Ю.М. Юсупов, исследуя ДНК-генеалогию

ногаев, объединенных гаплогруппой R1b-M458, обнаруживает генетическую связь ногаев с отдельными образцами башкир, мишар, пермских, сибирских, литовских татар и других групп, относимых им к Западной Евразии. При этом, разделение ветки, где представлены ногайские «кипчаки» с веткой, где представлены казахи, исследователь относит к периоду 1450±100 лет, что, по его мнению, показывает разные миграционные и демографические процессы этих двух народов (Юсупов 2019: 139). Иными словами, данные результаты показывают, что популяция тех кипчаков, которые позже стали ногаями (т.е. западные кипчаки), отделились от кипчаков, потомками которых являются казахи (т.е. восточные кипчаки), ещё полтора тысячелетия тому назад. И хотя исследование Юлдаша Мухамматовича также основаны на 12-37 маркерных тестах, что может показывать лишь общую картину, ниже его выводы найдут свое подтверждение на более глубоких образцах.

Касаемо изучения куманских Y-ДНК, необходимо остановиться на новом исследовании коллектива авторов «North Pontic crossroads: Mobility in Ukraine from the Bronze Age to the early modern period» («Перекресток Северного Причерноморья: мобильность на территории Украины от бронзового века до раннего Нового времени»), в котором приведены результаты палео-ДНК нескольких куманов, а также ордынцев и средневековых ногаев из могильников Северного Причерноморья, таких как Мамай-Гора, Мамай-Сурка, Большая Знаменка, Кумы и т.д. (Saag et al. 2024: 11). Примечательно уже само то, что средневековые ногаи продолжали хоронить своих усопших в тех же центрах захоронения, что и куманы. Давайте рассмотрим результаты упомянутого исследования палео-ДНК куманов, сравнивая их с результатами тестирований Y-ДНК современных ногаев, собранными в одну таблицу «Ногайским ДНК-проектом» (Таблица … 2024).

Совпаденцами кумана под индивидуальным номером UKR012, похороненного в могильнике Мамай-Гора в 1100-1400 гг. с гаплогруппой R1a-Z645 являются два крымских ногая, кубанский ногай Кульчуков и едишкулец из рода ас, Алим Махсутов, один из авторов данной статьи. Так как о родовой принадлежности троих совпаденцев точной информации нет, для объяснения сходства с результатами кумана, можно лишь обобщенно предположить, что Алим Махсутов предположительно является потомком асов, вошедших в состав куманов и известных, как половецкий род ас-опа.

Другой куман под индивидуальным номером UKR027, похороненный в могильнике Великая Знаменка между 1100-1200 гг., показал в результате тестирования гаплогруппу N1a-Y10755. С большой долей вероятности его совпаденцами являются два букеевских ногая (ногай-казах) – Искаев из рода костамбалы и Гусманов из рода кояс.

Интересен образец под индивидуальным номером UKR024, принадлежащий средневековому ногаю, похороненному в могильнике Мамай-Гора между 1400-1500 гг. Выявленная гаплогруппа G2a-Z6679 находит троих совпаденцев в среде кубанских ногаев, одного среди едисан и одного из караногаев. Наличие данной гаплогруппы, которая имеет ближневосточные корни, но также обнаруживается и у народов Кавказа и степных народов Западной Евразии позволяет предположить, что оформление ногайского этноса происходило именно в Западном Дешт-и Кипчаке, что соотносится с общим направлением данного исследования.

Совпаденцами ордынца под индивидуальным номером UKR069, похороненного в

Донецком городище в 1200-1400 гг. с гаплогруппой R1b-Z2105 являются три караногая и один кубанский ногай. К сожалению, родовая принадлежность сопаденцев не указана.

Особый интерес для нашего исследования представляет образец под индивидуальным номером UKR016, принадлежащий средневековому ногаю, похороненному в могильнике Мамай-Гора между 1400-1500 гг., с выявленной гаплогруппой R1b-Y14051. Дело в том, что совпаденцами данного образца являются сразу девять ногаев, семеро из которых относятся к роду кыпшак. Среди них пять караногаев, два карагаш ногая, один кубанский ногай и один юртовский ногая.

Однако в рамках данного исследования решающим фактором является установление того, к каким именно кипчакам относятся эти образцы – западным или восточным, в чем могут помочь более глубокие тесты. Отправной точкой для раскрытия этого вопроса может послужить палео-ДНК древнего кимака VIII в. н.э. с аналогичной гаплогруппой R-Y14051, от которой отходят три интересующие нас ветви, обнаруженные при углубленном тестировании Y-ДНК. Первая R1b-Y125857, объединяет результаты четверых казахов из рода кара-кипчак, подродов токбери, байгара и байгожа с общим предком на уровне ~1000 лет. Вторая ветка R1b-BY17659 включает одного каракалпака из рода кипчак. Третья же R1b-BY38549, так же с общим предком на уровне ~1000 лет, обединяет двоих ногаев из рода кипчак: караногая и кубанского ногая. Сюда же относятся касимовский татарин из рода Танкачёвых (ногайского происхождения), мишар и украинец [Y-Full]. Приведённые данные показывают существование трех отдельных популяций кипчаков, которые условно можно разделить на западную и восточные, разделившиеся не ранее VIII в. и не позднее X в., что как раз соответствует периоду миграции кипчаков из Средней Азии в Западный Дешт-и Кипчак, а также соответствуют выводам Ю.М. Юсупова.

Относительно касимовского татарина, мишара и украинца, вошедших в одну ветвь с ногаями из рода кыпчак, можно согласиться с Ю.М. Юсуповым, который, исходя из того, что все это соседние с ногаями народы, ставит вопрос о главенствующей роли ногаев в распространении данной гаплогруппы среди западных популяций (Юсупов 2019: 139). С другой стороны, возможно, что это влияние имеет доногайский, а именно куманский характер.

Интересно также то, что описанное М.В. Гореликом явление ассимиляции западных кипчаков монгольскими родами, о чём было упомянуто в прошлом разделе, подтверждается данными генетики. Так, в ту же «кипчакскую» ветку R1b-Y14051 попадают результаты ДНК тестов двоих карагаш-ногаев из рода седжеут и сеит-алтаяк (мангыт). Выходит, что два карагаш-ногая, являясь представителями нирун-монгольских родов седжеут и мангыт, на самом деле несут условно «кипчакские» гены.

Замечательное открытие сделали также российские учёные в области палеогенетики, исследовавшие геном останков предполагаемого владимирского князя Дмитрия Александровича, приходившегося сыном новгородского князя Александра Невского.

Комментируя коллективную работу «Рюриковичи: первый опыт реконструкции генетического облика правящего рода средневековой Руси по данным палеогеномики» (Жур и др. 2023), один из её соавторов историк и генеалог Владимир Геннадьевич Волков, подкрепляя опубликованные в статье материалы, поделился выясненными им особенностями результатов аутосомного анализа. По дополнительным расчетам В.Г. Волкова, аутосомный профиль Дмитрия Александровича в наибольшей степени

сближается с представителями литовских татар и ногаев Дагестана. Автор указывает на общее происхождение литовских татар и ногаев, «связаное прежде всего с кыпчаками (половцами)». На дендрограмме образец Дмитрия Александровича также в наибольшей степени сближается с современными ногаями из Дагестана, что Владимиром Геннадьевичем также связывается с главенствующим у ногаев половецким компонентом (Волков 2023).

В контексте подобных результатов необходимо напомить, что прабабушкой князя Дмитрия Александровича была дочь хана Котяна Сутоевича Мария, супруга галицкого князя Мстислава Удатного (Селезнев, 2019: 125), гены которой скорее всего и стали источником половецких аутосом. Сам В.Г. Волков видит причины его сближения по аутосомам с ногаями ещё и в том, что другой прабабушкой Дмитрия Александровича являлась Мария Шваровна (Ясыня), имевшая аланское происхождение (Волков 2023).

Из всего перечисленного автором данной работы делается уверенный вывод о том, что все три приведённых в этом разделе исследования относят ногаев к западной популяции кипчаков, демонстрируют средневековые династические связи предков ногаев, а главное обозначают временные промежутки отделения популяции кумано-половецких предков ногаев от восточно-кипчакских предков современных казахов, что опять-таки демонстрирует генетическую преемственность ногаев от куманов, а также опровергает этническое единство ногаев и казахов.

В завершение данного раздела следует отметить, что дальнейшее развитие генетических исследований способно существенно углубить понимание рассматриваемой проблемы. Расширение географического и популяционного охвата выборок, увеличение количества протестированных индивидов, а также применение более высокоразрешающих методов анализа, включая полногеномное секвенирование и углублённое изучение палео-ДНК, могут выявить ранее не фиксируемые генетические связи и уточнить степень преемственности между историческими и современными популяциями. В этой связи перспективы накопления новых данных открывают возможность более точной реконструкции этногенетических процессов и требуют дальнейшего междисциплинарного осмысления получаемых результатов.

Антропология

Что касается данных антропологии, то они также проливают свет на территорию проживания предков ногаев, а также могут указать на расовую преемственность современных ногаев тем или иным древним популяциям.

Согласно данным краниологии, половцы имели смешанный монголоидо-европеоидный тип, с преобладанием монголоидности, но с присутствием европеоидных групп (Евстигнеев 2010: 35, 36). В результате исследования краниологических образцов разных групп ногаев, антропологами делаются абсолютно такие же выводы: «Большинство ногайских серий характеризуется смешанными европеоидно-монголоидными особенностями. Однако в составе ногайского этнополитического объединения находились группы европеоидного облика» (Чхаидзе 2019: 41).

О том, что идентичность расового типа ногаев и западных кипчаков не является совпадением, свидетельствуют исследования учёных-антропологов, которые сравнивали ногайские показатели с показателями представителей Западного Дешт-и Кипчака

домонгольского и раннего золотоордынского периодов. Наиболее комплексным и вобравшим в себя результаты предыдущих исследований долгое время являлся труд Татьяны Алексеевной Трофимовой «Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии», вышедший ещё в 1949 году. Сопоставляя историю смешения народов в Золотой Орде, изучив краниологические образцы Дешт-и Кипчака и сравнив их с результатами современных ногаев, а также сравнив последние с показателями соседних народов, таких как казахи, калмыки, туркмены, кумыки, Татьяна Алексеевна приходит к выводу, что ногаи несут в себе многие признаки домонгольских типов, таких как половецкие, скифо-сарматские и даже древние, относящиеся к ямной и срубной культурам. В конечном итоге, антропологически ногаи происходят от племён, населявших Золотую Орду, но, в отличие от казахов с узбеками, ведут происхождение от западной её части, что выражается в степени концентрации тех или иных расовых компонентов (Трофимова 1949: 108). Иными словами, ногаи по своим антропологическим признакам являются преемниками древнего и средневекового населения конкретно Западного Дешт-и Кипчака.

Подтверждают и конкретизируют выводы Т.А. Трофимовой авторы коллективной монографии «Антропология ногайцев». Так, один из ведущих российских специалистов по биологической антропологии из МГУ Пежемский Денис Валерьевич, изучив морфологию длинных костей скелетов калаусских ногаев и сравнив их со скелетами средневековых кочевников половецко-золотоордынскго времени, установил их «… значительную близость друг к другу по признакам посткраниального скелета и позволяет предполагать, что они относятся к одному и тому же антропологическом у пласту, распространенному в южнорусских степях как минимум с XII века» (Пежемский 2003: 92). То есть антропология калаусских ногаев идентична антропологии половцев Западного Дешт-и Кипчака XII века, а значит ещё домонгольского периода.

Выдающийся украинский антрополог Круц Светлана Ивановна, являвшаяся одним из ведущих специалистов в области исторической, этнической и физической антропологии на всём постсоветском пространстве, изучила четыре большие группы ногайских погребений: Балковский и Бердянский курганы в Запорожской области, три кургана в Степном Крыму и курган 1 из Ясной Поляны Херсонской области, которые были раскопаны В 70-е годы экспедициями Института археологии НАН Украины, затем сравнила их с сериями останков печенегов, половцев XII в. и половцев золотоордынского времени, а также с сериями тюрко-мусульманских погребений Крыма и Северного Причерноморья XIV-XVIII вв. В результате исследований была установлена близость краниологических серий из Ясной Поляны, Северного Крыма и Балок с половецкими сериями Северного Причерноморья, а бердянской мужской – с печенежской. Это, по мнению С.И. Курц, «… говорит о том, что в сложении антропологического состава ногайских орд степей Крыма и Приднепровья значительную роль сыграло кочевое население X-XIII вв., отличавшееся пестротой антропологических вариантов» (Курц 2003: 233). Здесь мы вновь видим констатацию преемственности ногаев половцам Крыма и Северного Причерноморья, как домонгольского периода, так и периода доминирования в регионе чингизида Ногая, что соответствует данным легенды и исторических источников, приведённых нами во втором разделе этого исследования.

С изложенными выводами согласились также и другие известные антропологи,

ISSN: 3105-0042. e-ISSN: 3105-0050

такие как ведущий научный сотрудник ИЭА РАН Маргарита Михайловна Герасимова и руководитель сектора этнической экологии ИЭА РАН Надежда Анатольевна Дубова (Герасимова, Дубова 2003: 204), что лишь добавляет уверенности в достоверности исследований.

Таким образом, генетика и антропология ясно указывают на то, что ногаи, как народ, возникли из тех групп кипчаков, которые ещё до прихода монголов проживали на территории Западного Дешт-и Кипчака.

Обсуждение

Автором данной работу в одной из предыдущих статей, под названием «К вопросу об отнесении ногайцев к потомкам западных кипчаков (куманов, половцев)», впервые было посвящено полноценное исследование вопросу о преемственности ногаев к западным либо восточным кипчакам. Данная дискуссионная тема была рассмотрена с точки зрения исторической географии, языковой преемственности, народной памяти ногаев и соседних с ними народов, о преемственности ногаев куманам (Махсутов, Жумабаева 2024). Данная работа является фактическим продолжением упомянутой статьи. Здесь эта дискуссионная тема будет рассмотрена с точки зрения преемственности ногаев западным либо восточным кипчакам в материальной и духовной культуре, особенно в похоронных обрядах и традиционном костюмном комплексе, родоплеменного состава, популяционной генетики, антропологии и краниалогии.

Заключение

Проведённый междисциплинарный анализ источников – включая данные истории, этнографии, антропологии и популяционной генетики – показал, что проблема соотнесения ногаев с западными или восточными кипчаками требует комплексного подхода и не может быть решена в рамках одной дисциплины.

1. Сопоставление элементов материальной и духовной культуры ногаев с куманской традицией выявило устойчивые параллели, проявляющиеся в одежде, погребальных практиках, формах жилища и отдельных социальных институтах, что указывает на глубокую культурную преемственность.

Анализ родоплеменной структуры продемонстрировал наличие соответствий между куманскими и ногайскими родами, что дополнительно подтверждает историческую связь и преемственность на уровне социальной организации.

2. Данные популяционной генетики, включая результаты исследований Y-хромосомных гаплогрупп и палео-ДНК, свидетельствуют о наличии генетических линий, соотносимых с западно-кипчакским населением, и позволяют говорить о биологической преемственности.

3. Совокупность полученных данных позволяет утверждать, что основное ядро ногайского этноса формировалось на базе половецкого населения Западного Дешт-и Кипчака, при сохранении ключевых элементов его культурного и антропологического облика.

4. При этом зафиксированные различия объясняются последующими историческими

трансформациями, миграционными процессами и влиянием внешних факторов, включая исламизацию и взаимодействие с соседними этносами.

5. Таким образом, результаты исследования обосновывают возможность рассмотрения ногаев как прямых потомков западных кипчаков, сохранивших их основные этнокультурные характеристики в трансформированном, но структурно преемственном виде.

Перспективы же дальнейших исследований связаны с расширением источниковой базы, углублением генетических исследований и уточнением механизмов этногенеза в рамках более широкого евразийского контекста.

Acknowledgments

The author expresses gratitude to A.M. Dzhemakulovu, the head of the "Nogai DNA project", for consulting during the compilation of the block devoted to the Y-DNA of the Nogai.

Алғыс

Авторлар Ноғай ДНҚ жобасының жетекшісі А.М. Джемакуловқа ноғай халқының Y-ДНҚ-сына арналған бөлімді құрастырудағы кеңесі үшін алғыс білдіреді.

Благодарности

Авторы выражают благодарность А.М. Джемакулову, руководителю «Ногайского ДНК проекта», за консультацию при составлении блока, посвященного Y-ДНК ногаев.

Примечания

1. Метрические записи о родившихся, бракосочетавшихся, разводившихся и умерших Мечети №2 села Карагали Астраханского уезда Астраханской губернии (на арабском языке) за 1897 г. Государственный архив Астраханской области (далее ГААО). ф. 1117, оп. 1, д. 192, л. 1.

Список литературы

Bogacsi-Szabo E. et al. Mitochondrial DNA of ancient Cumanians: culturally Asian steppe nomadic immigrants with substantially more western Eurasian mitochondrial DNA lineages. *Human Biology.* 2005. Vol.77, no.5, pp. 639-662.

Kuun G. *Codex Cumanicus bibliothecæ ad templum Divi Marci Venetiarum.* Primum ex integro ed. prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit Comes Géza Kuun, Budapestini: Scient. Academiae Hung. 1880. CXXXIV. 395 p.

Saag L. et al. *North Pontic crossroads: Mobility in Ukraine from the Bronze Age to the early modern period.* bioRxiv. 28.05.2024. 149 p. https://www.biorxiv.org/content/10.1101/2024.05.24.595769v1.full дата обращения 25.12.2024.

YFull Y-Chr Sequence Interpretation Service. R-Y14051. https://www.yfull.com/tree/R-Y14051/ дата обращения 23.03.2024.

Амиргазин К.Ж., Амиргазин Е.К. Казахская традиционная юрта – шедевр кочевой цивилизации.

Мир науки, культуры, образования. 2019. No.6 (79), с. 228-231.

Антропология ногайцев. Отв. ред.: М.М. Герасимова. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Москва. 2003. Выпуск IV. 244 с.

Бермишева М.А., Кутуев И.А., Коршунова Т.Ю. и др. Филогеографический анализ мтДНК ногайцев: высокий уровень смешения материнских линий восточной и западной Евразии. *Молекулярная биология.* 2004. Т.38, no.4, с.617-624.

Богатырев И. (реж.). *Д/ф «Летопись в камне 3. Города и люди».* Фонд «Эльбрусоид», 2012 г. http://www.elbrusoid.org/video/docfilm/397996/ дата обращения 25.03.2024.

Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии. *Советская этнография.* 1976. No.4, с.42-62.

Волков В.Г. Прочитан геном сына Александра Невского. Primal Gen Family. *Генеалогия и генетика.* 25.10.2023. https://vk.com/@primalgenfamily-prochitan-genom-syna-aleksandra-nevskogo дата обращения 23.03.2024.

Гаджиева С. Ш. *Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в.* Москва. «Наука». 1976. 226 с.

Гаркавец А.Н. *Codex Cumanicus*. Полное издание в 4 томах. Алматы: Баур, 2015. 1348 с.

Гарустович Г.Н. Средневековые авторы о распространении ислама в улусе Джучи. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*. 2012. No.3, с.55-61.

Герасимова М.М., Дубова Н.А. Заключение. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.* Выпуск IV: Антропология ногайцев. Москва: «Памятники исторической мысли». 2003. С. 203-205.

Гимбатова М.Б. *Роль половецко-кипчакского компонента в формировании ногайского этноса:* Автореф. дис. . канд. ист. наук. Махачкала. 1998. 25 с.

Доде З.В. Костюм населения. *Северного Кавказа VII-XVII веков.* (Реконструкция этносоциальной истории). дис. доктора ист. н. Том 1. Москва: ИА РАН. 2007. 1096 с.

Евстигнеев Ю.А. *Кыпчаки/половцы/куманы и их потомки (к проблеме этнической преемственности).* Санкт-Петербург: Астерион. 2010. 112 с.

Жур К.В., Шарко Ф.С., Седов Вл.В., Добровольская М.В., Волков В.Г., Максимов Н.Г., Сеславин А.Н., Макаров Н.А., Прохорчук Е.Б. Рюриковичи: *первый опыт реконструкции генетического облика правящего рода средневековой Руси по данным палеогеномики.* Acta Naturae (русскоязычная версия). 2023. No.3, с.50-65.

Иванов В.А., Проценко А.С. и Русланов Е.В. Погребения с признаками мусульманского обряда у кочевников Золотой Орды. *Поволжская археология.* 2021. No.4 (38), с.94-107.

Ишмухамбетов Р.В. Символика и генетические корни ногайского мужского костюма. В: Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки. *Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции.* Астрахань. 2017. С. 179-184.

Ишмухамбетов Р.В. К проблеме этногенеза ногайского народа. В: Этногенез и этническая история народов Кавказа. *Материалы I Международного нахского научного конгресса.* г. Грозный. 11-12 сентября 2018 г. под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный: Академия наук Чеченской республики, Министерство культуры Чеченской Республики, Чеченский государственный университет. 2018. С.533-539.

Калмыков И.Х, Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Отв. ред. Я.С. Смирнова; Карачаево-Черкес. *НИИ истории, филологии и экономики.* Черкесск: Ставроп. кн. изд-во; Карачаево-Черкес. отд-ние. 1988. 230 с.

Канокова Ф.Ю. Образы половецкой и кыпчакской пластики в камнерезном искусстве ногайцев В: *Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований:* сборник материалов 16-й международной науч.-практ. конф. (г. Махачкала, 14 фев-

раля 2016 г.) Махачкала. 2016. С. 22-23.

Канокова Ф.Ю. *Искусство ногайцев: эволюция художественно-образной целостности: дисс. доктора искусствоведения.* Москва. 2018. 349 с.

Капаев И.С. *Бессмертная смерть:* Ист. Эссе. Ставрополь: Шат-Гора. 2004. 520 с.

Керейтов Р.Х. Кыпчакский компонент в этногенезе ногайцев. Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. *Материалы Третьей Международной научно-практической конференции,* Карачаевск, 02-03 октября 2019 года. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесская Республика. 2019. С. 143-148.

Круц С.И. Антропологическая характеристика ногайцев XVI-XVIII вв. *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.* Выпуск IV: Антропология ногайцев. Москва: «Памятники исторической мысли». 2003. С. 206-239.

Кузембайулы А., Абиль Е.А. *История Казахстана:* Учебник для вузов. 8-е изд. перераб. и доп. Костанай: Костанайский региональный институт исторических исследований. 2006. 350 с.

Махсутов А.К., Жумабаева А.А. *К вопросу об отнесении ногайцев к потомкам западных кипчаков (куманов, половцев)*. Научный журнал «Казахстанское востоковедение». 2024. Том 12, no. 4, с. 387-405. DOI: https://doi.org/10.63051/kos.2024.4.387

Ногайско-русский словарь. Под ред. К.М. Мусаева; Ин-т языкознания РАН; Карачаево-Черкесский ин-т гуманитарных исследований. Москва: Наука – Вост. лит., 2018. 895 с.

Открытое письмо. Газета «Шоьл Тавысы» (Голос Степи). 6.04.2018 https://golosstepi.ru/news/2620/ дата обращения: 25.03.2024.

Пежемский Д.В. «Остеологическая характеристика калаусских ногайцев (морфология длинных костей скелета). *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.* Выпуск IV: Антропология ногайцев. Москва: «Памятники исторической мысли». 2003. С. 83-92.

Рахно К.Ю. Каменные изваяния кочевников Приазовья в народных верованиях украинцев. В: Ногайцы: *XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему.* Черкесск. 2019. С. 119-122.

Селезнёв Ю.В. Половецкий князь Котян и память о нем в ногайской эпической традиции. В: Ногайцы: *XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему.* Черкесск. 2019. С. 122-125.

Сикалиев А.И.-М. *«Айт десенъиз, айтайым».* Черкесск. 1971. 144 с.

Сопов А.В. *К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект.* Культурная жизнь Юга России. 2009. No.5, с.58-60.

Список населенных пунктов Крымской АССР по всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года. Крымск. центр. стат. упр. Симферополь. 1927. 219 с.

Степи Европы в эпоху средневековья. Том 6: Золотоордынское время. Донецк: Изд-во ДонНУ. 2008. 513 с.

Таблица «Ногайского ДНК проекта». https://t.me/nogai_dna/27 дата обращения 25.12.2024.

Трепавлов В.В. *История Ногайской Орды.* Москва: Восточная литература, 2002. 752 с.

Трепавлов В.В. *Малая Ногайская Орда. Очерк истории.* Тюркологический сборник. 2003–2004: *Тюркские народы в древности и средневековье.* Москва: Восточная литература. 2005. С. 273-311.

Трепавлов В. В. *История Ногайской Орды.* 3-е изд., испр. и доп. Москва: Квадрига. 2020. 1040 с.

Трофимова Т.А. *Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии.* Ленинград: Издатель-

ство академии наук СССР. 1949. 264 с.

Фоменко В.А., Джумагулова А.Т. *Древние и средневековые курганы в истории и культуре ногайского населения степного Прикумья* (Историографический и этнологический аспекты исследования). Кавказология. Нальчик: КБГУ. 2020. No.2, с.204-231.

Хамидуллин С.И., Азнабаев Б.А. и др. (Сост.). *История башкирских родов.* Кыпчак. Том 34. Часть 1. Уфа: НОЦ «История башкирского народа» ИИГУ БашГУ; Китап, 2019. 856 с.

Харламова А.А. *Половецкий костюм XI-XIII вв. на территории восточноевропейских степей.* Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2018. No.5, с.345-366.

Харузин Н.Н. *История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России*. Библиотека казахской этнографии. Том 14. Павлодар. 2006. 181 с.

Чхаидзе В.Н. Ногайцы Восточного Приазовья во второй половине XVIII-XIX веков по данным археологии и антропологии. В: Кавказский сборник. Под ред. В.В. Дегоева. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 2019. С. 35-46.

Юсупов Ю.М. *О некоторых направлениях исследований ногайского генофонда.* В: Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Черкесск. 2019. С. 137-142.

Ярлыкапов А.А. *Образ ногайского казака в фольклоре: жизнь, мораль, доблесть* В: Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4-5 мая 2017 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Альтаир. 2017. С.15-21.

References4

Bogacsi-Szabo E. et al. Mitochondrial DNA of ancient Cumanians: culturally Asian steppe nomadic immigrants with substantially more western Eurasian mitochondrial DNA lineages. *Human Biology.* 2005. Vol.77, no.5, pp.639-662. (In English)

Kuun G. Codex Cumanicus bibliothecæ ad templum Divi Marci Venetiarum. Primum ex integro ed. prolegomenis notis et compluribus glossariis instruxit Comes Géza Kuun. Budapestini: Scient. *Academiae Hung.*, 1880. CXXXIV. 395 p. (In Latin)

Saag L. et al. *North Pontic crossroads: Mobility in Ukraine from the Bronze Age to the early modern period.* bioRxiv. 28.05.2024. 149 p. https://www.biorxiv.org/content/10.1101/2024.05.24.595769v1.full. Date of access 25.12.2024. (In English)

YFull Y-Chr Sequence Interpretation Service. R-Y14051. https://www.yfull.com/tree/R-Y14051/. Date of access 23.03.2024. (In English)

Amirgazin K. Zh., Amirgazin E. K. *Kazakhskaia traditsionnaia iurta – shedevr kochevoi tsivilizatsii.* The world of science, culture, education. 2019. No.6 (79), pp. 228-231. (In Russian)

Antropologiia nogaitsev. Responsible editor: M.M. Gerasimova. Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Moscow. 2003. Issue IV. 244 p. (In Russian)

Bermisheva M.A., Kutuev I.A., Korshunova T.Yu. and others. Phylogeographic analysis of mtDNA of Nogais: high level of admixture of maternal lineages of eastern and western Eurasia. *Molecular biology.* 2004. Vol.38, no.4, pp. 617-624. (In Russian)

Bogatyrev I. (rezh.). *D/f «Letopis v kamne 3. Goroda i liudi». Fond «Elbrusoid»,* 2012 g. http://www.elbrusoid.org/video/docfilm/397996/ date of access 25.03.2024. (In Russian)

Weinstein S. I. Problemy istorii zhilishha stepnyh kochevnikov Evrazii. *Soviet ethnography.* 1976. No.4, pp.42–62. (In Russian)

Volkov V.G. Prochitan genom syna Aleksandra Nevskogo. Primal Gen Family. *Genealogy and genetics.*

25.10.2023. https://vk.com/@primalgenfamily-prochitan-genom-syna-aleksandra-nevskogo. Access date 23.03.2024.

Gadzhieva S. Sh. *Materialnaia kultura nogaitsev v XIX – nachale XX v*. Moscow: «Nauka». 1976. 226 p. (In Russian)

Garkavec A.N. *Codex Cumanicus. Complete edition in 4 volumes.* Almaty: Baur. 2015. 1348 p. (In Russian)

Garustovich G.N. *Srednevekovye avtory o rasprostranenii islama v uluse Dzhuchi.* Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 2012. №3, pp. 55-61. (In Russian)

Gerasimova M.M., Dubova N.A. Zakliuchenie. *Materials for studying the historical and cultural heritage of the North Caucasus.* Issue IV: Anthropology of Nogaitsev. Moscow: «Monumental historical thought». 2003. Pp.203-205. (In Russian)

Gimbatova M.B. *Rol polovetsko-kipchakskogo komponenta v formirovanii nogaiskogo etnosa:* Abstract of the dissertation candidate of historical sciences. Mahachkala. 1998. (In Russian)

Dode Z.V. *Kostium naseleniia. Severnogo Kavkaza VII-XVII vekov.* (Rekonstruktsiia etnosotsialnoi istorii). Dissertation of the Doctor of historical sciences. Vol. 1. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. 2007. 1096 p. (In Russian)

Evstigneev Yu.A. *Kypchaki/polovtsy/kumany i ikh potomki* (k probleme etnicheskoi preemstvennosti). St. Petersburg: Asterion. 2010. 112 p. (In Russian)

Zhur K.V., Sharko F.S., Sedov Vl.V., Dobrovolskaya M.V., Volkov V.G., Maksimov N.G., Seslavin A.N., Makarov N.A., Prohorchuk E.B. *Riurikovichi: pervyi opyt rekonstruktsii geneticheskogo oblika praviashchego roda srednevekovoi Rusi po dannym paleogenomiki.* Acta Naturae (Russian version). 2023. No.3, pp. 50-65. (In Russian)

Ivanov V.A., Protsenko A.S., Ruslanov E.V. Funerals with signs of the Muslim rite among the nomads of the Golden Horde. *Povolzhskaya Arkheologiya* (The Volga River Region Archaeology). 2021. No.4 (38), pp. 94-107. (In Russian)

Ishmuhambetov R.V. Simvolika i geneticheskie korni nogaiskogo muzhskogo kostiuma. B: Crossroads History. Actual problems of historical science. *Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference.* Astrakhan. 2017. Pp.179-184 (In Russian)

Ishmukhambetov R.V. K probleme etnogeneza nogaiskogo naroda. Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the Caucasus. *Materials of the I International Nakhon Scientific Congress. Grozny.* September 11-12, 2018. Edited by Sh.A. Gapurov, S.S. Magamadov. Grozny: Academy of Sciences of the Chechen Republic, Ministry of Culture of the Chechen Republic, Chechen State University. 2018. Pp.533-539. (In Russian)

Kalmykov I.Kh., Kereyitov R. Kh., Sikaliev A.I.-M. *Nogaitsy: Istoriko-etnograficheskii ocherk. Responsible editor Ya. S. Smirnova; Karachay-Cherkessia Research Institute of History*. Cherkessk: Stavropol book publishing; Karachayevo-Cherkessia department. 1988. 230 p. (In Russian)

Kanokova F. Yu. Obrazy poloveckoj i kypchakskoj plastiki v kamnereznom iskusstve nogajcev B: *Problems of philology, culture and art in the world of modern studies: collection of materials of the 16th international science and practice conference* (Makhakhala, February 14, 2016). Makhachkala. 2016. Pp.22-23. (In Russian)

Kanokova F.Ju. *Obrazy polovetskoi i kypchakskoi plastiki v kamnereznom iskusstve nogaitsev.* Dissertation of the doctor of art. Moscow. 2018. 349 p. (In Russian)

Kapaev I.S. *Bessmertnaia smert: Historical essay.* Stavropol: Shat-Gora. 2004. 520 p. (In Russian)

Kereitov R.Kh. Kypchakskii komponent v etnogeneze nogaitsev. Nogaitsy: XXI century. History. Language. Culture. From beginnings to the future. *Materials of the Third International Scientific and Practical Conference,* Karachaevsk, October 2-3, 2019. Karachaevsk: Karachaevo-Cherkessk State University named after U.D. Aliev, Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Research under the Govern-

ment of the Karachay-Cherkessia Republic. 2019. Pp.143-148. (In Russian)

Kruts S.I. Antropologicheskaia kharakteristika nogaitsev XVI-XVIII vv: *Materials for studying the historical and cultural heritage of the North Caucasus.* Issue IV: The Anthropology of the Nogais. Moscow: "Monumental historical thought". 2003. Pp.206-239. (In Russian)

Kuzembaiuly A., Abil E.A. Istoriia Kazakhstana: *Textbook for universities. 8th edition. Revised and supplemented.* Kostanay: Kostanay Regional Institute of Historical Studies. 2006. 350 p. (In Russian)

Makhsutov A.K., Zhumabaeva A.A. *On the issue of attributing nogais to the descendants of western kipchaks (cumans, polovtsians).* Scientific journal "Kazakhstan oriental studies". 2024. Vol.12, no.4, pp.387-405. DOI: https://doi.org/10.63051/kos.2024.4.387 (In Russian)

Nogaisko-russkii slovar. Edited by K.M. Musaev; Institute of Linguistics of RAS; Karachaevo-Cherkessia Institute of Humanities Studies. Moscow: Nauka: Eastern literature, 2018. 895 p. (In Russian)

Otkrytoe pismo. Gazeta «Shol Tavysy» (Voice of the Steppe) newspaper 6.04.2018 https://golosstepi.ru/news/2620/ date of access: 25.03.2024.

Pezhemsky D.V. Osteologicheskaia kharakteristika kalausskikh nogaitsev (morfologiia dlinnykh kostei skeleta). *Materials for studying the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Issue IV: Anthropology of Nogaitsev.* Moscow: "Monumental historical thought". 2003. Pp.83-92. (In Russian)

Rahno K. Yu. *Kamennye izvaianiia kochevnikov Priazovia v narodnykh verovaniiakh ukraintsev.* B: Nogaitsy: 21st century. History. Language. Culture. From beginnings to the future. Cherkessk. 2019. Pp.119-122. (In Russian)

Seleznyov Yu.V. *Polovetskii kniaz Kotian i pamiat o nem v nogaiskoi epicheskoi traditsii.* B: Nogaitsy: 21st century. History. Language. Culture. From beginnings to the future. Cherkessk. 2019. Pp.122-125. (In Russian)

Sikaliev A.I.-M. *Ait desenieiz, aitaiym.* Cherkessk, 1971. 144 p. (In Nogai)

Sopov A.V. *K voprosu o proiskhozhdenii i formirovanii kazachestva: etnicheskii aspekt.* Cultural life in southern Russia. 2009. No.5, pp.58-60. (In Russian)

Spisok naselennykh punktov Krymskoi ASSR po vsesoiuznoi perepisi 17 dekabria 1926 goda. Crimean center of statistical management. Simferopol. 1927. 219 p. (In Russian)

Stepi Evropy v epokhu srednevekovia. Vol. 6: The Golden Horde period. Donetsk: Don State University Press. 2008. 513 p. (In Russian)

Tablitsa «Nogaiskogo DNK proekta» https://t.me/nogai_dna/27 date of access: 25.12.2024

Trepavlov V.V. *Istoriia Nogaiskoi Ordy.* Moscow: Oriental Literature. 2002. 752 p. (In Russian)

Trepavlov V.V. *Malaia Nogaiskaia Orda. Ocherk istorii.* Turkological Collection. 2003-2004: Turkic Peoples in Antiquity and the Middle Ages. Moscow: Oriental Literature. 2005. Pp.273-311. (In Russian)

Trepavlov V. V. *Istoriia Nogaiskoi Ordy. 3rd edition, revised and supplemented.* Moscow: Kvadriga, 2020. 1040 p. (In Russian)

Trofimova T.A. *Etnogenez tatar Povolzhia v svete dannykh antropologii.* Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1949. 264 p. (In Russian).

Fomenko V.A., Dzhumagulova A.T. *Drevnie i srednevekovye kurgany v istorii i kulture nogaiskogo naseleniia stepnogo Prikumia* (Istoriograficheskii i etnologicheskii aspekty issledovaniia). Kavkazologiya. Nalchik: KBSU, 2020. No.2, pp.204-231. (In Russian)

Khamidullin S.I., Aznabaev B.A. et al. (Eds.). *Istoriia bashkirskikh rodov. Kypchak.* Vol. 34. Chapter 1. Part I. Ufa: Research Centre, the History of the Bashkir People, Institute of History, Bashkir State University; Kitap. 2019. 856 p. (In Russian)

Kharlamova A.A. Polovetskii kostium XI-XIII vv. na territorii vostochnoevropeiskikh stepei. Stratum Plus.

Archaeology and Cultural Anthropology. 2018. No.5, pp.345-366. (In Russian)
Kharuzin N.N. *Istoriia razvitiia zhilishcha u kochevykh i polukochevykh tiurkskikh i mongolskikh narodnostei Rossii.* Biblioteka kazakhskoi etnografii. Vol. 14. Pavlodar: 2006. 181 p. (In Russian)
Chhaidze V.N. *Nogaitsy Vostochnogo Priazovia vo vtoroi polovine XVIII-XIX vekov po dannym arkheologii i antropologii.* B: Caucasian Collection. Edited by V.V. Degoev. Moscow: Publishing House "Aspect Press". 2019. Pp.35-46. (In Russian)
Yusupov Yu. M. *O nekotorykh napravleniiakh issledovanii nogaiskogo genofonda.* B: Nogaitsy: 21st century. History. Language. Culture. From beginnings to the future. Cherkessk, 2019. Pp.137-142. (In Russian)
Yarlykapov A.A. *The image of the Nogai Cossack in folklore: life, morality, valour. B: War and Military Traditions in the Cultures of the Peoples of Southern Russia* (VI Tokarev Readings): Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, 4-5 May 2017). Rostov-on-Don: Altair Publishing House, 2017. Pp.15-21. (In Russian)

Information about authors

Alim K. Makhsutov – Master's student at the Institute of Social Sciences, Istanbul University, Süleymaniye Mahallesi Besim Ömerpaşa Cad. Devlet Arşivleri Binası. A blok, 34116 Fatih İstanbul. https://orcid.org/0000-0003-4116-1823, alim.makhsutov@ogr.iu.edu.tr

Авторлар туралы мәлімет

Алим Касимович Махсутов – Стамбул университетінің Әлеуметтік ғылымдар институтының магистранты, Сүлеймание, Бесім Омерпаша көшесі, Мемлекеттік мұрағаттар ғимараты, 34116 Фатих/Стамбул, Түркия. https://orcid.org/0000-0003-4116-1823, alim.makhsutov@ogr.iu.edu.tr

Сведения об авторах

Алим Касимович Махсутов – магистрант Института социальных наук Стамбульского университета, Сулеймание, ул. Бесим Омерпаша, Здание государственных архивов, 34116 Фатих/Стамбул, Турция. https://orcid.org/0000-0003-4116-1823, alim.makhsutov@ogr.iu.edu.tr

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / ***Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / ***Disclosure of conflict of interest information***. The author claims no conflict of interest

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 11.04.2025
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 11.05.2025.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.09.2025

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050
WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ –
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Ғылыми мақала / Research Article
МҒТАР / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.67.77

Education and science in the Golden Horde during the reign of khan Tokhtamysh (1380–1395)

D. Suleimenova✉
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
✉*Suleimenova911@gmail.com*

Abstract. The article examines the development of education, scientific knowledge, and the religious-intellectual life of the Golden Horde during the reign of Khan Tokhtamysh (1380-1395). Although this period was relatively brief and marked by political instability, it represents a turning point in the cultural and administrative history of the Horde. Tokhtamysh succeeded in restoring political unity after the prolonged turmoil known as the "Great Disarray," and this stabilization created favorable conditions for the revitalization of educational and scholarly institutions. As a result, madrasahs resumed their activities, the study and dissemination of fiqh expanded, and the Golden Horde strengthened its intellectual ties with major centers of Islamic learning in Khwarazm, Transoxiana, and Khorasan. The article explores the significant role of the ulama many of whom sought refuge in Sarai following the conquests of Amir Timur in shaping legal thought, theological scholarship, and the broader educational environment. Particular attention is given to the activities of the Sufi orders Yasawiyya and Kubrawiyya, whose spiritual and pedagogical practices contributed both to the spread of Islamic knowledge and to the integration of nomadic and sedentary cultural traditions. Their influence facilitated the formation of a stable intellectual milieu in the late 14th century Golden Horde. Furthermore, the study analyzes how the intellectual and ideological climate of Tokhtamysh's reign is reflected in Turkic-language literary works, especially in the epic The Tale of Edige. This epic serves not only as a monumental piece of oral literature but also as a historical and ideological document that preserves societal values, notions of legitimacy, and representations of political contestation. Overall, the abstract highlights Tokhtamysh's reign as a period of cultural and intellectual renewal, during which the restoration of political cohesion was accompanied by the consolidation of Islamic legal traditions, the revival of educational institutions, and the strengthening of transregional scholarly networks developments that shaped the subsequent evolution of the Golden Horde and its successor states.

Keywords: Tokhtamysh Khan; Golden Horde; education; madrasah; sufism; Yasawiya; Kubraviya

For citation: Suleimenova D. Education and science in the Golden Horde during the reign of khan Tokhtamysh (1380–1395). *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.67-77. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.3.67.77*

© D. Suleimenova

Образование и наука в Золотой Орде в период правления хана Токтамыша (1380-1395 гг.)

Д. Сулейменова
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Аннотация. В статье анализируются ключевые особенности развития системы образования, научного знания и религиозно-интеллектуальной жизни в Золотой Орде в период правления хана Токтамыша (1380–1395 гг.). Данный этап, несмотря на свою относительную кратковременность и политическую нестабильность, представляет собой важнейший рубеж в истории государства, поскольку именно при Токтамыше произошло восстановление политического единства Орды после затяжного периода междоусобиц, известного как «Великая Замятня». Стабилизация политической ситуации создала условия для возобновления деятельности медресе, укрепления позиций исламского образования, распространения норм фикха и активизации трансрегиональных научных контактов с крупнейшими интеллектуальными центрами мусульманского Востока — Хорезмом, Мавераннахром и Хорасаном. В работе уделено внимание роли улемов, прибывавших в столицу Орды после захватов Амира Тимура, и их влиянию на развитие правовой мысли, богословия и образовательной практики. Особое место занимает анализ деятельности суфийских тарикатов Йасавийя и Кубравийя, которые не только способствовали распространению исламских знаний и духовно-нравственного воспитания, но и выполняли функцию посредников между кочевой и оседлой культурами, формируя устойчивую интеллектуальную среду. Рассматривается процесс интеграции исламских институтов в систему государственного управления, а также роль религиозных авторитетов в укреплении легитимности ханской власти и распространении исламских норм в общественной жизни. Отдельный раздел посвящён отражению духовно-политической атмосферы времени в тюркоязычной литературе, прежде всего в эпосе «Сказание об Идигее», который выступает важным историко-культурным источником, фиксирующим идеологические ориентиры золотоордынского общества. Эпос демонстрирует представления о власти, легитимности, династических конфликтах и моральных ценностях эпохи. Кроме того, в статье рассматриваются вопросы сохранения и трансляции интеллектуального наследия посредством устной и письменной традиции, а также значение культурного обмена между различными регионами исламского мира для формирования единого образовательного пространства Золотой Орды. Таким образом, исследование показывает, что правление Токтамыша стало периодом не только политической консолидации государства, но и заметного культурно-интеллектуального подъёма, сопровождавшегося развитием образовательных институтов, укреплением исламской правовой традиции и расширением научных связей, что способствовало дальнейшей эволюции золотоордынской цивилизации и её интеграции в общеисламское культурное пространство.

Ключевые слова: Токтамыш хан; Золотая Орда; образование; медресе; суфизм; Йасавийа; Кубравийа

Тоқтамыш хан дәуіріндегі Алтын Ордадағы білім және ғылым (1380-1395 жж.)

Д. Сулейменова
Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Бұл мақалада Тоқтамыш хан билігі кезеңіндегі Алтын Орда мемлекетінде білім беру, ғылым және діни-интеллектуалдық өмірдің даму ерекшеліктері жан-жақты қарастырылады. XIV ғасырдың екінші жартысы Алтын Орда үшін саяси дағдарыстар мен ішкі қақтығыстарға толы болғанына қарамастан, Тоқтамыш хан билікке келгеннен кейін «Ұлы дүрбелең» кезеңінен кейінгі бытыраңқылықты жойып, мемлекеттік құрылымды қайта қалпына келтіруге қол жеткізді. Осы саяси тұрақтану білім беру институттарының – медреселер, ханака мен завиялардың жұмысын жаңғыртуға, ислами құқықтық ілім – фиқһтың таралуына және ислам әлемімен ғылыми-рухани байланыстардың кеңеюіне мүмкіндік жасады. Мақалада Алтын Ордадағы улама өкілдерінің қоғамдағы орны мен олардың діни-құқықтық білімді қалыптастырудағы қызметі талданады. Сонымен қатар Йасавийа мен Кубравийа тариқаттарының ағартушылық және рухани-тәрбиелік рөлі зерделенеді. Бұл тариқаттар исламның түркі-монғол кеңістігіне бейімделуіне, көшпелі халықтың дүниетанымына ықпал ете отырып, діни білім беру жүйесін орнықтыруда маңызды факторға айналды. Автор исламдық идеологияның мемлекеттік басқару мен құқық жүйесіне ену үдерісін, әсіресе хан жарлықтарындағы исламдық формулалардың орнығуын, шариғат нормаларының әкімшілік тәжірибеге ықпалын нақты деректер арқылы көрсетеді. Зерттеуде Алтын Орданың Мысыр мәмлүктері, Орта Азия және Ирандағы исламдық орталықтармен байланыстарының ғылыми және мәдени ықпалына да назар аударылады. Ғалымдар, сопылар мен дін қайраткерлерінің қозғалысы арқылы білім алмасу үдерісі жанданып, исламдық құқық, теология және әдебиет салаларындағы интеллектуалдық дәстүрлердің таралуына жағдай жасалды. Сондай-ақ Тоқтамыш дәуіріндегі интеллектуалдық атмосфераның түркітілдес әдеби мұраларда, әсіресе «Идигей» эпосында көрініс табу ерекшеліктері талданады. Эпикалық дәстүрдің саяси идеологияны сақтау, тарихи жадты қалыптастыру және билік легитимациясын нығайтудағы рөлі ашылады. Мақала Тоқтамыш хан тұсындағы мәдени-рухани жаңғырудың Алтын Ордадағы исламдық білім жүйесінің орнығуына, ғылыми дәстүрдің нығаюына және Еуразия кеңістігіндегі интеллектуалдық сабақтастықтың сақталуына қосқан үлесін айқындайды. Зерттеу нәтижелері Тоқтамыш дәуірін тек саяси тарих тұрғысынан ғана емес, сонымен қатар мәдениет пен білім тарихы контексінде қарастырудың маңыздылығын көрсетеді.
Түйін сөздер: Тоқтамыш хан; Алтын Орда; білім беру; медресе; сопылық; Йасавийа; Кубравийа.

Сілтеме жасау үшін: Сулейменова Д. Тоқтамыш хан дәуіріндегі Алтын Ордадағы білім және ғылым (1380-1395 жж.) *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.67-77. *https://doi.org/10.65076/3105-0042.2025.3.67.77*

Кіріспе

Алтын Ордадағы білім беру жүйесі мұсылмандық Шығыс дәстүрлерін, Еділ Бұлғарысының құқықтық мәдениетін және Еуразия кеңістігіндегі көшпелі қоғамның ерекше-

ліктерін өз бойына сіңірген күрделі әрі көпқабатты құбылыс болды. XIII-XIV ғасырлардан бастап Ордада білім беру құрылымы институционалдық сипат алып, діни және зайырлы білім салаларын қамтыған тұтас жүйеге айналды.

Білім беру инфрақұрылымының негізін медреселер, ханака, завиялар және мектебтер құрап, олар діни-ағартушылықпен қатар әлеуметтік қызмет те атқарды. Бұл мекемелер вакфтық қорлар арқылы қаржыландырылып, мұғалімдер мен шәкірттердің қажеттілігін қамтамасыз етіп отырды. Мұндай қаржылық модель исламдық білім берудің тұрақтылығын қамтамасыз етіп, қоғамда білім мен ілімді таратуға жағдай жасады.

XIII-XIV ғасырларда Алтын Ордада исламдық білім беру жүйесінің ерте үлгісі қалыптасты. Ол суфиялық тәрбиенің элементтерін, медреселік оқытуды және құқықтық ілімді бір арнаға тоғыстырды. Бұл модель Ордадағы исламдық сәйкестіктің орнығуына, сондай-ақ посторда кезеңінде жалғасқан интеллектуалдық мәдениеттің қалыптасуына негіз қалады. Аталған үрдістер кейін Қазақ, Қасым және Қырым хандықтарының рухани және білім беру тәжірибесіне елеулі ықпал етті.

Ал-Хадж Абд ал-Ғаффар Қырымидің мәліметтері Алтын Ордадағы білім беру жүйесінің исламдану үдерістерімен тығыз байланыста дамығанын көрсетеді. Берке хан дәуірінен бастап Сайфаддин әл-Хорезми сияқты шейхтар мен мұсылман ғалымдары рухани тәлімгер, ұстаз және кеңесші ретінде қызмет атқарып, діни білімді саяси және этикалық жауапкершілікпен ұштастырған дәстүр қалыптастырды (Миргалиев 2012: 11).

Исламдық білім беру жүйесі тек діни тәжірибемен шектелмей, фиқһ, грамматика, этикалық-философиялық ілімдер сияқты кең ғылым салаларын қамтыды. Бұл жүйе билеушілерді, мемлекет қайраткерлерін және қази-соттарды даярлауда негізгі құрал болды. Олар діни біліммен қатар көпэтносты империя үшін маңызды болған төзімділік, әділет және жауапкершілік қағидаттарымен тәрбиеленді. Суфиялық Йасавийа және Кубравийа тариқаттарының миссионерлік әрі ағартушылық қызметі исламның кең таралуына және қоғамда рухани білімге негізделген тәртіп пен моральдық құндылықтардың орнығуына ықпал етті. Хан билігінің мұсылман ғалымдарын қолдауы исламдық интеллектуалдық дәстүрді мемлекеттің идеологиялық тірегіне айналдырып, білімді биліктің легитимациялық құралына айналдырды.

Суфиялық дәстүр Алтын Ордадағы рухани және білім беру мәдениетінің қалыптасуында ерекше орын алды. Йасавийа мен Кубравийа тариқаттарының шейхтары таратқан исламдық ілім түркі-монғол ортасына бейімделіп, жергілікті мәдениетпен ұштасқан жаңа діни-саяси дүниетаным қалыптастырды. Хан жарлықтарында сопылардың қади, муфти секілді лауазымдармен қатар аталуы олардың мемлекеттік құрылымдағы ресми мәртебесін көрсетеді. Суфилердің ықпалы әдеби мұраларда да көрініс тапты Махмұд әл-Бұлғаридің «Нахдж әл-Фарадис» секілді шығармаларында сопылық идеялар жергілікті сенімдермен үйлестіріліп, қоғамның діни-этикалық санасының қалыптасуына негіз болды. Абу Талиб әл-Макки сияқты классикалық мистикалық еңбектердің оқу құралы ретінде қолданылуы Ордада тұрақты суфиялық білім беру дәстүрінің қалыптасқанын дәлелдейді (Сайфетдинова 2014: 76-77).

Тоқтамыш хан дәуірі Алтын Орда тарихындағы ең маңызды әрі жеткілікті дәрежеде зерттелмеген кезеңдердің бірі болып табылады. 1360-1370 жылдардағы «Ұлы дүрбелеңнен» кейінгі саяси күйзеліс пен ішкі қақтығыстарды еңсеріп, Орда бірлігін қалпына келтіру дәл осы билеушінің тұсында жүзеге асты. Бұл кезең Еуразия кеңістігінде

исламдық білім мен құқықтық ойдың қайта өрлеуімен сипатталады.

Узбек хан кезінде басталған исламдану үрдісі XIV ғасырдың соңына қарай толыққанды институционалдық сипат алды. Ислам билеуші әулеттің дінімен қатар білім беру жүйесінің дүниетанымдық негізіне айналды. Медреселер, суфийлік орталықтар және Йасавийа мен Кубравийа тариқаттарының завиялары білім таратудың негізгі орталықтары болды. Сарай, Сығанақ, Хаджи-Тархан және Қырым қалаларына Хорезм, Хорасан және Мауараннахрдан улемдер мен қази-ғалымдар келіп, ғылыми өмірді жандандырды. Әмір Темірмен саяси қарсыластыққа қарамастан, Орда мен Орта Азия арасындағы ғылыми байланыстар үзілген жоқ: ордалық ғалымдардың діни-ғылыми пікірталастарға қатысуы соның дәлелі. Ш. Марджани келтірген Тоқтамыш ханның жарлықтары тенгриандық формулалардан исламдық құқықтық терминологияға көшуді көрсетеді, бұл фикһтың мемлекеттік тәжірибеге терең сіңгенін дәлелдейді.

XIV ғасырдың соңы – XV ғасырдың басы Алтын Ордадағы исламдық құқықтың ең қарқынды дамыған кезеңінің бірі болды. Әмір Темірдің саясатына қарсы болған көптеген улемнің Сарайға келуі фиқһ мектебінің жаңғыруына жағдай жасады. Олардың қатарында Ибн әл-Баззази сияқты атақты ханафит құқықтанушылары да болды (Почекаев 2019). Дәл осы уақытта шариғат нормаларын әкімшілік басқаруда қолдану дәстүрі орнықты (Почекаев 2020).

Сонымен қатар Тоқтамыш дәуірі әдеби мәдениеттің өркендеуімен ерекшеленеді. «Идигей» эпосының қалыптасуы сол кезеңнің саяси-рухани ахуалын бейнелейтін маңызды әдеби-тарихи мұра. Бұл шығарма билік, легитимдік, династиялық қақтығыстар және адалдық секілді құндылықтарды эпикалық формада жеткізеді (Самойлович 1972). Жалпы алғанда, Тоқтамыш хан билігі Алтын Ордадағы рухани, құқықтық және білім беру жүйелерінің қайта жанданған кезеңі ретінде сипатталады. Бұл дәуірдің интеллектуалдық мұрасы кейінгі тюрк-ислам кеңістігінің мәдени дамуына терең ықпал етті.

Материалдар мен әдістер

Зерттеу Алтын Ордадағы Тоқтамыш хан билігі кезеңіндегі білім беру, діни-интеллектуалдық және құқықтық өмірді сипаттайтын жазба, діни-құқықтық, әдеби және нарративтік дереккөздердің кешенді талдауына негізделді. Зерттеудің негізгі материалдарын төмендегі топтар құрайды: Ресми канцеляриялық құжаттар мен ярлықтар, соның ішінде Ш. Марджани келтірген Тоқтамыш пен Құтлұғ-Темір жарлықтарының мәтіндері. Бұл материалдар мемлекеттік дискурстың эволюциясын және әкімшілік тәжірибенің исламдану деңгейін анықтауға мүмкіндік береді. Ортағасырлық исламдық құқықтық және теологиялық трактаттар, әсіресе Алтын Ордаға Хорезм мен Мауараннахрдан келіп, фиқһ ілімін дамытқан улемдердің еңбектері. Олардың қатарында Ибн әл-Баззазидің кең тараған ханафиттік жинағы «әл-Фатауа әл-Баззазия» бар. Сопылық әдебиет пен рухани еңбектер, атап айтқанда Махмұд әл-Бұлғаридің «Нахдж әл-Фарадис» шығармасы. Бұл дереккөздер Йасауийа мен Кубравийа тариқаттарының білім беру және рухани тәрбие жүйесіндегі рөлін ашуға көмектеседі.

Түркітілдес эпикалық және әдеби мұра, әсіресе «Едіге» жыры. Эпос Алтын Ордадағы саяси-идеологиялық түсініктерді, билік легитимациясы мен моральдық нормаларды бейнелейтін маңызды тарихи-әдеби дерек ретінде қарастырылды.

Қазіргі зерттеушілердің еңбектері И. М. Мирғалиев, Р. Ю. Почекаев, Л. З. Бородовская, Э. Г. Сайфетдинова және басқа авторлар. Бұл еңбектер тарихи процестерді историографиялық контекстте түсіндіруге мүмкіндік береді.

Зерттеудің әдіснамалық негізін бірнеше өзара толықтыратын ғылыми тәсілдер құрайды:

Тарихи-салыстырмалы әдіс – Алтын Ордадағы білім беру құрылымын мұсылмандық Шығыс пен Еділ Бұлғарысы дәстүрлерімен салыстыра отырып талдауға қолданылды.

Деректанулық талдау -ресми құжаттар, құқықтық трактаттар, хроникалар және діни шығармалардың мазмұнын анықтауға бағытталды.

Дискурс-талдау -мемлекеттік құжаттардағы идеологиялық формулалардың өзгерісін, исламдық терминологияның орнығуын зерттеуге мүмкіндік берді.

Текстологиялық және филологиялық әдістер -«Едіге» эпосы және сопылық әдеби мұралардағы тарихи-рухани мазмұнды талдауда қолданылды.

Өркениеттік және мәдени-антропологиялық тәсіл-көшпелі және отырықшы мәдениеттердің өзара ықпалын, Ордадағы рухани институттардың эволюциясын саралауға мүмкіндік берді.

Интеллектуалдық тарих әдісі – Тоқтамыш дәуіріндегі құқықтық, теологиялық және білім беру ой-санасының дамуын қайта құру үшін қолданылды.

Аталған әдістердің үйлесімді қолданылуы Алтын Ордадағы исламдық білім беру моделінің қалыптасуын, суфийлік тариқаттардың рөлін және білімнің саяси легитимация құралына айналу механизмдерін кешенді түрде талдауға мүмкіндік берді.

Әдеби шолу

Алтын Ордадағы білім беру, құқықтық мәдениет және діни-интеллектуалдық өмір мәселелері Орталық Азия мен Еуразия тарихын зерттеген бірқатар ғалымдардың еңбектерінде түрлі қырынан қарастырылған. Зерттеу тақырыбы бойынша историография бірнеше бағытқа бөлінеді: исламдану үдерісін зерттеу, суфийлік тариқаттардың ықпалын талдау, фиқһ пен құқықтық дәстүрдің дамуын зерделеу, сондай-ақ әдеби және идеологиялық мұралар арқылы тарихи сананы қалпына келтіру.

Алтын Ордадағы исламдану және оның әлеуметтік-саяси негіздері И. М. Миргалиевтің еңбектерінде жан-жақты талданады. Ол ал-Хадж Абд ал-Ғаффар Қырымидің мәліметтеріне сүйене отырып, Берке ханнан бастап Ордада исламдық институттардың қалыптасуы мен улемдердің рөлін айқындайды. Миргалиев Ордадағы діни элитаның білім беру және саяси кеңесші ретіндегі қызметіне ерекше назар аударады.

Суфийлік дәстүрді зерттеу бағытында Э.Г. Сайфетдинованың жұмыстары маңызды орын алады. Ол Йасауийа мен Кубравийа тариқаттарының рухани-әдеби мұрасын талдап, олардың Алтын Ордадағы діни этика, моральдық тәрбиелеу және қоғамның рухани құрылымына әсерін ашады. Л.З. Бородовская XIV ғасырдың соңында сопылық ықпал мен фиқһ ілімінің кеңеюін, сондай-ақ дін қайраткерлерінің қоғамдық-саяси өмірге белсенді араласуын көрсетеді.

Алтын Ордадағы құқықтық ой мен фиқһтың дамуы Р.Ю. Почекаев еңбектерінде терең зерттелген. Ол Ибн әл-Баззазидің Орда аумағына келуімен байланысты исламдық құқықтың жаңғыруын, шариғат нормаларының әкімшілік басқару тәжірибесіне енуін және хан жарлықтарындағы исламдық құқықтық терминологияның орнығуын жан-жақты сипаттайды. Почекаев еңбектері Тоқтамыш дәуірінің құқықтық өзгерістерін

реконструкциялауда негізгі дереккөздердің бірі болып табылады.

Сонымен бірге Т. Абылов пен Т. Жолдасулы XIV ғасырдағы Ясавийа мен Кубравийа тариқаттарының Орда аумағында білім таратушы институттар ретіндегі рөлін арнайы зерттеп, олардың Хорезмнен Қырымға дейінгі кеңістікте рухани-ағартушылық қызмет жүргізгенін көрсетеді.

Жалпы, қазіргі историография Алтын Ордадағы діни-рухани өмірді тек саяси тарих кон-тексінде ғана емес, сонымен қатар интеллектуалдық, құқықтық және мәдени кеңістік ретінде бағалауға мүмкіндік береді. Әдебиеттерді талдау көрсеткендей, Тоқтамыш хан дәуірі исламдық білім беру институттарының қайта жануымен, улемдер мен суфийлік орталықтардың рөлінің артуымен және құқықтық ойдың дамуымен ерекшеленеді. Осы зерттеулердің жиынтығы мақалада қарастырылатын мәселелерді кең контексте түсінуге негіз береді (Абылов, Жолдасұлы 2023: 301-312).

Зерттеу нәтижелері

Жалпы алғанда, зерттеу нәтижелері Тоқтамыш хан дәуірін Алтын Ордадағы интеллектуалдық ортаның құрылымдық өзгерістерге ұшыраған күрделі тарихи кезеңі ретінде сипаттайды. Бұл дәуірде білім беру мекемелерінің, улемдер қауымының және суфийлік орталықтардың ықпалдасуы исламдық ой-сананың институционалдық деңгейде орнығуына ықпал етті. Сонымен қатар Ордадағы рухани және құқықтық өмірдің жаңғыруы аймақтың мәдени әртүрлілігін біріктіретін ортақ дүниетанымдық кеңістік қалыптастырды. Түркі, парсы және араб ғылыми-әдеби дәстүрлерінің тоғысуы Золотая Ордада көпқабатты интеллектуалдық орта құруға мүмкіндік беріп, оны Еуразиядағы аса ірі мәдени ықпал орталықтарының біріне айналдырды. Осылайша, Тоқтамыш дәуірін тек саяси тұрақтану кезеңі ретінде ғана емес, Орда қоғамының дүниетанымдық трансформациясының, ғылыми байланыстардың жануын және исламдық өркениеттік бағыттың орнығуын айқындаған тарихи белес ретінде қарастыру орынды.

Талқылау

Тоқтамыш хан билігі кезеңін Алтын Орда тарихындағы діни, құқықтық және интеллектуалдық өмірдің жаңғыруымен сипатталатын ерекше кезең ретінде бағалауға мүмкіндік береді. Бұл дәуірдің негізгі ерекшелігі «Ұлы дүрбелеңнен» кейінгі саяси тұтастықтың қалпына келтіріліп, мемлекеттік құрылымдардың қайта жануы білім беру, ғылым және рухани мәдениеттің дамуымен тікелей байланысты болды.

Біріншіден, медреселердің, ханака мен завиялардың қайта ашылуы исламдық білім беру жүйесінің орнығып, тұрақты жұмыс істеуіне жағдай жасады. Вакфтық экономикалық негіздің сақталуы білім беру мекемелерінің қызметін қамтамасыз етіп, Ордада исламдық педагогикалық дәстүрдің таралуына ықпал етті.

Екіншіден, фиқh ілімінің қарқынды дамуы және улемдердің Сарайда шоғырлануы Алтын Ордада исламдық құқықтың институционалдық деңгейде нығаюына әкелді. Шариғат нормаларының әкімшілік құжаттар мен хандық риторикада көрініс табуы Орда мемлекетінің құқықтық жүйесінің исламдық сипат алғанын дәлелдеді.

Үшіншіден, Йасавийа мен Кубравийа тариқаттарының рухани-ағартушылық қызметі қоғамдағы моральдық-этикалық нормалардың қалыптасуына, исламдық құндылық-

тардың түркі-монғол ортасына бейімделуіне және рухани бірліктің нығаюына ықпал етті. Суфилердің мемлекеттік құрылымға кірігуі исламдану үдерісінің табиғи әрі эволюциялық сипат алғанын көрсетті.

Төртіншіден, «Едіге» эпосының және басқа да әдеби мұралардың талдануы Тоқтамыш дәуірінің идеологиялық және мәдени кодтарын ашуға мүмкіндік берді. Эпоста билік, адалдық, династиялық тартыс және рухани құндылықтар туралы түсініктер көрініс тауып, сол кезеңнің тарихи жадын жеткізер бірегей дереккөз ретінде қызмет атқарады. Әдеби және эпикалық мұралар арқылы идеологиялық жүйені зерттеу бағыты А. Н. Самойлович және кейінгі тюркологтардың еңбектерінде көрініс тапқан. «Едіге» жырының әртүрлі нұсқалары сараланып, оның Алтын Орда саяси идеологиясын, династиялық қақтығыстарды және билік легитимациясын бейнелейтін тарихи-мәдени дерек ретіндегі маңызы анықталады (Самойлович 1973).

Жалпы алғанда, Тоқтамыш хан билік еткен кезең Алтын Ордадағы исламдық білім беру жүйесінің нығаюымен, құқықтық ойдың дамуы және рухани орталықтардың белсенділігімен ерекшеленеді. Бұл тарихи процестер кейінгі Қырым, Қасым және Қазақ хандықтарының мәдени-рухани болмысын қалыптастыруда шешуші рөл атқарды. Зерттеу нәтижелері Алтын Орданың діни-интеллектуалдық мұрасын Орталық Еуразия өркениеттері тарихындағы маңызды феномен ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Тоқтамыш хан тұсында мемлекеттің бірлігі қалпына келгеннен кейін Сарайға Орта Азия мен Хорасаннан ғалымдар мен құқықтанушылар қайта келе бастады. Солардың арасында атақты «әл-Фатауа әл-Баззазийя» еңбегінің авторы Ибн әл-Баззази де болды. Ол Әмір Темірді «дінсіз» деп жариялап, осы себепті Хорезмнен кетуге мәжбүр болған еді. Оның Алтын Ордадағы қызметі мұндағы мұсылмандық құқық ғылымының соңғы ірі өркендеу кезеңін бейнелейді. Эмир Едігей қайтыс болғаннан кейін, оның билігі тұсында белгілі бір деңгейде сақталған Ұлық Ұлыстың бірлігі шайқалып, жаңа алауыздықтар басталып, құқықтық және ғылыми орта құлдырай түсті (Бородовская 2017:85).

Ислам юриспруденциясының гүлденуімен қатар Алтын Ордада бай жазба мәдениет қалыптасты. Зерттеушілердің еңбектерінде поэттар мен ойшылдардың шығармалары сол дәуірдің рухани-адамгершілік түсініктерін бейнелейтіні, түркі, парсы және араб әдеби дәстүрлерінің элементтерін ұштастырған өзіндік әдеби мектептің қалыптасқаны айтылады. Бүгінгі күнге бұл мұраның тек бір бөлігі ғана жеткен – хан жарлықтары, діни-құқықтық трактаттар, сөздіктер, эпитафиялар, поэзиялық мәтіндер. Ерте кезеңнің маңызды ескерткіштерінің бірі 1303 жылы Сарайда жасалған көптілді сөздік «Кодекс Куманикус». Ол Алтын Ордадағы мәдениеттердің кең ауқымда тоғысуын көрсететін бірегей дерек болып табылады.

XIV ғасырда Алтын Орда әдебиеті өзінің кемелдік кезеңіне жетті. Бұл дәуірде діни-дидактикалық шығармалардан бастап көркем поэмаларға дейін әртүрлі жанрлар жасалды. Авторлар фольклорлық элементтерді, мифологияны, Құран сюжеттерін және заманауи шындықты еркін үйлестіре білді. Атақты шығармалардың қатарына Рабғузидің «Қиссас әл-анбиясы» (Миннегулов 2011), Махмуд бин Ғали әл-Бұлғары ас-Сарайи әл-Кердеридің «Нахдж әл-Фарадис» (Миннегулов 2011), Кутбтың «Хосров және Шырын» поэмасы, Саиф Сараидің «Гүлстан бит-түрки» еңбегі және «Сухейл мен Гүлдүрсүн» поэмасы жатады. Соңғы шығармасында Саиф Сараи махаббат хикаясын терең философиялық және көркемдік шеберлікпен бейнелейді. Оның «қыз Сухейлді

көргенде, күнді айналып тұрған Жер секілді айналып кетті» деген бейті поэтикалық метафора ғана емес, Коперник пен Бруноға дейінгі кезеңде гелиоцентризм туралы ғылыми түсініктердің болғанын да айғақтайды (Миннегулов 2011: 306).

Алтын Ордадағы діни-дидактикалық әдебиет те өте бай әрі алуан түрлі болды. Бұл саладағы маңызды туындылардың қатарына авторы нақты белгісіз суфийлік трактат «Муин әл-мурид» және Хусам Кәтіптің «Жумжума» поэмасы (кейде «Жумжума сұлтан» деп те аталады) жатады. Бұл шығарманың басты кейіпкері Иса пайғамбар, ал сюжеттің өзі өнегелік мағынаға толы. Дәл осы кезеңде жазылған «Кесікбас кітабының» сюжеті де «Жумжумаға» жақын. Сонымен қатар «Сирадж әл-Кулуб» туындысы діни-дидактикалық прозаның көрнекті үлгісі болып есептеледі.

Сырдария өңірінде жазылған Хорезмидің «Мұхаббат-наме» шығармасы ерекше орын алады. Түркітанушы А. Наджип мәтіндегі «Сүйінсін пенде Харазми Рауани» деген жолға сүйеніп, автордың «Раббани» деген әдеби бүркеншік есім қолданған болуы мүмкін деген тұжырым жасайды. Мұндай мәтіндер эстетикалық және рухани бастаулардың синтезін көрсетеді, онда білім, ақыл және жоғары адамгершілік «кемел адам» (камил инсан) дәрежесіне жетудің жолы ретінде түсіндіріледі.

Ұлық Ұлыс ақындары мен прозашылары өмірдің мәні, ізгілік, әділет, адам мен Құдайдың, билеуші мен бұқараның қарым-қатынасы, махаббат пен парыз туралы толғанған. «Өзгелерге игілік жеткізу», «артыңда жақсы ат қалдыру» сол дәуір авторларының басты ұстанымдарының бірі болды.

Алтын Орда әдеби дәстүрі тек мемлекет аумағында ғана емес, оның шегінен тыс жерлерде, ең алдымен Мамлюк Мысырында дамыды. XIII ғасырдың ортасынан XVI ғасырдың басына дейін Дешті-Қыпшақтан шыққан мамлюктер билеген Мысырда Алтын Ордамен саяси, мәдени және ғылыми байланыстар берік болды. Улус Жучиден шыққан көптеген ғалымдар мен жазушылар Махмуд Сараи Гүлістани, Саиф Сараи, Берке Факих және басқалар Мысырға қоныс аударып, сол жерде де шығармашылық қызметін жалғастырды. Бұл құбылыс түркі-ислам әлемінің ортақ интеллектуалдық кеңістігін нығайтуға маңызды үлес қосты (Миннегулов 2011: 306–307).

Қорытынды

Тоқтамыш ханның билік ету кезеңі Алтын Ордада исламдық құқықтық және білім беру жүйесінің қалыптасуындағы маңызды тарихи белес болды. Бұл уақыт көп жылдарға созылған саяси алауыздықтардан кейін мемлекеттің саяси бірлігін қалпына келтіріп қана қоймай, дала билік дәстүрлері мен исламдық ғалымдықтың өзара ықпалдастығына негізделген мәдени және рухани дамудың жаңа моделіне өту кезеңін айқындады.

Медреселер мен кадиаттардың қайта жандануы, Хорезм мен Мауараннахрдан үлемдердің ағылуы, сондай-ақ фиқһтың мемлекеттік басқарудың негізіне айналуы білімнің саяси легитимация құралына айналғанын көрсетеді. Әкімшілік тәжірибенің исламдануы ярлықтарда діни формулалардың қолданылуы, құқықтық трактаттардың таралуы қоғамдағы интеллектуалдық исламдану процесінің тереңдегенін дәлелдейді.

Бұл кезеңде Йасавийа мен Кубравийа тариқаттары тек діни емес, ағартушылық миссия атқарды. Олардың завиялары мен ханакасы моральдық тәрбиенің қалыптасуына және рухани білім сабақтастығының сақталуына ықпал етті. Суфизм көшпелі және оты-

рықшы мәдениеттер арасында маңызды дәнекерге айналып, дала халқының исламдық өркениетке біртіндеп енуін қамтамасыз етті. Тоқтамыш тұсындағы исламдық Шығыс аймақтарымен ғылыми байланыстардың нығаюы Алтын Орданың ислам әлемінің интеллектуалдық кеңістігінде берік орын алуына жол ашты. Бұл құбылыс орда элитасының исламдық білім мен құқықтың трансөңірлік желісіне жоғары деңгейде интеграцияланғанын көрсетеді.

Осылайша, Тоқтамыш дәуірі Алтын Орданың рухани және интеллектуалдық өрлеу кезеңі ретінде сипатталады. Саяси тұрақтылықтың орнауы исламдық құқықтың, білім беру институттарының және суфийлік дәстүрдің дамуының алғышартын жасады. Алтын Ордада қалыптасқан білім беру жүйесі мұсылмандық бірегейлікті, мәдени сабақтастықты және түркі өркениетінің тұрақтылығын посторда кезеңінде сақтап қалуға мүмкіндік берді. Бұл үрдістер Қасым, Қазақ және Қырым хандықтарында көрініс тапқан ұзақ мерзімді золотоордындық ғылыми дәстүрдің негізін қалады және исламдық Еуразияның мәдени-діни бірегейлігін сақтауға ықпал етті.

Пайдаланылған әдебиеттер

Абылов Т., Жолдасулы Т. Роль тарикатов Йасавийя и Кубравийя в исламизации Золотой Орды. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Velî Araştırma Dergisi.* 2023. No.105, с.301–312.

Бородовская Л.-З. Расширение сферы влияния суфизма в период Золотой Орды. *Исламоведение.* 2017. Т.8. No.3, с.82-94.

Миннегулов Х.Ю. Ещё раз о литературе Золотой Орды. В: *История татар с древнейших времён.* Том 3: Золотая Орда и её наследие. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2011. С.304-308.

Миргалеев И. М. Сведения ал-Хадж Абд ал-Гаффара Кырыми об исламизации в Золотой Орде. В: *Ислам и власть в Золотой Орде*. Сборник статей. Под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ/ 2012. С.6-17.

Почекаев Р.Ю. К истории юридической науки в Золотой Орде. *Золотоордынское обозрение.* 2020. Т.8. no.4, с.737–752. 10.22378/2313-6197.2020-8-4.737-752

Почекаев Р. Шихаб ад-Дин Марджани о праве Золотой Орды. *Тюркологические исследования.* 2019. Т.2. no.4, с.54-62.

Самойлович А.Н. Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым. В: *Тюркологический сборник 1972.* Москва: Наука. 1973. С.186-211.

Сайфетдинова Э. Г. Суфийские традиции в духовной культуре Золотой Орды. *Золотоордынское обозрение.* 2014. No.1(3), с.75-78.

References

Abylov T., Zholdasuly T. Rol’ tarikatorv Yasaviyya i Kubraviya v islamizatsii Zolotoi Ordy. *Türk Kültürü ve Hacı Bektaş Velî Araştırma Dergisi*. 2023, no.105, pp.301–312. (in Russian)

Borodovskaya L.Z. Rasshirenie sfery vliyaniya sufizma v period Zolotoi Ordy. *Islamic Studies,* 2017, vol.8, no.3, pp.82-94. (in Russian)

Minnegulov Kh. Yu. Eshche raz o literature Zolotoi Ordy. In: Istoriya tatar s drevneishikh vremyon. In: *History of the Tatars from Ancient Times. Vol.3: The Golden Horde and its Legacy.* Kazan: Sh.

Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 2011. Pp.304-308. (in Russian)

Mirgaleev I. M. Svedeniya al-Hajj Abd al-Ghaffara Kyrimi ob islamizatsii v Zolotoi Orde. In: *History of the Tatars from Ancient Times. Vol. 3: The Golden Horde and its Legacy.* Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 2012. Pp. 6-17. (in Russian)

Pochekaev R. Yu. K istorii yuridicheskoi nauki v Zolotoi Orde. *Golden Horde Review.* 2020. Vol.8, no.4, pp.737-752. 10.22378/2313-6197.2020-8-4.737-752. (in Russian)

Pochekaev R. Shikhab ad-Din Marjani o prave Zolotoi Ordy. *Turkological Studies.* 2019. Vol. 2, no.4, pp.54-62. (in Russian)

Samoilovich A. Variant skazaniya o Edigee i Tokhtamysh, zapisannyi N. Khakimovym. In: *Turkological Collection 1972.* Moscow: Nauka. 1973. Pp.186-211. (in Russian)

Saifetdinova E. Sufiiskie traditsii v dukhovnoi kulture Zolotoi Ordy. *Golden Horde Review.* 2014. No.1(3), pp. 75-78. (in Russian)

Information about authors

Dinara Kaisarovna Suleimenova – Ph.D., doctoral student at L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev Street, 010010, Astana, Kazakhstan. https://orcid.org/0009-0004-6344-1222, Suleimenova911@gmail.com

Авторлар туралы мәліметтер

Динара Қайсарқызы Сулейменова – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Ph.D докторанты Сәтбаев көшесі, 2, 010010, Астана, Қазақстан. https://orcid.org/0009-0004-6344-1222, Suleimenova911@gmail.com

Сведения об авторах

Динара Кайсаровна Сулейменова – Ph.D., докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010010, Астана, Казахстан. https://orcid.org/0009-0004-6344-1222, Suleimenova911@gmail.com

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. ***/ Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.04.2025
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 02.05.2025.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.09.2025

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ғылыми мақала / Research Article
ҒТАМР / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.78.94

Embassy relations between Kazakhstan and Russia in the 1700s-1720s.

N. Lapin✉
Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Kazakhstan
✉*lapin.79@mail.ru*

Abstract. Based on archival documents and published written sources, this article shows the dynamics of embassy relations between the Kazakh Khanate and the Russian state in the first decades of the 18th century. The author has systematized all known embassy contacts between the two sides and revealed new ones previously unknown in historiography. The main problems of bilateral relations raised during embassy contacts are identified: issues of military cooperation in the fight against the Dzungars, problems of security on the Kazakh-Russian border, the suppression of mutual attacks, and the establishment of trade relations. The regularity with which these issues were raised in diplomatic correspondence and during mutual embassy visits indicates that many problems remained unresolved. At the same time, both sides were formally committed to overcoming the problems that arose. The materials show that at the beginning of the 18th century, there were several centers of relations between Russia and the Kazakhs, namely Kazan, Ufa, and Tobolsk. At the same time, the Siberian administration under Governor Prince M.P. Gagarin was more active in establishing contacts with the Kazakhs. A distinctive feature of this stage in relations between the Kazakhs and Russia was the complex foreign policy situation in southern Siberia and Central Asia associated with the active policy of the Dzungar state, which was defending its interests in the region. This stage is also characterized by a revival of Russian interest in the region in the middle of the second decade of the 18th century. During this period, changes in the structure of interaction, caused by both internal reforms on the Russian side and external challenges faced by both sides, played a special role in the development of diplomatic relations between the Kazakh rulers and the Russian state. The strengthening of Russia's position in the Ural-Caspian region, as well as the growing threat from Dzungaria, forced Kazakh rulers to intensify dialogue with the Russian border administration. This manifested itself in an increase in the number of embassy missions and an expansion of the range of issues discussed, covering not only military and trade matters, but also the security of border territories. In turn, centers such as Kazan, Ufa, and especially Tobolsk became important hubs through which most embassy contacts passed. The intensity of embassy relations in the second decade of the 18th century after a hiatus allows us to distinguish this period as a separate stage in the history of diplomatic relations between the Kazakh rulers and the Russian state. The article clarifies the duration of the new stage, the dates of a number of embassies, and the content of the negotiations.

Keywords: Kazakh Khanate, Russian State, embassies, early 18th century, Tobolsk, Kazan

For citation: Lapin N. Embassy relations between Kazakhstan and Russia in the 1700s-1720s. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.78-94. *https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.78.94*

© N. Lapin, 2025

Казахско-русские посольские связи в 1700-е-1720-е гг.

Н. Лапин
Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. В статье на основе архивных документов и опубликованных письменных источников показана динамика посольских связей Казахского ханства и Русского государства в первые десятилетия XVIII века. Автором систематизированы все известные посольские контакты между двумя сторонами, и показаны новые не известные ранее в историографии.
Выявлены основные проблемы двусторонних отношений, поднимаемые в ходе посольских контактов: вопросы военного сотрудничества в борьбе с джунгарами, проблемы безопасности казахско-русского пограничья, пресечение взаимных нападений, и установление торговых отношений. Регулярность поднимаемых в дипломатической переписке и в ходе взаимных посольств вопросов свидетельствует о том, что многие проблемы оставались не решенными. При этом формально обе стороны были настроены на преодоление возникавших проблем. Материалы показали, что в начале XVIII века функционировало сразу несколько центров взаимоотношений России с казахами, это Казань, Уфа и Тобольск. При этом большей активностью в налаживании контактов с казахами проявила сибирская администрация в период губернатора князя М.П. Гагарина. Особенностью данного этапа во взаимоотношениях казахов и России стала сложная внешнеполитическая обстановка в южной Сибири и Центральной Азии связанная с активной политикой Джунгарского государства отстаивавшего свои интересы в регионе. Также этап характеризуется оживлением интереса России к региону в середине второго десятилетия XVIII века. В этот период особую роль в развитии дипломатических отношений между казахскими правителями и Русским государством сыграли изменения в структуре взаимодействия, обусловленные как внутренними преобразованиями в России, так и внешними вызовами, с которыми сталкивались обе стороны. Усиление позиций России в Урало-Каспийском регионе, а также возрастающая угроза со стороны Джунгарии заставляли казахских правителей интенсифицировать диалог с российской пограничной администрацией. Это проявлялось в увеличении числа посольских миссий и в расширении круга обсуждаемых вопросов, охватывавших не только военную и торговую сферы, но и вопросы безопасности приграничных территорий. В свою очередь, центры, такие как Казань, Уфа и особенно Тобольск, становились важнейшими узлами, через которые проходило большинство посольских контактов. Интенсивность посольских связей во втором десятилетии XVIII века после перерыва позволяет выделить это время в отдельный этап в истории дипломатических отношений казахских правителей и Русского государства. В статье уточнена продолжительность нового этапа, датировка ряда посольств и содержание переговоров. В целом удалось показать динамику двусторонних отношений и определить характер связей на межгосударственном уровне. Посольские связи довольно ясно показывают стремление обеих сторон к позитивному уровню взаимоотношений, при этом несмотря на инциденты, случающиеся в пограничье приоритет во взаимоотношениях, отдавался именно дипломатическим контактам.

Ключевые слова: Казахское ханство, Русское государство, посольства, начало XVIII века, Тобольск, Казань

1700-1720 жылдардағы қазақ-орыс елшілік байланыстары

Н. Лапин

Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада мұрағаттық құжаттар мен жарияланған жазбаша дереккөздер негізінде XVIII ғасырдың алғашқы онжылдықтарындағы қазақ хандығы мен Орыс мемлекетінің елшілік байланыстарының динамикасы көрсетілген. Автор екі тарап арасындағы барлық белгілі елшілік байланыстарды жүйелеп, тарихнамада бұрын-соңды болмаған жаңаларын көрсетті. Елшілік байланыстар барысында көтерілетін екіжақты қарым-қатынастардың негізгі проблемалары анықталды. Олар: жоңғарлармен күрестегі әскери ынтымақтастық мәселелері, қазақ-орыс шегарасы қауіпсіздігінің мәселелері, өзара шабуылдардың жолын кесу және сауда қатынастарын орнату. Дипломатиялық хат алмасуда және өзара елшіліктер барысында көтерілген мәселелердің жүйелілігі көптеген мәселелердің шешілмегендігін көрсетеді. Бұл ретте ресми түрде екі тарап туындаған проблемаларды еңсеруге бел буды. Материалдар көрсеткендей, XVIII ғасырдың басында Ресейдің қазақтармен қарым-қатынасының бірден бірнеше орталығы жұмыс істеді, олар Қазан, Уфа және Тобыл. Бұл ретте губернатор князь М. П. Гагарин кезеңінде Сібір әкімшілігі қазақтармен байланыс орнатуда үлкен белсенділік танытты. Қазақтар мен Ресей арасындағы қарым-қатынастағы бұл кезеңнің ерекшелігі аймақтағы өз мүдделерін қорғаған Жоңғар мемлекетінің белсенді саясатымен байланысты оңтүстік Сібір мен Орталық Азиядағы күрделі сыртқы саяси жағдай болды. Сондай-ақ, кезең XVIII ғасырдың екінші онжылдығының ортасында Ресейдің аймаққа деген қызығушылығының жандануымен сипатталады. Осы кезеңде қазақ билеушілері мен Ресей мемлекеті арасындағы дипломатиялық қатынастардың дамуында Ресей тарапындағы ішкі өзгерістерге де, екі тарап тап болған сыртқы сын-қатерлерге де байланысты өзара іс-қимыл құрылымындағы өзгерістер ерекше рөл атқарды. Орал-Каспий өңіріндегі Ресейдің позицияларының күшеюі, сондай-ақ Жоңғария тарапынан өсіп келе жатқан қауіп қазақ билеушілерін Ресей шегара Әкімшілігімен диалогты күшейтуге мәжбүр етті. Бұл елшілік миссиялар санының артуынан және әскери, сауда салаларын ғана емес, сонымен қатар шегара маңындағы аумақтардың қауіпсіздігі мәселелерін де қамтитын және талқыланатын мәселелер шеңберінің кеңеюінен көрінді. Өз кезегінде Қазан, Уфа және әсіресе Тобыл сияқты орталықтар елшілік байланыстардың көпшілігі өтетін маңызды түйіндерге айналды. Үзілістен кейінгі XVIII ғасырдың екінші онжылдығындағы елшілік байланыстардың қарқындылығы бұл уақытты қазақ билеушілері мен Орыс мемлекетінің дипломатиялық қатынастары тарихындағы жеке кезеңге бөлуге мүмкіндік береді. Мақалада жаңа кезеңнің ұзақтығы, бірқатар елшіліктердің кездесуі және келіссөздердің мазмұны көрсетілген.

Түйін сөздер: Қазақ хандығы, Орыс мемлекеті, елшіліктер, XVIII ғасырдың басы, Тобыл, қазан

Сілтеме жасау үшін: Лапин Н. 1700-1720 жылдардағы қазақ-орыс елшілік байланыстары. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.78-94. *https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.78.94*

Кіріспе

Қазақ-орыс қатынастарының ерте кезеңіндегі маңызды буындардың бірі – 1710-жылдары қазақ билеушілері мен Ресейдің орталық және аймақтық билік органдары арасындағы дипломатиялық байланыстардың қысқа уақытты қамтығанымен, мазмұны жағынан аса қарқынды кезеңі болып табылады.

Материалдар мен әдістер

Жұмыстың дереккөздік негізін Ресей мемлекеттік көне актілер архивінің (РМКАА) материалдары құрады. Аталған архивтің №122 «Қырғыз-қайсақ істері» және №248 «Сенат және оның мекемелері» қорлары (хаттар, есептер, елшілік хабарламаларының жазбалары) Қазақ хандығы мен Ресей арасындағы екіжақты қатынастар тарихын қайта қалпына келтіруге мүмкіндік беретін маңызды, кей жағдайда бірегей деректерді қамтиды.

Бұл материалдардан бөлек, қосымша ретінде Ресей империясының сыртқы саясат архивінің материалдары және әр жылдары жарияланған, елшіліктерге қатысты құжаттар да пайдаланылды.

Зерттеудің негізгі әдістері ретінде тарихи-генетикалық, тарихи-салыстырмалы әдіс, тарихи-типологиялық әдіс, тарихи кезеңдеу әдісі және ішінара тарихи-биографиялық әдіс қолданылды.

Әдеби шолу

Қазақ хандығы мен Ресейдің XVIII ғасырдың басындағы дипломатиялық байланыстарының тарихы жеке дербес зерттеу мәселесі ретінде іс жүзінде қарастырылмаған. Ерекше жағдай ретінде тек В.Я. Басиннің 1960-1970 жылдардағы еңбектерін атауға болады (Басин 1965: 41-44; Басин 1969: 68-73; Басин 1971: 122-125).

Жаңа архивтік дереккөздерді, сондай-ақ жаңадан жарияланған дипломатиялық құжаттар кешенін тарта отырып, XVIII ғасырдың басындағы қазақ-орыс қатынастары мәселелері жүйеленіп, жан-жақты зерттелген заманауи еңбектердің іс жүзінде болмауы, қазақ билеушілерінің Ресей мемлекетімен империяға дейінгі кезеңдегі дипломатиялық байланыстарының әртүрлі аспектілерін зерттеуді өзекті етеді.

Нәтижелер

Қайып ханның I Пётр патшаға жолдаған хатынан (хат 1715 жылдың шілде айының басында жазылған) жекелеген елшілік байланыстардың бұдан да ертерек басталғаны анық байқалады. Өз хатында Қайып патшадан ресми («сіздің мемлекеттік мөріңізбен») хат («қағаз») алғанын хабарлайды, әрі патшаның бұл хаты «қырғыз-қайсақтан Шора арқылы»[1] жеткізілгенін атап өтеді.

Шора – қазақ елшісі, бұл оның Ресейге қайта жіберілуімен дәлелденеді: оған орыс тарапынан келісім болған жағдайда, екіжақты сауданы ұйымдастыру үшін патша өкілін

алып келу тапсырылған[2].

Шора арқылы I Пётр патшадан Қайып ханға жеткізілген хаттың мазмұнын патша жолдауынан кейінгі сөздерден аңғаруға болады. Қайып хан орыс патшасына былай деп жазған: «мен ол хатты алдым және үлкен құрметпен қабылдадым, оған өте қуандым, әрі біз сіздердің және біздің ордаларымыздың арасында тура жолмен сауда адамдары сіздерден бізге және бізден сіздерге қауіпсіз қатынап тұрғанын қалаймыз»[3]. Яғни, патшаның хатында, ықтимал, екіжақты сауданы дамыту мәселесі сөз болған, ал Шораның екінші миссиясының мақсаты соны растайды. Осылайша, неғұрлым ертерек деп Қайып ханның елшісі Шора бастаған миссияны тану қажет.

Қайыпқа патша хатының қазақ елшісі арқылы жіберілуі дипломатиялық байланыстардың қалпына келтірілуіне жаңа мерзімдеме ұсынуға мүмкіндік береді. Ол үшін елші Шораның Ресейге жетуге, патшаның хатын алуға және Қайыптың иелігіне кері қайтуға жұмсаған ықтимал уақытын есептеу қажет. Қазақ хандығынан Санкт-Петербургке апаратын жолдың Уфа мен Мәскеу арқылы өткені белгілі.

Сол кезеңнің немесе оған жақын дереккөздеріне сүйенсек, Қайыптың Орта Сырдариядағы иеліктерінен Уфаға дейін елшілердің жолы шамамен екі айға созылған, ал Уфадан Мәскеуге дейінгі жол тағы бір айдай уақыт алған (Русские летописи … 2005: 371). Яғни бір бағыттағы жол Шораға шамамен үш ай уақыт алуы мүмкін, сәйкесінше кері қайту да сонша уақытты талап еткен, демек бүкіл миссия шамамен жарты жылға созылған, бұл Ресейде патша хаты дайындалғанға дейінгі уақытты есептемегенде. Егер Қайып Шораның келіп, патша хатын алған бойда жауап хат дайындады деп болжасақ, ал ол хат, белгілі болғандай, шілде айының басында жазылған болса, онда Шораның миссиясы 1715 жылдың басынан кешіктірілмей, тіпті 1714 жылдың соңында басталған болуы ықтимал. Осылайша, Қазақ хандығы мен Ресей мемлекеті арасындағы дипломатиялық байланыстардың қайта жандануын дәл осы кезеңге жатқызу қажет.

1715 жылдың күзінің басында Уфаға құжаттарда «батыр» және «айтулы адам» деп аталған қазақ елшісі Тойғанұр келеді. Қазақ елшісі өзімен бірге қазақ билеушісі Әбілқайыр ханнан келген жолдауды алып келген, алайда оның миссиясы мұнымен аяқталмаған. Әбілқайырдың тапсырмасынан («бұйрығынан») бөлек, Тойғанұр аға хан Қайыптың әмірін орындай отырып, одан орыс патшасына арналған хатты Қазанға жеткізген[4] (ол 1716 жылдың наурызында келген).

Қазақ билеушілерінің хаттары мен олардың елшісінің хабарламалары қазақ тарапы көтерген бірнеше өзекті мәселелерді бөліп көрсетуге мүмкіндік береді. Мысалы, Қайыптың жолдауында бірінші мәселе ретінде Ресей мемлекетімен тікелей сауда байланыстарын орнату мәселесі қойылған (мүмкін, патша жолдауына жауап ретінде). Осыған ықпал ететін практикалық шаралардың бірі ретінде Қайып орыс патшасына хан ордасына арнайы тағайындалған адам жіберуді ұсынған. Келісім болған жағдайда, қазақ билеушісі патша өкілімен бірге өз тарапынан орыс жағымен сауда жасауға мүдделі «мыңға жуық адамды» жіберуге уәде берген[5].

Екінші мәселе Әбілқайырдың шегаралық қоныстарға жасаған шабуылдарына байланысты туындаған проблемаларды реттеу болды. Қайып өз хатында бұл шабуылдарға қатысы жоқ екенін айтып, Әбілқайырға тиісті ескерту жасағанын, яғни оның «сіздің патшалық мәртебеңіздің жағына мұндай тәртіппен мүлде бармауы»[6] керектігін тапсырғанын жеткізді. Сонымен қатар, қазақтардың ұлы ханы өз хатында өткен жыл-

дардағы шабуылдар барысында орыстардың тұтқынына түскен екі адамды босатуды сұрады, олар «ең таңдаулы адам» Текібас Шорабаевті және ханның «сиповщигі» Бермухамметті[7]. «Сыбысшы» (сыбыс немесе сыбызғы тұқымдас үрмелі аспапта ойнайтын адам) – сыбызғы (сиповка) аспабында ойнайтын музыкант, соның ішінде әскери музыкант. (Словарь … 2000: 155). Қайып ханның хаты 2005 және 2014 жылдары жарияланған кезде бұл сөз дәл емес оқылып, «чиповщик» деп берілген. (Русские летописи … 2005: 268; Эпистолярное наследие … 2014: 95), ал архивтік құжаттың өзінде бұл сөз анық «сиповщик» деп оқылады..

Егер Қайып хан үшін қазақтар мен орыс бодандары (башқұрттар) арасындағы өзара шабуылдар және тұтқындағы адамдарды қайтару мәселесі, кем дегенде оның хатынан байқалғандай, бірінші кезектегі мәселе болмаса, Әбілқайыр үшін бұл мәселелер Ресей мемлекетімен қатынастарда негізгі орын алды. Өз жолдауында ол аға ханның бұйрығымен орыс шегараларына ешкімді жорыққа «жібермегенін» мәлімдей отырып, сонымен қатар «ұрлық жолмен әкелінген әртүрлі орыс және татар тұтқындарының [қазақтарда] бар екенін» мойындаған (Материалы 1936: 278). Елші Тойғанұрдың ауызша хабарлауынша, «орыс тұтқындарының Қайып ханда, оның өзінде және оның қол астындағы иеленушілердің ұлыстарында 200 адам бар» (Материалы … 1936: 279).

Осыған байланысты Әбілқайыр «құнсыз» тұтқындарды өзара «бәрінебәрін» қағидаты бойынша айырбастауды ұсынған (Материалы … 1936: 278). Ал өзара шабуылдарға кінәлілерге қатысты қазақтың ұлыстық билеушісі екі жақтан да шара қолдануды ұсынған: «біз мұнда ақымақ, ессіздерді тыйамыз… сіздердің араларыңызда да сондай ақымақтар болса, сіздер де оларды тыйыңыздар» (Материалы … 1936: 278). Осы мәселелерді шешу үшін Әбілқайыр аға қазақ ханына патша елшісін жіберуді өтінген.

Екі қазақ билеушісінің Ресеймен қарым-қатынастағы басымдықтарының айырмашылығы XVII ғасырдың соңынан бастап қалыптаса бастаған және қарастырылып отырған кезеңде айқын көрінген ерекшеліктермен түсіндіріледі. Бұл уақытта (XVII ғасырдың соңы – XVIII ғасырдың алғашқы онжылдықтары)ойрат (жоңғар) қаупі айтарлықтай күшейіп, қазақ-жоңғар соғыстарының ауқымы кеңейді (Златкин 1983: 217-217; Моисеев 1991: 61-74). Соның салдарының бірі – қазақ иеліктерінің бір бөлігінің орыс шегараларына қарай ығыстырылуы болды, бұл өз кезегінде жекелеген қазақ жасақтарының орыс шегаралық аймақтарына, тіпті орыс иеліктерінің ішкі бөлігіне дейін шабуыл жасауын күшейтіп, жалпы алғанда екіжақты қатынастардың бүкіл түйісу аймағында шиеленісуіне әкелді (Кабульдинов 2001: 12; Кабульдинов 2001: 15-16; Пузанов 2004: 90-104; Маслюженко 2013: 72). Иеліктері барған сайын орыс шегараларына жақындай түскен Әбілқайыр үшін орыс шекаралық тұрғындарымен қарым-қатынас мәселелері Қайып ханға қарағанда әлдеқайда өзекті болды. Қайып ханның иеліктері Ресей шегараларынан алыста, Түркістан қаласы маңында орналасқан еді.

Қазақ билеушілерінің Ресей мемлекетімен дипломатиялық байланыстарының одан әрі дамуы Орталық Азия аймағындағы сыртқы саяси жағдайдың құбылмалылығы аясында өтті. Бұл жағдай Жоңғар хандығы мен Ресей сияқты негізгі акторлардың белсенділігімен байланысты болды. Ресейдің аймақтағы белсенділігі белгілі әрекеттер арқылы көрініс тапты – князь Бекович-Черкасскийдің Хиуаға жорығы, подполковник Бухгольц жасағының Ертіс бойымен ілгерілеуі және басқа да шаралар.

1716 жылғы 11 қыркүйекте Тобольск қаласына «ханның рұқсатымен және бүкіл Қазақ

ордасының атынан» бірнеше қазақ елшісі келеді. Олар өздерімен бірге бұрын Бухгольц жоңғарларға хатпен жіберген, жоңғар тұтқынынан босатылған орыс офицері мен кеңсе хатшысына алып келген. Тобылға келгеннен кейін бірнеше күн өткен соң қазақ елшілері Бекболат Екешев пен Байдаулет Буриевтің мәлімдеуінше, қазақ тарапы көтерген негізгі мәселелер 1714-1715 жылдардағы Шора мен Тойғанұр елшіліктері барысында қойылған мәселелерге едәуір ұқсас болған. Олардың қатарында өзара сауданы қалпына келтіру мәселесі (бұл жолы Қайып хан елшілерінің айтуынша, қазақ көпестерінен бөлек, ол Бұхара көпестері үшін де өтініш жасаған); қазақтардың орыс шекаралық қоныстарына («патша слободаларына») шабуылдарын болдырмау және осыған байланысты Ресей мемлекетімен «мәңгі бейбітшілік» орнату ниеті болған (Памятники … 1885: 152-153).

Алайда бұл жолы қазақ тарапы көтерген мәселелердің ішінде бір маңызды толықтыру болды. Ол – жоңғар факторы еді. 1716 жылы И.Д. Бухгольц экспедициясының сәтсіздігінен кейін бұл фактор қазақтар үшін де, орыс тарапы үшін де ерекше маңызға ие болды. Қайып ханның елшілері өз ханының атынан «контайшымен бірге соғысу», яғни Жоңғарияға қарсы бірлескен әскери әрекеттер үшін одақ құру туралы өтініш білдірді. И.Я. Златкин, ал одан кейін В.А. Моисеев жоғарыда аталған Бекбулат Екешев пен Байдаулет Буриев елшілігінің құжаттарына сүйене отырып, қазақтардың Ресейге дәл осы кезеңде – И.Д. Бухгольцтің сәтсіз әрекеттерінен кейін, орыс-жоңғар қатынастарының шиеленіскен тұсында – жүгінуін осы жағдайды пайдалануға ұмтылыс ретінде бағалайды (Златкин 1983: 226-227; Моисеев 1991: 84). Қазақ елшілерінің Тобылға И.Д. Бухгольц жасағынан жоңғарлардан қайтарып алынған екі орыс тұтқынын алып келуі және қазақтардың «контайшының патшаға қарсы тұрғанынан хабардар болғанын» көрсетуі бұл бағамен келісуге мүмкіндік береді.

В.А. Моисеев, Сібір губернаторы князь М.П. Гагариннің I Пётр патшаға қазақ елшілерімен кездесуден кейін бірден жолдаған баяндамасына сүйене отырып, қазақ өкілдері көтерген мәселелердің қатарында жоңғарларға қарсы одақ құрудан бөлек, қазақтардың «қалалар салуға рұқсат беру және осы жөнінде куәландырушы грамотаны жіберу» туралы ұсынысын да атайды (Моисеев 1991: 83). Алайда құжаттың мазмұны анық көрсеткендей, Сібір губернаторының баяндамасында аталған бұл мәселелер тек орыс-жоңғар қатынастарына қатысты болып, қазақ елшілігіне тікелей байланысты емес еді. Осылайша, 1716 жылы негізгі мәселелер ретінде жоңғарларға қарсы әскери одақ құру, сауда байланыстарын дамыту және жекелеген қазақ жасақтарының орыс шегарасына жасаған шабуылдарына байланысты проблемалар қарастырылды.

Осындай ұсыныстармен қатар қазақ елшіліктері Тобылдан бөлек бір мезгілде Уфа мен Қазанға да жіберілгенімен[11], екіжақты дипломатиялық байланыстарды одан әрі дамыту бастамасы негізінен М.П. Гагаринге тиесілі болды. Ол I Пётр патшаны Қазақ хандығымен байланыстарды қолдаудың қажеттілігіне сендіріп, тиісті жарлық алғаннан кейін, 1716 жылдың қазан айында Қайып ханның ордасына бояр ұлы Никита Белоусов бастаған елшілікті жібереді (Памятники … 1885: 153-156). Белоусовқа берілген нұсқауға сәйкес, сауданы дамытуға жәрдемдесу және қазақ көпестерінің «шегараларда 50 адамнан сауда жасауына» мүмкіндік ашу туралы шешім қабылданды (Памятники … 1885: 155). Сонымен қатар, Белоусовқа қазақтармен әскери ынтымақтастықтың ықтимал шектерін және Қайып ханның саяси әлеуетін анықтау тапсырылды (Памятники … 1885: 155-156). Экономикалық ынтымақтастықты одан әрі дамыту мақсатында Никита Белоусовтың

1717 жылдың күзінде Тобылға қайтып келгенінен кейін Қайып ханға жазылған хатында Сібір губернаторы М.П. Гагарин қазақтар мен бұхарлықтардан Сібір қалаларына сауда үшін келген жағдайда баж салығын алмауға және «сауданы еркін әрі қауіпсіз жүргізуге» уәде береді (Памятники 1885: 157).

Жолда өткізген уақытты қоса есептегенде шамамен 11 айға созылған (1717 ж. 26 қыркүйекте Тобылға қайтып келген) Белоусов елшілігінің материалдары мен нәтижелері қазақ тарапының Ресеймен байланыстарды жалғастыруға ниетті екенін жалпы алғанда растады. Ынтымақтастық саласындағы да, керісінше, қатынастарға кедергі келтірген проблемалық мәселелер де іс жүзінде өзгеріссіз қалды: жоңғарларға қарсы бірлескен күрес, орыс шегарасына жасалатын шабуылдарды тоқтату, кінәлілерді жазалау және тұрақты сауда қатынастарын орнату. Мұның барлығы Гагариннің Қайып ханға жазған хатының мазмұнынан айқын көрінеді (Памятники … 1885: 156-157).

1717 жылы Қазаннан тағы бір орыс елшілігі жіберілді, оны Федор Жилин басқарды (бұл елшілікті, шамасы, Қайып ханнан бұрын келген, бұрыннан белгілі Тойғанұр Құлтабаев ертіп жүрген). Бұл миссияның мән-жайы мен екіжақты қатынастардың кейінгі дамуы туралы мәліметтер қазақ елшілері 1718 жылдың желтоқсанында Қазанға Жилинмен бірге оралған кезде жеткізген қазақ билеушілерінің хаттарынан белгілі.

Қазақ елшілері Тантай батыр мен Тойғанұр Құлтабаев Қазанға барлығы төрт хат («қағаз») жеткізген, олардың алынған уақыты 1718 жылдың 10 желтоқсаны деп белгіленген. Бұл хаттардың екеуі Қайып ханнан (бірі патшаға, екіншісі Қазан билігіне арналған), біреуі Болхаир сұлтаннан (Әбілқайыр ханның інісі), және тағы бірі қазақтардың діни көшбасшысы Сопы Әзізден болған[12].

Қайып хан I Пётр патшаға жазған хатында Жилин жеткізген «алтын мөрмен бекітілген мейірімді хат» үшін де, сондай-ақ ешқандай өтінішсіз қазақ ханына жеткізілген Малдыбай Елболдинді босатқандығы үшін алғыс білдірген. Қайыптың хатынан белгілі болғандай, орыс тарапы көтерген негізгі мәселелер тұтқындарды босату және бірнеше жыл бұрын орыс жерінен қазақ иеліктеріне қашып барып, шекараға бірнеше шабуыл ұйымдастырған «ұры Сеиітқанды» ұстау болған. Алайда патшаның бұйрығына және оны ұстауға жасалған барлық әрекеттерге қарамастан, Қайып өз дәрменсіздігін мойындауға мәжбүр болды, бірақ бұл істі тоқтатпай, міндеттемесін орындауға уәде берді[13].

Өз тарапынан Қайып хан алдыңғы жылдардағыдай сол мәселелерді көтерді – жоңғарларға қарсы бірлескен әрекеттер, шегарада шабуыл жасағандарды жазалау және «саудагер адамдардың қатынасып тұруын» қамтамасыз ету[15].

Қайып хан Қазан губернаторы П.С. Салтыков пен вице-губернатор Н.А. Кудрявцевке[1] жолдаған хатында патшаға жасаған үндеуін іс жүзінде қайталаған. Хан Ресеймен қарым-қатынастағы мақсаттарын мәңгі бейбітшілік орнату және «одақтас болып өмір сүру»[16] ниетімен түйіндеген. Сонымен қатар Қайып Жилиннің өзінде ұзақ бөгеліп қалуын жоңғарлардың қазақтарға жасаған шабуылымен[17] түсіндіруге тырысқан.

Сұлтан Болхаир I Пётр патшаға арналған шағын хатында, оны да қазақ елшісі Тойғанұр Қазанға жеткізген, Ресеймен әскери ынтымақтастыққа ұмтылысын білдіріп былай деп жазған: «сізге хабарлаймын және қызмет етуді қалаймын, ал біздің адамдар ат үстінде қызмет етсе, мен тек ат үстінде ғана емес, жаяу да ақ патшаға қызмет етуге дайынмын»[18].

Сопы Әзізден орыс патшасына жолданған хат ерекше қызығушылық тудырады, ол, ықтимал, Қайып ханның рұқсатынсыз жіберілмеген. Сопылық көшбасшы «біздің [қазақ]

ордамыздың барлық хандары бізге бағынады, біздің сөзімізден шықпайды»[19] деп жазып, осылайша өзінің саяси дербестігін көрсеткенімен, іс жүзінде Қайып ханның алдыңғы барлық хаттарында кездесетін мәселелер шеңберін қайталайды. Сопы Әзіз де патшаға «екі орданың арасында» бейбітшілік орнату қажеттілігі туралы, сондай-ақ мемлекеттер арасындағы бейбіт қатынастарға кедергі келтіретіндерді жазалау жөнінде жазады: «ал қандай ақымақ бүліктер болып, бүлдіруге әкелсе, ондайларды ұстап, жазаға тарту керек», сондай-ақ сауда байланыстарын қалпына келтіру қажеттігін атап өтеді[20].

Қазақтардың діни көшбасшысының өзімен жеке елшілік байланыстар орнату жөніндегі ишарасы да назар аударарлық. Сопы Әзіздің барлық қазақ билеушілерінің өзіне бағыныштылығын атап өткеннен кейін жазған сөздерін дәл осылай түсіндіруге болады: «ал сіздің мейіріміңіз [патша Петр Алексеевич] бізге өз тарапыңыздан ешқандай елші де, хат та жібере алмадыңыз»[21].

Бұл құжаттардың мазмұны қазақ тарапы орнатуды көздеген қатынастар деңгейі нақты міндеттерді шешуге бағытталған әскери одақ ретінде айқындалғанын көрсетеді. Саяси тәуелділік, «жоғары қол астына» өту немесе бодандықты қабылдау туралы сөз жоқ. Керісінше, Қайып хан: «мәңгі бейбітшілік орнатып, одақтас болып өмір сүруді қалаймыз»[22] деп атап көрсетеді.

Алайда «одақтас болып өмір сүруге» деген ниетке қарамастан, оған кедергі келтіретін жағдайлар сақталып отырды. Қазан губернаторы П.С. Салтыковтың Қайып ханға жолдаған жауап хатында (1719 жылдың қаңтарымен даталанады) осы мәселелер атап көрсетілген. Губернатор ең алдымен Қайып ханның қазақ даласында жасырынған қылмыскерлерді, мысалы бұрын аталған Сеитті жазалау жөніндегі уәдесін орындамағанына назар аударады[23]. Сонымен қатар Қазан губернаторы атап өткен тағы бір мәселе – сауда қатынастарының жоқтығы, дәлірек айтқанда, олардың іс жүзінде жүзеге аспауы болды. Бастама қазақ тарапынан шыққанына қарамастан, нақты қадамдар жасалмаған: «Қайып хан өз хаттарында тауарларымен саудагер адамдарын жіберуге уәде еткен еді…, бірақ осы уақытқа дейін олардан тауарлы саудагерлер жіберілген жоқ»[24].

Сонымен қатар, П.С. Салтыков мынадай оқиғаға байланысты таңданысын білдірді: «Абылай сұлтан [Қайып ханның інісі] оларға жіберілген патша елшісі, уфалық Федор Жилинмен бірге келген солдаттардың мылтықтары мен оқ-дәрі сөмкелерін тартып алып, өзінде ұстап, қайтармаған»[25]. Осындай әрекетке наразылық білдіре отырып, ол «ешбір мемлекетте елшілерден қару тартып алу деген мұндай әдет жоқ» екенін атап көрсетеді[26].

1718 жылы тарихнамада дипломатиялық акциялар (елшіліктер, хат алмасу) ретінде бағаланатын тағы бірнеше оқиғалар орын алды. Бұл Сібір губернаторы князь М.П. Гагариннің 1717 жылдың соңында Қазақ хандығы аумағына Борис Брянцевті, Яков Тарыштинді және Қабай Мамеевті жіберуіне қатысты. Осы ретте елшіліктің басшысы немесе елші ретінде Борис Брянцев аталады (Басин 1965: 43; Басин 1969: 71; Ерофеева 2007: 154). Алайда Брянцев миссиясына қатысты құжаттар оны біржақты тек дипломатиялық деп бағалауға толық мүмкіндік бермейді. Дегенмен, сыртқы белгілер – қазақ билеушілеріне баруы, соның ішінде Қайып ханның ордасында болуы және оларға «хаттар» тапсыруы бұл оқиғаның ресми дипломатиялық сипатта болғанын көрсететіндей (Памятники … 1885: 157-163).

Брянцев миссиясы, кем дегенде құжаттар көрсеткендей, Сібір губернаторы Матвей

Гагарин тарапынан қазақ даласындағы жағдай туралы «нақты мәлімет алу» мақсатында ұйымдастырылған. Яғни негізгі мақсат жағдайды барлау, соның ішінде Қазақ хандығының ішкі жағдайынан гөрі, тіпті көбірек оның сыртқы ахуалы туралы ақпарат жинау болған. Әңгіме ең алдымен қазақтардың жоңғарлармен қарым-қатынасына қатысты.

В.Я. Басин Брянцевтің «I Пётр патшаның жарлығы және Сібір губернаторы М.П. Гагариннің бұйрығы бойынша жіберілгенін» жазғанымен (Басин 1965: 43; Басин 1969: 71), экспедиция барысында Тобылға кезең-кезеңімен жіберілген есептерде, қазақ билеушілерімен кездесулер мен мәлімет жинау кезінде «елшілер» тарапынан патша жарлығына бірде-бір рет сілтеме жасалмаған. Керісінше, миссия құжаттарында Брянцев пен оның серіктерінің қазақтарға «сіздің мәртебеңіздің жарлығы бойынша», яғни Сібір губернаторының бұйрығымен жіберілгені үнемі атап көрсетіледі (Памятники … 1885: 157-163). Бұл, мысалы, 1716 жылы Белоусовқа берілген нұсқаудан ерекшеленеді, онда нақты «ұлы мемлекеттік жарлық бойынша және Сібір губернаторының бұйрығымен» деп көрсетілген (Памятники … 1885: 153).

1718 жыл ішінде Брянцев миссиясы жүзеге асырылып жатқан кезеңде Тобылға бірнеше қазақ елшілері келіп жетті: 1-мамырда Елмет Баулуков келіп, үш хат әкелді: бірі Қайып хан мен Әбілқайыр ханнан, бірі Мамай сұлтан мен Әбілқайыр ханнан, және бірі Қайып хан мен оның ұлы Батыр сұлтаннан, сондай-ақ Мамай сұлтаннан ауызша хабар жеткізді; 7 қазанда Әбілқайыр ханнан елшілер Сапа батыр мен Итмамет батыр келді; ал 28 қазанда Қайып ханнан Байбек пен Төлебай батырлар жетті (Памятники … 1885: 163-167).

Қазақ билеушілері хаттарында және елшілері арқылы көтерген мәселелер жолданған тұлғаның мәртебесіне байланысты өзгеріп отырды. Мыслаы, Әбілқайыр ханның жиені Мамай сұлтан жергілікті мәселені, яғни башқұрттардың қазақтардан көп мөлшерде жылқы айдап әкетуін көтерген. Ұлыстық хан Әбілқайыр мәселені кеңірек қойған, қазақтар мен орыс бодандары арасындағы өзара шабуылдар, жоңғарларға қарсы бірлескен әрекеттер және «саудагер адамдардың қатынап тұруы» мәселелері. Ал қазақтардың аға ханы Қайып жоңғар қонтайшысына қарсы бірлескен әскери әрекеттерге, екіжақты елшілік байланыстарға және басқа да бірқатар мәселелерге ерекше назар аударған.

Көріп отырғанымыздай, мәселелер шеңбері іс жүзінде өзгеріссіз қалуда, яғни жоңғарларға қарсы әрекеттер, өзара сауда және қазақтар мен орыс бодандары арасындағы өзара шабуылдар.

Тарихнамада 1718 жылғы Федор Жилин мен Борис Брянцев миссияларына байланысты дипломатиялық оқиғалар, сондай-ақ қазақтардың жауап елшіліктері мен біршама қарқынды хат алмасу империяға дейінгі кезеңдегі қазақ-орыс дипломатиялық байланыстарының қалпына келу кезеңін аяқтайды деп қарастырылады. Хронологиялық тұрғыдан осы кезеңнің соңғы дипломатиялық оқиғасы ретінде бұрын аталған Қазан губернаторы П.С. Салтыковтың Қайып ханға жазған, 1719 жылдың басымен даталанатын жауап хаты көрсетіледі (Ерофеева 2007: 154-156).

Қолда бар дереккөздер, соның ішінде зерттеушілер тарапынан аз немесе мүлде пайдаланылмағандары да, бұл кезеңнің уақыттық шеңберін белгілі бір дәрежеде нақтылауға мүмкіндік береді. Архивтік материалдар арасында империяға дейінгі кезеңдегі қазақ-орыс қатынастары тарихындағы тағы бір дипломатиялық эпизодқа қатысты құжаттар анықталды, ол 1720 жылмен даталанады.

Зерттеушілерге қазақтардың Ресеймен империялық мәртебе жағдайындағы дипло-

матиялық қатынастарының келесі кезеңі басталатын оқиға белгілі. Әңгіме 1726 жылдың басында Санкт-Петербургке Кіші жүз қазақтарының бір бөлігінің мүддесін білдірген қазақ елшісі Қойбағар Қобяковтың келуі туралы болып отыр. Өзімен бірге әкелген хатында қазақ «иеленушілері» тұтқындарды өзара босату туралы ұсыныстар жасағанымен қатар27, елші Қобяков «бұдан шамамен алты жыл бұрын олар өз елшісі Шахмамет Мырзаны Сібірге жібергенін, оның жанында айырбас үшін он бес орыс тұтқыны болғанын, бірақ сол елші осы уақытқа дейін қайтып оралмағанын және ол туралы ешқандай хабар жоқ екенін» жеткізген (Под стягом … 1992: 362).

Бұл мәлімет Сібірге, яғни Тобылға жіберілген елшіліктің уақытын анықтауға мүмкіндік береді. Егер Қобяковтың 1726 жылдың қаңтарында жасаған хабарламасынан «шамамен алты жыл» дегенді тура есептесек, онда Шахмамет мырзаның елшілігі Қазақ хандығынан Ресей аумағына шамамен 1719-1720 жылдары жіберілгені анықталады. Бұл елшілік туралы жоғарыда айтылған деректерден басқа қандай да бір қосымша мәліметтер белгісіз болып келген.

РМҚАА қорларынан жаңадан анықталған құжаттар қазақ елшілігінің Тобылда ұсталып қалу себептерін ішінара айқындауға мүмкіндік береді. Атап айтқанда, кейбір қосымша жайттарды нақтылауға болады. №248 «Сенат және оның мекемелері» қоры материалдарының арасында 1720 жылы Сібір губерниясында болған қазақ елшілері туралы мәліметтер қамтылған шағын іс бар[28].

Оқиғалардың хронологиялық жақындығы мен өткен орны Шахмамет мырза бастаған елшілікті аталған құжаттарда көрсетілген елшілікпен байланыстыруға мүмкіндік береді. 1720 жылдың көктемінде саны «жүз елу және одан да көп» болатын қазақ жасағы орыс шекаралық ауылдарына шабуыл жасап, сондай-ақ барабин татарларына басып кіріп, оларды тонап, шамамен жеті жүз адамды тұтқынға алып, бес мың жылқыны айдап әкеткен[2]. Осы оқиғаға байланысты сол уақытта Тобылда болған бес қазақ елшісі ұсталып қалды. 1720 жылдың маусым айында Сенат жаңа Сібір губернаторы князь А.М. Черкасскийге елшілік құрамындағы «ең таңдаулы адамдарды» Тобылда ұстап, қалғандарын босатуды тапсырды, сонымен қатар қазақтардан тұтқынға алынған адамдар мен мүлікті қайтару және «бұдан былай мұндай зиян келтірмеу»[30] шартын қойды. Алайда қыркүйек айында жаңа бұйрық шығып, қазақ елшілерін әрі қарай ұстау мәселесі Сібір губернаторының[31] өз қарауына берілді. Өкінішке қарай, басқа мәліметтер келтірілмегендіктен, елшілердің кейінгі тағдыры белгісіз күйінде қалып отыр. Егер Шахмамет мырза елшілігі мен Тобылда болған елшіліктің бір екендігі туралы болжам дұрыс болса, онда жағдай мынадай көрініс табады. Қазақ-орыс шегарасындағы шиеленіс күшейген кезеңде Тобыл құрамында бес адамнан тұратын қазақ елшілігі келді, олардың негізгі мақсаттарының бірі қазақ көшпелілерінде ұсталған орыс тұтқындарын Ресей аумағында ұсталған қазақтармен айырбастау болған. Елшілікті Шахмамет мырза басқарған. Қазақтардың Ресей жеріне жасаған шабуылына байланысты қатынастардың шиеленісуі салдарынан елшілердің бір бөлігі бірнеше жыл бойы Тобылда ұсталып қалған.

Талқылау

Тарихнамада екіжақты байланыстардың қалпына келуі әртүрлі уақыттармен және

оқиғалармен (елшіліктермен) даталанады, бұл зерттеушілер үшін дереккөздердің қолжетімділігіне және оларды зерттеу тереңдігіне байланысты. Зерттеушілер дипломатиялық байланыстардың қайта жандануын 1716 жылы Тобылда қазақтардың ұлы ханы Қайыптың елшілері Бекбулат Екешев пен Байдаулет Буриевтің келуімен байланыстырады (Жаппасов 2011: 56) немесе 1717 жылы Федор Жилин бастаған орыс елшілігінің Қайып хан ордасына жіберілуімен байланыстырады (Дүйсен 2018: 67).

Алайда ең негізделген даталау – әлі В.Я. Басин ұсынған және бірқатар қазіргі зерттеушілер қолдаған 1715 жыл болып табылады. Бұл кезде қазақ-башқұрт қатынастарын реттеу мақсатында сол жылдың қыркүйегінде Уфаға Тойгунур Култабаев бастаған қазақ елшілігі келген (Басин 1969: 68; Ерофеева 2007: 154). Шынында да, қазақ-орыс дипломатиялық байланыстарының қалпына келуіне қатысты ең ерте құжаттар 1715 жылдың өзінде-ақ байланыстардың болғанын растайды[32] (Материалы … 1936: 278-279; Русские летописи … 2005: 267-271). Сонымен қатар, қолда бар құжаттар қазіргі тарихнамада қабылданған Қазақ хандығы мен Ресей арасындағы дипломатиялық байланыстардың қалпына келу хронологиясын түзетуге және олардың басталуын бұдан да ертерек кезеңге жатқызуға мүмкіндік береді.

Қорытынды

Осылайша, империяға дейінгі кезеңдегі қазақ-орыс дипломатиялық байланыстарының қалпына келуі ретінде сипаттауға болатын кезең 1714 жылдың соңынан, яғни ұзақ үзілістен кейін тұрақты елшілік байланыстардың жаңа кезеңі басталған уақыттан бастап 1720 жылға дейінгі аралықты қамтиды. Осы жылдан кейін екіжақты қатынастар қайтадан бірнеше жылға үзіліске ұшырайды.

1714-1720 жылдар аралығындағы екіжақты дипломатиялық байланыстардың күшею кезеңі оны қазақтардың Ресей империясына қосылуының басталуына апаратын саты ретінде сипаттауға негіз бермейді. Өзара елшіліктер құжаттарында қосылу немесе бодандық туралы ешқандай мәліметтер жоқ. Жолданған хаттар мәтіндерінде (орыс тіліндегі нұсқаларында) тараптардың тең емес мәртебесін көрсететін дипломатиялық формулалар кездескеніне қарамастан, зерттеушілер бұған назар аударғанымен, талқыланған мәселелердің мазмұны мен көтерілген сұрақтар ауқымы тек Ресей мемлекетінің ғана емес, Қазақ хандығының да дербес мәртебеге ие болғанын айқын көрсетеді. Осы қайшылыққа назар аударған Р.Ю. Почекаев оны сол кезеңдегі Ресейдің елшілік кеңсе дәстүрінің ерекшеліктерімен түсіндіреді (Почекаев 2019). Сонымен қатар қалыптасқан қатынастар сипаты, кем дегенде дипломатиялық байланыстар деңгейінде, қазақ тарапы ұсынған «мәңгілік бейбітшілік және одақтасып өмір сүру» формуласына сәйкес өзара қатынастар орнатуға ұмтылысты көрсетеді.

Жалпы алғанда, зерттеу барысында осы кезеңде 12 дипломатиялық оқиға анықталды: 3 орыс елшілік миссиясы (Белоусов (1716-1717 жж.), Жилин (1717-1718 жж.), Брянцев (1717-1718 жж.) және қазақтардың ұлы ханы Қайыпқа арналған, 1719 жылы жазылған Қазан губернаторы П.С. Салтыковтың 1 хаты (ол, шамасы, қазақ елшілері Тантай батыр мен Тойгунур Култабаев арқылы жіберілген), сондай-ақ 8 қазақ елшілік миссиясы (Шора (1714-1715 жж.), Тойғанұр мен Шора (1715-1716 жж.), Бекболат пен Байдаулет (1716 ж.), Елмет (1718 ж.), Сафа батыр мен Итмамет батыр (1718 ж.), Байбек батыр мен Төлебай

батыр (1718 ж.), Тантай батыр мен Тойгунур (1718-1719 жж.), Шахмамет мырза (1720 ж.).

Дереккөздерді талдау осы кезеңде қазақ және орыс тарапына екіжақты дипломатиялық байланыстардың көпдеңгейлі сипаты қалыптасқанын көрсетеді. Яғни, патша тарапынан Қазақ хандығына жіберілген елшілер немесе керісінше, ұлы қазақ ханының Ресейге жолдаған елшіліктері мен «хаттарымен» қатар, «аймақ» пен «аймақ» деңгейіндегі көлденең байланыстар да жолға қойылған. Мысалы, Сібір әкімшілігі мен жекелеген қазақ хандары мен сұлтандары арасында осындай байланыстар орнаған.

Жалпы алғанда, дипломатиялық қатынастар екі тараптың байланыстарды қайта қалпына келтіруге және одан әрі жалғастыруға ұмтылғанын көрсетеді. 1717 жылға қарай дипломатиялық байланыстар барысында көтерілген негізгі мәселелер шеңбері айқын қалыптасты: жоңғарларға қарсы бірлескен күрес, шегаралық аймақтарға жасалатын шабуылдарды тоқтату және кінәлілерді жазалау, тұтқындармен алмасу, сондай-ақ тұрақты сауда қатынастарын орнату.

Алғыс

Автор К.Г. Акановқа мақаланы ғылыми-редакциялық сүйемелдегені үшін алғыс білдіреді.

Ескертпелер

1. Справка Тобольской губернской канцелярии об установлении мирных отношений между киргиз-кайсаками и Россией и объединении их совместных усилий на борьбу с калмыками. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). ф. 248, оп. 7, кн. 373, д. 19, л. 614 об.
2. Справка Тобольской губернской канцелярии об установлении мирных отношений между киргиз-кайсаками и Россией и объединении их совместных усилий на борьбу с калмыками. РГАДА. ф. 248, оп. 7, кн. 373, д. 19, л. 615 об.
3. Справка Тобольской губернской канцелярии об установлении мирных отношений между киргиз-кайсаками и Россией и объединении их совместных усилий на борьбу с калмыками. РГАДА. ф. 248, оп. 7, кн. 373, д. 19, л. 614 об.–615.
4. Справка Тобольской губернской канцелярии об установлении мирных отношений между киргиз-кайсаками и Россией и объединении их совместных усилий на борьбу с калмыками. РГАДА. ф. 248, оп. 7, кн. 373, д. 19, л. 614–615 об.
5. Справка Тобольской губернской канцелярии об установлении мирных отношений между киргиз-кайсаками и Россией и объединении их совместных усилий на борьбу с калмыками. РГАДА. ф. 248, оп. 7, кн. 373, д. 19, л. 615 об.
6. Справка Тобольской губернской канцелярии об установлении мирных отношений между киргиз-кайсаками и Россией и объединении их совместных усилий на борьбу с калмыками. РГАДА. ф. 248, оп. 7, кн. 373, д. 19, л. 615.
7. Справка Тобольской губернской канцелярии об установлении мирных отношений между киргиз-кайсаками и Россией и объединении их совместных усилий на борьбу с калмыками. РГАДА. ф. 248, оп. 7, кн. 373, д. 19, л. 615–615 об.
8. Приезд в Тобольск к сибирскому губернатору князю Матвею Гагарину двух посланцев из Киргиз-Кайсацкой орды с прошением. РГАДА. ф. 122, оп. 1. 1716 г., д. 3. л. 1.
9. Приезд в Тобольск к сибирскому губернатору князю Матвею Гагарину двух посланцев из Киргиз-Кайсацкой орды с прошением. РГАДА. ф. 122, оп. 1. 1716 г., д.

3. л. 1.
10. Приезд в Тобольск к сибирскому губернатору князю Матвею Гагарину двух посланцев из Киргиз-Кайсацкой орды с прошением. РГАДА. ф. 122, оп. 1. 1716 г., д. 3. л. 1-2 об.
11. Приезд в Тобольск к сибирскому губернатору князю Матвею Гагарину двух посланцев из Киргиз-Кайсацкой орды с прошением. РГАДА. ф. 122, оп. 1. 1716 г., д. 3. л. 1.
12. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 5–7, 15об.-18об.
13. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 5об., 15.
14. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 6, 15об.
15. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 6–7, 15 об–16.
16. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 7, 16 об.
17. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 8, 17.
18. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 9 об.,18.
19. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 9, 17 об.
20. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 9 об, 18.
21. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 9, 18.
22. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 7, 16 об.
23. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 12, 19.
24. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и

пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 12об., 19об.

25. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 12об., 19об.
26. Перевод с грамоты к государю Петру I от киргиз-кайсацкого владельца Каипа хана о бытии в вечном мире и союзе, и о восстановлении взаимной торговли и пересылки. РГАДА. ф. 122. 1718 г., оп. 2. д. 2, л. 13,19об.
27. Письмо старшин Младшего жуза императору Петру I, посланное с казахским послом Кабанаром Кобяковым. Архив внешней политики Российской империи. ф.122, оп. 1, д. 1, л. 39–39 об.
28. Дело о посылке в Казахскую Орду представителя ее в Сибирской губернии для урегулирования взаимоотношений между казахами и барабинскими татарами. РГАДА. ф. 248, оп. 4, кн. 156, л. 471–478 об.
29. Дело о посылке в Казахскую Орду представителя ее в Сибирской губернии для урегулирования взаимоотношений между казахами и барабинскими татарами. РГАДА. ф. 248, оп. 4, кн. 156, л. 471, 474.
30. Дело о посылке в Казахскую Орду представителя ее в Сибирской губернии для урегулирования взаимоотношений между казахами и барабинскими татарами. РГАДА. ф. 248, оп. 4, кн. 156, л. 474 об.
31. Дело о посылке в Казахскую Орду представителя ее в Сибирской губернии для урегулирования взаимоотношений между казахами и барабинскими татарами. РГАДА. ф. 248, оп. 4, кн. 156, л. 477.
32. Справка Тобольской губернской канцелярии об установлении мирных отношений между киргиз-кайсаками и Россией и объединении их совместных усилий на борьбу с калмыками. РГАДА. ф. 248, оп. 7, кн. 373, д. 19, л. 614-615 об.

Әдебиеттер тізімі

Басин В.Я. О русско-казахских дипломатических отношениях в начале XVIII века. *Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук.* 1965. Вып. 5. С.39-51.

Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века. *В: Казахстан в XV-XVIII веках (Вопросы социально-политической истории)*. Алма-Ата: Наука, 1969. С.50-145.

Басин В.Я. *Россия и казахские ханства в XVI-XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики российской империи.* Алма-Ата: Наука. 1971. 276 с.

Дүйсен С.Ж. *Қазақстан дипломатиясы (тарихы аспект).* Астана, 2018. 336 б.

Ерофеева И.В. *Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик.* Алматы: Дайк-Пресс. 2007. 456 с.

Жаппасов Ж.Е. *XVI-XVIII ғғ. қазақ-орыс қарым-қатынастарының тарихы*. Алматы: Қазақ университеті. 2011. 147 б.

Златкин И.Я. *История Джунгарского ханства 1635-1758 гг*. Москва: Наука. 1983. 333 с.

Кабульдинов З.Е. *О набегах казахов Среднего жуза на внутреннюю сторону в XVII- конце XVIII веков.* Омск: Изд-во ОмГАУ. 2001. 12 с.

Кабульдинов З.Е. *О появлении казахов во внутренних российских уездах Оренбургского края в XVI – начале XVIII в.* Уржумка: научный журнал. 2002. No.1(7), с.13-18.

Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд. АН КазССР. 1961. XVI+743 с.

Маслюженко Д.Н. Казахи на территории Среднего Притоболья в XVI-XIX вв. *Вестник Курганского государственного университета. Серия Гуманитарные науки.* 2013. No.4, с.71-74.

Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. 1936. 630 с.

Моисеев В.А. *Джунгарское ханство и казахи (XVII-XVIII вв.).* Алма-Ата: Гылым. 1991. 238 с.

Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 2: 1713-1724. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел. 1885. XXIV+541 с.

Под стягом России: Сборник архивных документов. Москва: Русская книга. 1992. 432 с

Почекаев Р.Ю. Мнимый сюзеренитет: московские цари и казахские ханы (по русскоязычным посольским документам конца XVI – начала XVIII вв.). *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2019. Т. 10. Выпуск 1 (75). https://history.jes.su/s207987840002567-2-1/. DOI: 10.18254/S0002567-2-1

Пузанов В.Д. Русско-казахские отношения на юге Сибири (конец XVII-XVIII вв.). *Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее.* Сургут: Диорит. 2004. с. 90-104.

Русские летописи и официальные материалы XVI – первой половины XVIII вв. о народах Казахстана. Т. 2. Алматы: Дайк Пресс. 2005. 448 с.

Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 24. Москва: Наука. 2000. 254 с.

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675-1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Т. I. Письма казахских правителей. 1675-1780 гг. Алматы: АО «АБДИ Компани». 2014. 696 с.

References

Basin V.Ya. O russko-kazakhskikh diplomaticheskikh otnosheniyakh v nachale XVIII veka. *News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Social Science Series.* 1965. Issue 5. pp.39-51. (in Russian)

Basin V.Ya. Kazakhstan v sisteme vneshnei politiki Rossii v pervoi polovine XVIII veka. *In: Kazakhstan in the 15th-18th centuries (*Questions of socio-political history). Alma-Ata: Nauka. 1969. Pp.50-145. (in Russian)

Basin V.Ya. Rossiya i kazakhskie khanstva v XVI-XVIII vv.: Kazakhstan v sisteme vneshnei politiki rossiiskoi imperii. Alma-Ata: Nauka. 1971. 276 p. (in Russian)

Dyisen S.Zh. *Kazakstan diplomatiyasy (tarikhy aspekt).* Astana. 2018. 336 p. (in Kazakh)

Epistolyarnoe nasledie kazahskoj pravjashhej jelity 1675-1821 gg. Sbornik istoricheskih dokumentov v 2-h tomah. T. I. Pis'ma kazahskih pravitelej. 1675-1780 gg. Almaty: AO «ABDI Kompani». 2014. 696 p. (in Russian)

Erofeeva I.V. *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel, politik.* Almaty: Daik-Press. 2007. 456 p. (in Russian)

Kabuldinov Z.E. *O nabegakh kazakhov Srednego zhuza na vnutrennyuyu storonu v XVII- kontse XVIII vekov*. Omsk: Izd-vo OmGAU. 2001. 12 p. (in Russian)

Kabuldinov Z.E. *O poyavlenii kazakhov vo vnutrennikh rossiiskikh uezdakh Orenburgskogo kraya v XVI – nachale XVIII v.* Urzhumka: scientific journal. 2002. No.1(7), pp.13-18. (in Russian)

Kazahsko-russkie otnoshenija v XVI-XVIII vekah (sbornik dokumentov i materialov). Alma-Ata: Izd. AN KazSSR. 1961. XVI+743 (in Russian)

Maslyuzhenko D.N. Kazakhi na territorii Srednego Pritobolya v XVI-XIX vv. *Bulletin of the Kurgan State*

University. Series "Humanities". 2013. No.4, pp.71-74. (in Russian)
Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR. Ch. 1: Bashkirskie vosstanija v XVII i pervoj polovine XVIII vv. Moskva; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 1936. 630 (in Russian)
Moiseev V. A. *Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII-XVIII vv.)* Alma-Ata: Gylym. 1991. 238 p. (in Russian)
Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII veka. Kn. 2: 1713-1724. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Internal Affairs. 1885. XXIV+541 p. (in Russian)
Pod styagom Rossii: Sbornik arkhivnykh dokumentov. Moscow: Russkaya kniga. 1992. 432 p. (in Russian)
Pochekaev R. Yu. Mnimyi syuzerenitet: moskovskie tsari i kazakhskie khany (po russkoyazychnym posolskim dokumentam kontsa XVI – nachala XVIII vv.) *Istoriya.* 2019. Vol.10, Issue.1(75). URL: https://history.jes.su/s207987840002567-2-1/. DOI 10.18254/S0002567-2-1. (in Russian)
Puzanov V.D. *Russko-kazakhskie otnosheniya na yuge Sibiri (konets XVII-XVIII vv.).* Western Siberia: past, present and future. Surgut: Diorit. 2004. Pp.90-104. (in Russian)
Russkie letopisi i ofitsialnye materialy XVI – pervoi poloviny XVIII vv. o narodakh Kazakhstana. Volume 2. Almaty: Daik Press. 2005. 448 p. (in Russian)
Slovar russkogo yazyka XI-XVII vv.. Issue 24. Moscow: Nauka. 2000. 254 p. (in Russian)
Zhappasov Zh.E. *XVI-XVIII gg. kazak-orys karym-katynastarynyn tarikhy.* Almaty: Kazakh University. 2011. 147 p. (in Kazakh)
Zlatkin I.Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva 1635-1758 gg.* Moscow: Nauka, 1983. 333 p. (in Russian)

Information about authors

Nikolay S. Lapin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department, Research Institute for Jochi Ulus Studies, 010000, 15B Pushkin str., Astana, Kazakhstan. https://orcid.org/0000-0001-6459-7676, lapin.79@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Николай Сергеевич Лапин – тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, бөлім меңгерушісі, Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты, 010000, Пушкин к-сі. 15Б, Астана қ., Қазақстан. https://orcid.org/0000-0001-6459-7676, lapin.79@mail.ru

Сведения об авторах

Николай Сергеевич Лапин – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (доцент), руководитель Отдела, Научный институт изучения Улуса Джучи, 010000, ул. Пушкина, 15 Б, г. Астана, Казахстан. https://orcid.org/0000-0001-6459-7676, lapin.79@mail.ru

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. ***/ Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье /
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.01.2025
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 10.02.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.09.025

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
IRSTI 03.20.00

https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.95.113

The role of the Katvan and Talas kurultais in the military-political confrontation of the Chinggisid uluses in the second half of the 60s of the 13th century

A. Porsin✉
Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Kazakhstan
✉*porsinart@gmail.com*

Abstract. This article analyzes military and political events in Central Asia in the second half of the 1260s related to the confrontation between the Ögedeid ruler Kaidu and the Chagatayid Khan Borak. Particular attention is paid to the Katvan and Talas Kurultais, traditionally viewed in historiography as key milestones in the collapse of the Mongol Empire. The relevance of this study is determined by the presence of serious contradictions in narrative sources (primarily those of Rashid ad-Din and Wassaf) and the lack of a unified reconstruction of the chronology and political significance of these assemblies. Objectives. The purpose of this study is to reconstruct the course and political significance of the Katvan and Talas Kurultais in the context of the power struggle in Transoxiana and adjacent regions. To achieve this goal, the following objectives are addressed: identifying discrepancies in the descriptions of kurultais in the main written sources; determining the number and dating of kurultais; analyzing the composition of their participants and the decisions made; and assessing the role of the Ulus of Jochi and the Khan Kublai Khan in the events under consideration. Materials and Methods. The source base of the study consists of the works of Rashid ad-Din, Wassaf, Chinese materials from the Yuan Shi, as well as data from the Eastern and European historiographic traditions and numismatic evidence. Methodologically, the work is based on comparative historical and source analysis, a comparison of narrative traditions, and the reconstruction of political processes taking into account seasonal chronology and the context of inter-ulus relations. Results. As a result of the study, the position of the existence of two separate kurultais: Katvan (1267) and Talas (1269) is substantiated. It is shown that the Qatvan Kurultai formally confirmed Borak's defeat and Kaidu's dominance in Transoxiana, while the Talas Kurultai formally improved Borak's position by formalizing the division of the region and the decision to wage a joint campaign against the Ilkhanate. It is established that these decisions were tactical in nature and were used by Kaidu and Mengu-Timur to eliminate Borak as a political rival. Conclusions. It is concluded that the Qatvan and Talas Kurultais did not represent acts of final disintegration of the Mongol Empire, but rather were elements of a complex interdynastic struggle and political intrigue. The formal decisions of the Talas Kurultai, while advantageous to Borak, in reality led to his isolation and subsequent defeat. The role of Kublai Khan was manifested in maintaining imperial legitimacy through a system of yarliks and diplomatic missions, demonstrating the continued importance of pan-imperial institutions in the late 13th century.

Keywords: Qatvan Kurultai; Talas Kurultai; Kaidu; Borak; Mongol Empire; Ulus of Jochi

© A. Porsin, 2025

For citation: Porsin A. The role of the Katvan and Talas kurultais in the military-political confrontation of the Chinggisid uluses in the second half of the 60s of the 13th century. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.95-113. *https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.95.113*

Funding: This article was prepared within the framework of the program targeted funding of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN BR24992878 "Study of the ethnopolitical and socio economic history of the Ulus of Jochi in the 13th-15th centuries.

XIII ғасырдың 60-жылдарының екінші жартысындағы Шыңғыс құрылтайларының рөлі

А. Порсин
Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақала 1260 жылдардың екінші жартысында Орта Азиядағы Огедей билеушісі Қайду мен Шағатай ханы Борак арасындағы қақтығысқа байланысты әскери-саяси оқиғаларды талдауға арналған. Тарихнамада Моңғол империясының құлауындағы негізгі кезеңдер ретінде дәстүрлі түрде қарастырылатын Катван және Талас құрылтайларына ерекше назар аударылады. Зерттеудің өзектілігі баяндау дереккөздерінде (негізінен Рашид ад-Дин мен Вассафтың дереккөздерінде) күрделі қайшылықтардың болуына және бұл жиналыстардың хронологиясы мен саяси мағынасының бірыңғай қайта құрылуының болмауына байланысты. Мақсаты мен міндеттері. Зерттеудің мақсаты - Мауераннахр мен оған іргелес аймақтардағы билік үшін күрес аясында Катван және Талас құрылтайларының барысы мен саяси маңызын қайта құру. Бұл мақсатқа жету үшін келесі міндеттер шешіледі: негізгі жазбаша дереккөздердегі құрылтайлардың сипаттамасындағы сәйкессіздіктерді анықтау; құрылтайлардың саны мен мерзімін анықтау; оларға қатысушылардың құрамын және қабылданған шешімдерді талдау; Қарастырылып отырған оқиғалардағы Жошы ұлысы мен Хубилай ханның рөлін бағалау. Материалдар мен әдістер. Зерттеудің дереккөз базасы Рашид ад-Диннің, Уассафтың еңбектерінен, «Юань ши» қытайлық материалдарынан, сондай-ақ Шығыс және Еуропа тарихнамалық дәстүрлерінен алынған деректерден және нумизматикалық дәлелдерден тұрады. Әдістемелік тұрғыдан алғанда, жұмыс салыстырмалы тарихи және дереккөздік талдауға, баяндау дәстүрлерін салыстыруға және маусымдық хронология мен ұлысаралық қатынастардың мәнмәтінін ескере отырып, саяси процестерді қайта құруға негізделген. Зерттеу екі бөлек құрылтайдың: Катван (1267) және Талас (1269) болғандығы туралы ұстанымды негіздейді. Катван құрылтайында Боректың жеңілісі және Мауераннахрда Қайдудың үстемдігі жазылғаны, ал Талас құрылтайында Боректың жағдайы ресми түрде жақсарғаны, аймақтың бөлінуін және Илхандар мемлекетіне қарсы бірлескен жорық туралы шешім қабылданғаны көрсетілген. Бұл шешімдердің тактикалық сипатта екені және Қайду мен Менгу-Тимурдың Боракты саяси қарсылас ретінде жою үшін пайдаланғаны анықталды. Қорытынды. Катван және Талас құрылтайлары Моңғол империясының соңғы ыдырауын білдірмеген, керісінше күрделі әулетаралық күрес пен саяси интриганың элементтері болғаны туралы қорытынды жасалды. Талас құрылтайының ресми шешімдері Борак үшін тиімді болғанымен, шын мәнінде оның оқшаулануына және кейіннен жеңіліске ұшырауына әкелді. Құбылай ханның рөлі ярликтер мен дипломатиялық миссиялар жүйесі арқылы империялық заңдылықты сақтауда көрінді, бұл 13 ғасырдың аяғында панимпериялық институттардың маңыздылығының жалғасып келе жатқанын көрсетеді.

Түйін сөздер: Катван құрылтайы; Талас құрылтайы; Қайду; Борак; Моңғол империясы; Жошы ұлысы

Роль Катванского и Таласского курултаев в военно-политическом противостоянии чингизидских улусов во второй половине 60-х годов XIII века

А. Порсин
Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена анализу военно-политических событий в Центральной Азии второй половины 1260-х годов, связанных с противостоянием угедеидского правителя Кайду и чагатаидского хана Борака. Особое внимание уделяется Катванскому и Таласскому курултаям, традиционно рассматриваемым в историографии как ключевые вехи распада Монгольской империи. Актуальность исследования обусловлена наличием серьезных противоречий в нарративных источниках (прежде всего у Рашид ад-Дина и Вассафа) и отсутствием единой реконструкции хронологии и политического смысла данных собраний. Цель и задачи. Целью исследования является реконструкция хода и политического значения Катванского и Таласского курултаев в контексте борьбы за власть в Мавераннахре и сопредельных регионах. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: выявление расхождений в описании курултаев в основных письменных источниках; определение количества и датировки курултаев; анализ состава их участников и принятых решений; оценка роли улуса Джучи и каана Хубилая в рассматриваемых событиях. Материалы и методы. Источниковую базу исследования составляют сочинения Рашид ад-Дина, Вассафа, китайские материалы «Юань ши», а также данные восточной и европейской историографической традиции и нумизматические свидетельства. Методологически работа основана на сравнительно-историческом и источниковедческом анализе, сопоставлении нарративных традиций и реконструкции политических процессов с учетом сезонной хронологии и контекста межулусных отношений. В результате исследования обосновано положение о существовании двух отдельных курултаев: Катванского (1267 г.) и Таласского (1269 г.). Показано, что Катванский курултай зафиксировал поражение Борака и доминирование Кайду в Мавераннахре, тогда как Таласский курултай формально улучшил позиции Борака, закрепив раздел региона и решение о совместном походе против Ильханата. Установлено, что данные решения носили тактический характер и были использованы Кайду и Менгу-Тимуром для устранения Борака как политического конкурента. Выводы. Сделан вывод о том, что Катванский и Таласский курултаи не являлись актами окончательного распада Монгольской империи, а представляли собой элементы сложной междинастической борьбы и политической интриги. Формальные решения Таласского курултая, выгодные для Борака, в действительности привели к его изоляции и последующему поражению. Роль каана Хубилая проявлялась в сохранении имперской легитимации через систему ярлыков и дипломатических миссий, что свидетельствует о продолжавшейся значимости общеимперских институтов в конце XIII века.

Ключевые слова: Катванский курултай; Таласский курултай; Кайду; Борак; Монгольская империя; Улус Джучи

Для цитирования: Порсин А. Assimilation of the Kipchaks in Hungary in the 13th-18th Centuries. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.2, no.2, pp.95-113. *https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.95.113*

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации программы программно-целевого

финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН BR24992878 «Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII-XV вв.»

Введение

В историографии Таласский курултай 1269 года традиционно рассматривается как одно из ключевых событий, оформивших распад Монгольской империи и превращение чингизидских улусов в фактически независимые политические образования. Вместе с тем подобная трактовка опирается преимущественно на отдельные сообщения нарративных источников и не учитывает всей сложности военно-политических процессов, происходивших в Центральной Азии во второй половине 1260-х годов. Особую проблему представляет наличие существенных противоречий в сведениях Рашид ад-Дина и Вассафа, касающихся датировки, места проведения, состава участников и политических последствий курултаев, связанных с противостоянием Кайду и Борака. В результате в современной историографии отсутствует единая реконструкция событий, предшествовавших Таласскому курултаю и последовавших за ним, а также остается дискуссионным вопрос о количестве подобных собраний в рассматриваемый период. В этой связи особую актуальность приобретает анализ Катванского и Таласского курултаев как взаимосвязанных этапов борьбы за контроль над Мавераннахром и сопредельными территориями.

Материалы и методы

Ключевыми источниками для данного данного исследования являются «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина и «Китаб таджзийат аль-амсар ва тазджият аль-асар» Вассафа. Они содержат наибольшую часть информации о произошедших событиях, в то же время их описания сильно противоречат друг другу. В качестве дополнительных материалов привлечены данные китайской династической хроники «Юань ши» и данные нумизматики. В работе использовано несколько основных методологических подходов. Ключевыми являются сравнительно-исторический и источниковедческий анализ двух упомянутых выше текстов, написанных в единой историографической традиции Ильханата. Полученная на этой основе реконструкция событий была соотнесена с данными других независимых источников. Важным методологическим положением, на которое опирается исследование, стало представление о наличии определённых политических мотивов и цензурных ограничений, в рамках которых персидские историки описывали данные события.

Литературный обзор

В историографии начиная с В.В. Бартольда, закрепилось представление о том, что Таласский курултай 1269 года стал событием, оформившим распад Монгольской империи на улусы, официально независимые от власти каана (Бартольд 1964: 69; Сафаргалиев 1960:

53; Султанов 2006: 72-73; Почекаев, 2010: 40). В отношении улуса Кайду эта точка зрения была оспорена М. Биран. Она справедливо отметила, что нет никаких свидетельств того, что именно после курултая 1269 года Кайду провозгласил себя ханом. В реальности это произошло в 1271 году после смерти Борака и фактического подчинения улуса Чагатая улусу Угедея во главе с Кайду. В «Юань ши» есть смутное упоминание о некоем послании северо-западных князей Хубилаю, в котором они обвиняли каана в нарушении старых обычаев и проведении политики китаизации. Но его точная датировка этого послания затруднительна, и оно обычно датируется по косвенным признакам. Общий его контекст позволяет заключить, что речь идет о восстании царевичей в Западной Монголии в середине - второй половине 70-х годов XIII века, известном как смута Шireки (Biran 1997: 24-29, 31-32, 144).

В целом на настоящий момент первая точка зрения является абсолютно доминирующей. Считается, что и улус Джучи под властью Менгу-Тимура и улус Угедея под властью Кайду именно в этот момент провозгласили себя независимыми государствами. Проблема состоит в том, что в трудах Рашид ад-Дина и Вассафа, которые являются базовыми источниками по теме, казалось бы описываются взаимоисключающие картины событий. Поэтому, на настоящий момент отсутствует непротиворечивая реконструкция хода политических событий, которые привели к Таласскому курултаю и которые за ним последовали. Наглядной иллюстрацией этого утверждения является отсутствие ясности в вопросе о том, сколько курултаев произошло во второй половине 60-х годов - один или два? Впервые А. де'Оссон предположил, что имели место два курултая – в 1267 году в Катване, согласно Вассафу, и в 1269 году в Таласе. Согласно Рашид да-Дину (D'Ohsson 1834-1835: 428). Но, эта идея была раскритикована В.В. Бартольдом и не получила популярности. В историографии устоявшимся стало представление об одном курултае. Обычно, в соответствии с данными Рашид ад-Дина, говорят о Таласском курултае 1269 года (Бартольд 1943: 64; Караев 1995: 22; Biran 1997: 28, 30; Султанов 2006: 72-73).

Здесь стоит определиться с терминологией. Понятие «суверенитет», часто используемое для описания последствий Таласского курултая, было введено в научный оборот Ж. Боденом в XVI веке. Автор определял его, как абсолютную и вечную власть, принадлежащую государю. Он противопоставлял ее власти вассальных правителей, губернаторов, наместников, которые правили по воле абсолютного монарха (Bodin 1955: 356). Хотя этот работа Ж. Бодена создавалась еще в реалиях сословной монархии, она предвосхитила возникновение абсолютизма, став для него мощной теоретической базой. Здесь мы не будем углубляться в вопрос о том, как со временем развивалась и изменялась концепция суверенитета.

Важно отметить два момента. Во-первых, суверенитет или государственная независимость – это теоретическое понятие. На практике, даже в наше время существует достаточное количество политических образований, к которым оно может быть применено лишь частично. Поэтому нередко исследователи говорят о реальном и формальном суверенитете. Реальный суверенитет – это фактическая независимость государства, возможность самостоятельно осуществлять внутреннюю и внешнюю политику. Формальный суверенитет – это набор символов и актов, которые провозглашают независимость на юридическом уровне. Во-вторых, как и большинство понятий, возникших и активно используемых в Новое и Новейшее время, суверенитет или

независимости применим к более ранним эпохам весьма условно. В традиционных властных отношениях была вполне типичной ситуация, при которой правитель или полития находились в двойном или даже тройном соподчинении, временами меняли их, при этом сохраняя полную или весьма значительную реальную независимость.

Что касается Монгольской империи и ее отдельных улусов, то на этот счет существуют две противоположные точки зрения. В советской и постсоветской историографии ее распад обычно рассматривается по аналогии с распадом монархических империй и формированием на их территории новых национальных государств. Последние были независимы друг от друга не только фактически, но и юридически. Во многом поэтому конструкт «Таласский курултай 1269 года – дата официального распада Монгольской империи» стал очень популярен для национальных историографий постсоветского пространства. Любой национальной истории жизненно необходима точка отсчета, отделяющая историю нации от истории всего остального.

Другая точка зрения была сформулирована западными исследователями. Наиболее яркой в этом плане является статья М. Биран и И. Ланда «Чингизидский кризис середины XIV века: причины и последствия». В ней авторы демонстрируют, что распад Монгольской империи был сложным, многогранным процессом и датируют его серединой XIV века. До этого момента существовало так называемое «Монгольское содружество», номинально возглавляемое кааном – империя Юань, Золотая Орда, Ильханат, улус Чагатая, улус Угедея. Это единство обеспечивалось прежде всего генеалогией и идеологией, в центре которых находилась фигура Чингиз-хана (Biran, Landa 2024: 1-21).

Результаты

Стоит согласиться с авторами в том, что «юридический» распад Монгольской империи был вряд ли возможен до момента физического исчезновения большей части чингизидских улусов. Вся легитимность правителей Чингизидов была основана на фигуре основателя империи и на единстве правящего рода. Безусловно в первой половине 60-х годов XIII века в результате междоусобной войны между Хубилаем и Ариг-Бугой, в которую так или иначе включились правители всех крупных улусов, перестала существовать административная система управления единой империей. Это выразилось прежде всего в прекращении функционирования общеимперских курултаев и визитов к каану вассалов улусных ханов, для подтверждения их полномочий. Но это не значит, что Pax Mongolica перестал быть единым целым в «юридическом» смысле. Ярким тому подтверждение являются регулярные попытки Чингизидов вернуть былое единство.

К примеру, Берке в начале 60-х годов вел боевые действия против каана Хубилая, и поддерживавших его Чагатаида Алгуя и главы Ильханата Хулагу. При этом он признавал кааном Ариг-Бугу – конкурента Хубилая. Но после того, как в августе 1264 года Ариг-Буга капитулировал, Хубилай остался единственным кааном, которого признавали главы улусов Чагатая, Угедея и Хулагу. После этого позиция Берке резко изменилась. Согласно Рашид ад-Дину, хан улуса Джучи признал власть Хубилая и согласился прибыть на общеимперский курултай в Монголию, который должен был состояться в год зайца (1266). На нем же должны были присутствовать Алгуй и Хулагу (Рашид ад-Дин 1960: 167-168; Thackston 1998-199: 435). Вряд ли Берке действительно планировал посещать ставку

Хубилая. Но важно, что в конце своего правления он номинально признавал его власть.

Летом 1280 года умер хан Менгу-Тимур. Согласно Рашид ад-Дину, пришедший к власти хан Туда-Менгу вместе с Ногаем и внуком Орды - Коничи отправил Хубилаю сообщениее: «мы покоряемся и все явимся на ку-рилтай» (Рашид ад-Дин 1960: 167-168; Thackston 1998-199: 436). В конечном итоге переговоры о примирении ни к чему не привели и курултай не состоялся. Тем не менее, примирение враждующих чингизидских домов в 1282 – первой половине 1283 года обсуждалось вполне конкретно. Об этом говорит письмо ильхана Ахмада египетскому султану, отправленное из Тебриза в мае-июне 1283 года. В нем он сообщал, что отправил посольства «к нашим братьям «Нукай-ака, Туда-Манку и другим» с предложением о мире (Pfeiffer 2006: 168-169, 180).

Враждующие улусы номинально объединились и признали власть каана Тэмура в 1304 году, в скоре после смерти хана улуса Угедея Кайду. В письме 1305 года ильхана Олджайту королю Франции Филиппу IV сообщалось: «Но теперь Небо внушило нам мысль о том, что мы, Тимур-каан, Токтоа, Чапар и Тога (Дуа), мы и другие потомки Чингис-хакана должны положить конец брани, продолжавшейся сорок пять лет до сих пор, и теперь, благодаря Небу, все наши братья хорошо уживаются вместе и притом из земли китайцев, где восходит солнце, до моря Талу, мы соединили наши почтовые линии вместе, чтобы объединить наши государства. Мы дали друг другу слово, что, если кто-нибудь из нас станет неверным, мы все вместе выступим против него» (Biran 1997: 72).

О важности официального признания власти улусного хана юаньским кааном даже во времена Узбека сообщается в «Тарихи Олджайту» Кашани. Судя по всему, речь идет о событиях 1313 года. Хан улуса Чагатая Исан-Буга находился в состоянии войны с кааном Баянту: «Он отправил Узбеку сообщение, в котором говорилось, что каан сказал: «Узбек не достоин быть правителем». Узбек разгневался, услышав эти горькие слова, и восстал против каана. Близкий к нему эмир сказал Узбеку: «Если хочешь знать мое мнение, не бунтуй против каана, потому что он – тень Бога, и, следуя за ним, ты сможешь господствовать над всеми народами и держаться в стороне от всех проблем. Лучше дружить и следовать за ним». После этого разговора Узбек отказался от альянса с Исан-Бугой. Он отправил посольство к Баянту и объявил о своем подчинении, а затем посольство в Иран к ильхану Олджайту в котором предлагал ему мир (Biran 1997: 73).

Можно заключить, что в XIII веке улусные ханы вполне могли не признавать законность правления конкретного каана, но они не отрицали и не могли отрицать самого института каанства. Хотя в реальности отдельные улусы с течением времени становились все более самостоятельными в политическом и военном плане, на уровне идеологии, политической символики и правовых норм империя сохраняла свое единство вплоть до середины XIV века.

Наиболее популярным среди исследователей является описание событий 60-х гг., которое Рашид ад-Дин приводит в «Рассказе о прибытии Борака…» в разделе, посвященном истории Хулагуидов. Согласно этой версии, в определенный момент Борак оказался в состоянии конфликта как с Хубилаем, так и с Кайду. Сначала подчиненные ему войска совершили поход в Восточный Туркестан. После того как нойон Хубилая Коничи был выбит оттуда, Борак «достиг могущества» и решил начать войну с Кайду и ханом улуса Джучи Менгу-Тимуром. В сражении на Сырдарье войско Кайду и Кыпчака (третьего сын Кадана и внука Угедея) было разгромлено. Узнав об этом, Менгу-Тимур

отправил на помощь Кайду своего дядю Беркечара (сына Джучи и единоутробного брата Берке) с пятидесятитысячной армией. Борак потерпел поражение, и вернулся в Мавераннахр, решив разорить регион.

Первоначально Кайду, Кыпчак и Беркечар собирались выбить Борака оттуда. Но, опасаясь разорения региона, они решили пойти с ним на переговоры. Роль парламентера сыграл Кыпчак, у которого когда-то были с Бораком дружеские отношения. На встрече, которая, судя по контексту, произошла в Самарканде, Кыпчак предложил Бораку мир. Последний в ответ сослался на несправедливость текущего распределения владений между Чингизидами и враждебные намерения Кайду и Менгу-Тимура. Было решено провести курултай, состоявшийся весной 1269 года в районе Таласа и Кенджека. На нем царевичами были приняты следующие решения: 1 – раздел между сторонами летних и зимних пастбищ, а также расселение в горах и степях (то есть запрет на пребывание кочевников в городах Мавераннахра); 2 –раздел Мавераннахра, в соответствии с котором две трети его территории переходили Бораку, а одна треть – в совместное владение Кайду и Менгу-Тимура; 3 – было принято решение о вторжении Борака в Ильханат для расширения его владений.

Готовясь к войне с Абагой, Борак связался с Чагатаидом Некудером, сыном Муджи Яя, находившимся на службе в Ильханате. Его владения располагались в Грузии, но сам он находился при Абаге и возглавлял тумен. Согласно Рашид ад-Дину, первое тайное послание Борака к Некудеру датируется 666 г.х. (1267-1268 год), то есть временем до Таласского курултая. Но из дальнейшего повествования становится ясно, что переписка между ними продолжалась достаточно долго. Некудер ушел в Грузию. Какое-то время Абага пытался вызвать его к себе, но безуспешно. В конце концов ильхан отправил против него войско. Некудер попытался сбежать через Дербент, но был разбит Ширамуном, сыном Чормагана. В апреле-мае 1270 года он вынужден был сдаться Абаге. В источнике подчеркивается то, что Дербент, являвшийся границей улуса Джучи на Кавказе, не случайно был выбран Некудером в качестве направления бегства. Планируя мятеж, он заявлял: «Я имею намерение через Дербент соединиться с Бораком».

Борак после Таласского курултая потребовал у Абаги передать ему Бадгис. Получив отказ, он с армией двинулся в Хорасан. По договору, вероятно, заключенному в Таласе, он потребовал от Кайду военной помощи. Последний отправил на помощь Бораку Угедеидов Кыпчака и Чапата (сына Наку и внука Гуюка) вместе с их войсками. Рашид ад-Дин подчеркивает, что Кайду изначально приказал Кыпчаку и Чапату под каким-либо предлогом вернуться до столкновения с Абагой. Вторжение Борака в Хорасан произошло в 1270 году.

Затем Рашид ад-Дин описывает конфликт Джалаиртая, одного из нойонов Борака, и Кыпчака. Невмешательство Борака дало Кыпчаку хороший повод для того, чтобы покинуть его войско, как и приказывал ему Кайду до начала вторжения. Он покинул армию, оставив собственную семью и ставку, и ушел с двумя тысячами воинов. Борак отправил за Кыпчаком погоню, но она окончилась неудачей. Тем не менее, Борак не рискнул обострением отношений с Кайду, и вернул Кыпчаку его орду и людей. Сразу после этого Кыпчак известил Абагу о своем возвращении, и между ильханом и Кайду установились мирные отношения. Вскоре от Борака ушел Чапат. Но, несмотря на уход Угедеидов, Борак все еще располагал большой армией. 19 мая 1270 года он разорил Нишапур. После этого начались переговоры о сдаче Герата. Нойоны Борака озвучивали

планы наступления на Тебриз и Багдад, то есть о захвате всех территорий Ильханата.

Абага выступил из Азербайджана в конце апреля 1270 года во главе огромной армии. В пути к Абаге доставили гонца по имени Текечек, отправленного к нему Хубилаем. Он был схвачен людьми Борака, но сумел бежать. Текечек рассказал о положении войск противника, и о том, что Борак не знает о подавлении мятежа Некудера, а значит, все еще рассчитывает на его поддержку. Получив эти известия, Абага ускорил продвижение своего войска. Дойдя до Багдиса, он отправил к Бораку посла, извещая противника о том, что он лично возглавляет войско и готов к сражению. Получив послание, Борак и его полководцы спорили в основном о том, действительно ли подошедшее войско возглавляет сам Абага или, возможно, это дезинформация его полководцев. И сам Борак, и его нойоны склонялись ко второму варианту. Они были уверены, что Абага не может находиться в Хорасане. Хотя здесь автор объясняет эту уверенность тем, что Абага должен был отправиться в поход на Египет и Сирию, последующие события позволяют заключить, что у нее были другие основания.

Абага планировал воспользоваться тем обстоятельством, что Борак и его полководцы не верили в то, что он лично привел армию с Южного Кавказа в Хорасан, и рассчитывали столкнуться только с местными контингентами под командованием царевича Тубшина и Аргун-аки. Выбрав местность, подходящую для того, чтобы заманить армию Борака в засаду, Абага применил хитрость. В плен к его людям попали разведчики из вражеского войска. Они были направленны Бораком для того, чтобы узнать, действительно ли прибывшую в Хорасан армию возглавляет сам Абага. В присутствии пленников была разыграна сцена, в ходе которой Абаге якобы сообщили о вторжении огромного войска Менгу-Тимура через Кавказ и оккупации им всей территории от Дербента до Армении и Диярбекра. Абага сделал вид, что испуган и притворно объявил о срочном уходе своей армии из Хорасана в Азербайджан. Он также приказал казнить пленников, однако при этом, по договоренности с охраной, один из них должен был быть оставлен в живых и суметь бежать. План Абаги сработал, и бежавший разведчик сообщил Бораку о произошедшем. Последний, ничего не заподозрив, легко поверил в наступление Менгу-Тимура, и отдал приказ своей армии преследовать противника. Недалеко от Герата войско Борака попало в засаду, организованную Абагой (Рашид ад-Дин 1946: 68-69; Thackston 1998-1999: 520-531).

Возникает ощущение, что слухи о вторжении армии улуса Джучи в Ильханат через Кавказ распространялись целенаправленно. Вполне возможно, что ситуация, описанная Рашид ад-Дином, не была единичной. Именно так можно объяснить возникновение неподтвержденного другими источниками сообщения Ибн Касира, согласно которому в 1270-1271 годах до египетского султана дошли известия о том, что войска Менгу-Тимура нанесли поражение армии Абаги (История Казахстана в арабских источниках 2005: 205). Судя по тому, что в сообщении отсутствует упоминание о посольстве, доставившем эти сведения в Египет, информация дошла до Каира не по официальным дипломатическим каналам, а в качестве слухов. Она могла отражать распространяемую Абагой дезинформацию. Р. Амитай понимает это сообщение именно как недостоверные и смутные отголоски войны в Хорасане (Amitai-Preiss 1995: 88).

Абага вернулся в Азербайджан с победой. В это время к нему прибыло посольство от Хубилая, доставившее ему ярлык на престол Ильханата. Вторая официальная

интронизация Абаги состоялась 27 ноября 1270 года. На празднества по случаю этого события прибыло посольство из улуса Джучи, от Менгу-Тимура. Послы, выразившие поздравления и доставившие подарки, были приняты очень радушно (Рашид ад-Дин 1946: 68-69; Thackston 1998-1999: 535).

Согласно Вассафу, Кайду двинулся с войсками из Таласа и Кенджека, и разгромил армию Борака на реке Ходженд. Борак бежал в Бухару. Он приказал своим войскам разграбить города Мавераннахра, но после переговоров с городской элитой ограничился введением экстренного военного налога и повинностью на ремесленников-оружейников. Так он готовился к новой войне. Спустя какое-то время к Бораку прибыл Кыпчак с посланием от Кайду, в котором он предлагал переговоры. Борак согласился, после чего состоялся пир в Катванской степи (Катванский курултай) недалеко от Самарканда. На нем Борак и Кайду облачились в одежды друг друга. Стороны заключили мир. Также было принято решение о разделе Мавераннахра между Кайду и Бораком на крайне невыгодных для Чагатаида условиях. В Бухаре и Самарканде у каждого царевича должен был находиться военный отряд и принадлежащий ему двор. Судя по контексту, речь идет о владениях, размеры которых были установлены ранее, еще до войны. Армия Борака должна была располагаться на летовках и зимовках, то есть не входить в города и не разорять их. Более того, в соответствии с новыми договорённостями, Бухару от Борака отделяли владения Кайду, на которых располагалось подчиненное ему войско. Однако сразу после Катванского курултая Кайду был вынужден был покинуть Мавераннахр из-за наступления армии Менгу-Тимура, которое он должен был отразить. После ухода Кайду Борак вновь вернулся в Бухару. Все эти события автор датирует 1267 годом. Сразу после их описания идет сообщение о прибытии Масуд-бека к Абаге в конце 1267 года. Оно совпадает по датировке, и в целом подтверждает упомянутое выше сообщение Рашид ад-Дина. Сразу после возвращения Масуд-бека из Ильханата Борак начал с Кайду переговоры о возможности начала войны с Абагой.

Кайду согласился и предоставил Бораку военную помощь. Последующее повествование в целом достаточно близко к описанию Рашид ад-Дина. Однако оно содержит два важных отличия. Во-первых, Вассаф датирует вторжение Борака в Хорасан 1268 годом. Подробности хронологии дальнейших событий автор уточняет. Только смерть Борака он напрямую датирует августом 1270 года. Во-вторых, Вассаф не приводит каких-либо намеков на сложную дипломатическую игру, ключевую роль в которой играл джучидский хан Менгу-Тимур. Он не упоминает про изначальные планы Кайду обмануть Борака и вернуть предоставленные ему в помощь силы. Ничего не говорит он также про роль улуса Джучи в планах Некудера и про военную хитрость Абаги, которая, согласно Рашид ад-Дину, была полностью построена на уверенности Борака в том, что джучидское вторжение в Ильханат должно состояться (Geschichte Wassaf's 1856: 126-136).

Можно выделить следующие противоречия в текстах Рашид ад-Дина и Вассафа.

- Время проведения – 1267 или 1269 год.
- Место проведения – Катванская степь недалеко от Самарканда и долина Таласа.
- Участники – Кайду и Борак либо Кайду, Борак и Беречар.
- Отношения между сторонами – Кайду и Джучиды в состоянии вражды и Кайду и Беркечар составляют альянс против Борака.

В то же время в труде Рашид ад-Дина есть и другие упоминания об этих событиях.

В «Рассказе о приезде Масуд-бека…» говорится, что «в упомянутую зиму» (судя по дальнейшему описанию, в конце 1267 года) он прибыл в Иран от Кайду и Борака. Официальной целью визита был «расчет по их владениям инджу», то есть получение доходов с их владений в Ильханате. Масуд-бек был принят с почестями: облачен в халат, полагающийся Чингизиду, и посажен выше большинства эмиров. Просьба о выплатах была удовлетворена ильханом Абагой. Расчет доходов с инджу длился неделю, после чего Масуд-бек спешно уехал, воспользовавшись подготовленным заранее путем для бегства и свежими сменными лошадьми. Спустя день после его отъезда Абага узнал о подходе к Амударье вражеской армии. Он отправил погоню за Масуд-беком, но тот успел перейти реку.

Абага направился в Хорасан и провел зиму в Мазандеране. Там он узнал о приближении «обоза Хулагу-хана». Речь идет о ставках Хулагу, которые были оставлены им в Монголии перед началом вторжения в Иран и Ирак. Их возглавляла жена Хулагу Кутуй-хатун, среди прибывших в том числе была и мать Абаги Йисуджин-хатун. Обоз прибыл в Мазандеран к Абаге 7 февраля 1268 года. Весной 1268 года ильхан вернулся из Хорасана. Зиму 1268-1269 годов он провел на реке Чагату, где располагалась одна из зимовок ильханов Ирана. Лето 1269 года Абага провел в Аладаге и Сияхкухе, зимой 1269-1270 он находился в Аране, а летом 1270 года началось вторжение Борака в Хорасан (Рашид ад-Дин 1946: 68-69; Thackston 1998-1999: 519). Источник, на который в данном случае опирался Рашид ад-Дин, был сосредоточен на сезонных передвижениях Абаги, а остальные события лишь вписывал в их контекст. Однако, это описание ценно тем, что дает очень четкую хронологию событий, исходя из которой можно заключить, что в конце 1267 года Борак и Кайду действовали совместно, как официальные союзники.

Возникшие противоречия может решить еще одно описание этих событий у Рашид ад-Дина, содержащееся в рассказе о потомках Чагатая. Это сообщение очень четко описывает последовательность событий: «Сначала Борак потерпел поражение, они во второй раз приступили к сражению. Кипчак-Огул, сын Кадан-Огула сына Угедей-[каана], у которого была дружба с Бораком, примирил их и устроил между ними союз и договор. Они побратались друг с другом. Борак, став уверенным и обеспеченным также и с его стороны, укрепился на престоле Чагатая. Устроив после этого курилтай, он сказал Кайду: «Наши войска увеличились, и эти области не могут выдержать их [содержания], я переправлюсь через реку, чтобы забрать область Хорасана: нужно, чтобы анда Кайду оказал мне помощь» (Рашид ад-Дин 1960: 98; Thackston 1998-1999: 377).

Здесь источник четко разделяет две встречи. Первая состоялась после поражения Борака. На ней он и Кайду стали названными братьями. Согласно Вассафу, это Катванский курултай 1267 года, где царевичи облачились в одежды друг друга. По древнему кочевому обычаю это означало то, что они стали «анда» - названными братьями. Вторая встреча – курултай, на котором принималось решение о вторжении в Ильханат, то есть Таласский курултай 1269 года. Особого противоречия здесь нет, так как Вассаф передает ту же последовательность событий: решения о разделе Мавераннахра между Бораком и Кайду и о вторжении в Хорасан были приняты в разное время. Просто при описании последних переговоров автор не сообщает о личной встрече царевичей.

Интересная информация содержится в биография Тэрела в «Юань ши». Ее герой специализировался на дипломатических миссиях от Хубилая в улус Джучи. К сожалению, в

его биографии приводятся подробности только первого его посольства к Менгу-Тимуру, которое ориентировочно можно датировать 1266-1267 годом. Согласно источнику, после того как «Кайду взбунтовался», Хубилай и его окружение решили отправить посла к Менгу-Тимуру. Выбор пал на Тэрела, который происходил из династии чиновников, управляющих джучидскими владениями в Северном Китае. По пути в улус Джучи посольство Тэрела посетило Кайду с целью разведки, и было принято весьма радушно. Затем Тэрел добрался до улуса Джучи, и сообщил Менгу-Тимуру о цели своего визита. Джучидский хан отвечал: «Дедушка дал наказ, и пойманных бунтовщиков мы будем казнить. Если не следовать добрым отношениям, поднимать войска, навлекая [на себя] кару Неба, то мы как раз и подвергнемся внезапному нападению извне, и без труда будем уничтожены без остатка!» (Храпачевский 2009: 246-248).

Это сообщение подтверждает факт напряженных отношений между Кайду и Менгу-Тимуром в этот период, о которых сообщал Вассаф. Более того, формально уже в это время Менгу-Тимур признавал Хубилая кааном и, по крайней мере, на словах был готов исполнять его приказы по борьбе с бунтовщиками, то есть с Кайду. Источник четко фиксирует разные статусы Менгу-Тимура и Кайду в отношениях с Хубилаем. Кайду – «мятежник», а Менгу-Тимур – «ван», то есть представитель «золотого рода», подчиненный верховному правителю.

Согласно сообщению «Юань ши» в параграфе «Си бэй ди»: «У царевича Хайду была ставка в Алимали (Алмалыке) и в других городах. В 6000 ли северо-западнее Шанду (летняя ставка Хубилая) находится Пятиградье вэйур (уйгурский Бешбалык). В 4-5 тысячах ли западнее расположен Алимали. В 1268 году Хайду поднял мятеж и пошел со своим войском на юг (точнее, на восток). Ши-цзу (Хубилай) отбил его наступление около Бэйтина (Бешбалыка). Хайду преследовали до Алимали, пока император не приказал прекратить погоню. В эти дни он назначил главнокомандующим войсками в Алимали царевича Бэйпин-вана (сын Хубилая Номуган). Последнему помогал министр Аньдун» (Бретшнейдер 2018: 97).

Обсуждение

Судя по всему, Кайду захватил у Чагатаидов Алмалык сразу после смерти Алгуя в 1265 году. В 1266 году он совершил рейд на восток, но, столкнувшись с сыном Хубилая Номуганом, вынужден был отступить на юго-запад. Датировка этого вторжения в «Юань ши» 1268 годом неверна, так как полностью выбивается из всей хронологии последующих событий. В это время Кайду воевал с Бораком и армией Менгу-Тимура в Мавераннахре. В то же время, согласно «Анналам Хубилая» в «Юань ши» Номуган стал ваном Бэйпин («принцем умиротворения севера») 9 июля 1266 года (Храпачевский 2019: 129). Соотнесение датировки получения Номуганом титула «ван Бэйпин» и времени неудачного вторжения Кайду в землю уйгуров позволяет заключить, что он был выбит из Алмалыка уже в 1266 году. Вероятно, именно поэтому, согласно Вассафу, он начал войну с Бораком, выдвинувшись из «Таласа и Кунджека», а не из Алмалыка, откуда он вытеснил Чагатаидов, или Каялыка, который был центром его владений со времен Менгу. В 1267 году Борак проиграл битву Кайду, и на Катванском курултае заключил с ним крайне невыгодный для себя мир, который включал раздел Мавераннахра. Но

вскоре Кайду вынужден отвести войска от Бухары из-за появления армии Менгу-Тимура. Судя по всему, речь идет о пятидесятитысячном корпусе Беркечара. Недовольство улуса Джучи решениями Катванского курултая было вполне естественным. Ведь Мавераннахр являлся регионом, традиционно входившим в джучидскую сферу влияния. К тому же сформировавшийся в 1267 году союз Угедеидов и Чагатаидов под лидерством амбициозного Кайду представлял для Менгу-Тимура серьезную опасность.

Описывая события, Вассаф игнорирует Таласский курултай именно как встречу царевичей, говоря лишь об обращении Борака к Кайду. Это приводит к сбою в хронологии событий. Рашид ад-Дин, в свою очередь, умалчивает о первоначальной враждебности между Менгу-Тимуром и Кайду и о фактическом захвате последним Мавераннахра. По этой причине сложно сказать, как стороны пришли к необходимости второго курултая. Неясно, как выстроились отношения Кайду и Беркечара, и было ли второе сражение с Бораком. Но можно с уверенностью утверждать, что решения Таласского курултая были для Менгу-Тимура крайне выгодны. Ему удалось невоенным способом вытеснить из региона такого мощного и опасного противника как Борак. Более того, Беркечар и Кайду сумели направить его против их общего врага Абаги.

Рассказ Рашид ад-Дина ясно описывает ситуацию как масштабную политическую интригу, организованную Менгу-Тимуром и Кайду с целью устранить из Мавераннахара опасного конкурента – Борака. Ключевым результатом переговоров на Таласском курулте было невоенное выдавливание из региона мощного противника и перенаправление его агрессии вовне. Судя по многочисленным оговоркам Рашид ад-Дина, никто изначально не собирался исполнять взятые перед Бораком обязательства. Кайду изначально готовил уход Чапата и Кыпчака от Борака еще перед вторжением в Хорасан. При этом, покинув армию, Кыпчак в первую очередь известил об этом Абагу. Судя по всему, Менгу-Тимур также должен был предпринять определенные действия в поддержку Борака.

Готовность Некудера уйти из Грузии на территорию улуса Джучи говорит о том, что на тот момент он, как минимум, считал Менгу-Тимура союзником. В то же время, Борак и его окружение были абсолютно уверены в том, что Абага не может покинуть Южный Кавказ и вместе с основными силами прийти в Хорасан. Когда же выяснилось, что это все-таки произошло, Борак легко поверил в то, что информация о вторжении армии Менгу-Тимура правдива – что, собственно, и привело его к катастрофе. Эта убежденность Борака, вероятнее всего, может быть объяснена существованием заключенных на курултае договорённостей с Менгу-Тимуром, близких по содержанию с теми, в соответствии с которыми Кайду перед вторжением предоставил ему помощь.

В действительности, всё, что известно о решениях и статусе Таласского курултая, не позволяет предположить, что они имели столь глобальный характер. При этом есть ряд фактов, не вписывающихся в общепринятую трактовку событий. Согласно Рашид ад-Дину, сразу после победы в Герaтской битве Абага получил официальный ярлык на правление от Хубилая. Вторая официальная интронизация Абаги состоялась 27 ноября 1270 года. На празднества по случаю этого события прибыло посольство из улуса Джучи, от Менгу-Тимура. Послы, выразившие поздравления и доставившие подарки, были приняты очень радушно.

В другом месте Рашид ад-Дин говорит о пожаловании новым кааном улусов Абаге и Менгу-Тимуру, как о событиях, произошедших практически одновременно: «он назначил

Абагу, старшего сына Хулагу, на место [его] отца во главе монголов и таджиков иранской земли, а улус Берке пожаловал Менгу-Тимуру» (Рашид ад-Дин 1960: 168; Thackston 1998-1999: 435).

Три сообщения: об одновременном пожаловании Хубилаем ярлыков Абаге и Менгу-Тимуру, о времени пожалования ярлыка Абаге (осень 1270 года) и о торжественном посольстве Менгу-Тимура в Ильханат с поздравлениями по поводу пожалования ярлыка Абаге, позволяют сделать вывод о том, что хан улуса Джучи получил инвестору от каана примерно в то же время. Этот вывод подтверждается и статусом Менгу-Тимура в «Биографии Тэрела», где он в качестве подчиненного Хубилаю «вана» противопоставляется «мятежнику» Кайду. Очевидно, что этот его статус не мог быть утвержден в ходе первого посольства Тэрела в 1266-1267 году, основной целью которого было налаживание отношений с новым ханом улуса Джучи. Вероятно, ярлык Менгу-Тимуру был выдан Хубилаем так же как и Абаге после окончательного решения проблемы, которую создавал Борак.

Об определенных изменениях в легитимации власти Менгу-Тимура в начале 70-х годов может свидетельствовать джучидская нумизматика. Во-первых, в начале 70-х годов прекращается чекан монет с тамгой Менгу-Тимура и легендой «Главная тамга», которую А.З. Сингатуллина рассматривала, как выражение «антимонгольских настроений джучидского хана» (Сингатуллина 2003: 33; Бугарчев, Степанов 2022: 11).

Во-вторых, известна монета 672 г.х. (1273-1274 год), чеканенная в Кутлуг-кенде, на лицевой стороне которой изображен китайский иероглиф «цзи», а под ним тамга Менгу-Тимура. Иероглиф «цзи» указывал на то, что чекан осуществлен по повелению лица, имеющего высокий статус в иерархии правящего рода, но не самого императора, чекан которого обозначался иероглифом «бао». Р.Ю. Рева уравнивает значение легенды «Главная» или «Высочайшая тамга» на булгарских монетах и иероглифа «цзи» на монете Кутлуг-кенда, как указание на высшее положение Менгу-Тимура в собственном государстве. При этом автор указывает на то, что он «далек от мысли, что Менгу-Тимур мог считать себя равным по статусу Великому каану» (Рева 2013: 4-6).

Принять эту версию достаточно сложно. Тамга – это изначально знак собственности (Петров 2003: 170). В истории чингизидской нумизматики есть масса примеров того, как владельцы улусов были и статусно, и в реально-политическом плане (то есть даже не имели полного реального суверенитета) подчинены более крупному правителю, но при этом размещали на чеканенных в их владениях монету свою тамгу и иногда даже свое имя. Само по себе наличие тамги на монетах не отрицало подчинение ее владельца старшему в иерархии правящего рода лицу. Поэтому указание «Главная» или «Высочайшая» рядом с тамгой Менгу-Тимура, отражающее ее верховный характер, действительно может рассматриваться как заявка на статусную самостоятельность джучидского хана. Но, иероглиф «цзи» рядом с тамгой Менгу-Тимура вполне можно воспринять, как знак его включенности в имперскую иерархию, как лица подчиненного каану. Ведь именно как «ван», признающий власть «императора» он фигурирует в биографии Тэрела.

Конечно, не стоит переоценивать реальных политических последствий этого юридического факта. Он позволял Менгу-Тимуру и Абаге укрепить уже занятые ими позиции во власти улусов и никак не снимал фактические противоречия, накопившиеся между чингизидскими семьями, которые периодически толкали их к войне. Но, в тоже время он говорит о том, что отсылки к единству империи, пусть и формальные, были еще крайне

актуальны для легитимности региональных ханов.

Судя по ряду косвенных признаков, Хубилай оказывал серьезное влияние на переговорный процесс между Менгу-Тимуром, Кайду и Абагой в этот период. По мимо миссии Тэрела им было отправлено посольство к Абаге. Рашид ад-Дин говорит о гонце Хубилая Текечеке, который был отправлен им к Абаге, попал в плен в Бораку, но все же смог бежать и добрался до ильхана весной 1270 года.

Примечательно, что позиция Кайду по отношению к Хубилаю и Абаге не была абсолютно однозначной. Обращает на себя внимание личность Кыпчака, который со стороны Кайду осуществлял взаимодействие с Бораком – как для организации курултая в Катване (согласно Вассафу), так и для организации Таласского курултая (согласно Рашид ад-Дину). Кыпчак был сыном Кадана, одного из вернейших сторонников Менгу и Хубилая со стороны Угедеидов. Кадан поддержал Менгу на курултае 1251 года, и получил от него во владение Бешбалык. Он участвовал в покорении Южного Китая, поддерживал интронизацию Хубилая, сражался с войсками Ариг-Буги и участвовал в суде над ним и его сторонниками. Согласно Рашид ад-Дину, его и Борака некогда связывали дружеские отношения. Но они могли возникнуть только в Китае, куда был сослан отец Борака, и где он сам служил в ставке Хубилая до своей отправки в улус Чагатая. Каким образом сын Кадана мог оказаться в окружении Кайду?

Не менее интересна личность Чапата, которого Кайду вместе с Кыпчаком отправил на помощь к Бораку. Его отец, сын Гуюка Наку, так же был направлен в Южный Китай после прихода к власти Менгу. Согласно Рашид ад-Дину, в 1264 году, после суда над Ариг-Бугой Хубилай отправил в Туркестан Хоку, Чапата, сына Карачара Кутуку и еще нескольких других царевичей (Рашид ад-Дин 1960: 166; Thackston 1998-1999: 434). Сложно сказать, как недавние подчиненные Хубилая оказались в рядах сторонников Кайду. Вероятно, это произошло в ходе его рейда на восток и нападения на Бешбалык в 1266 году. Но важно то, что Кайду отправил на помощь к Бораку максимально лояльных к Толуидам потомков Угедея. И более того, благодаря контактам Кыпчака с Абагой, он вскоре заключил мир с Ильханатом.

Заключение

Во второй половине 60-х годов в Центральной Азии произошло два курултая. Первый состоялся в Катване в 1267 году. На нем было зафиксировано поражение Борака и доминирование Кайду в Мавераннахре.

Формально на Таласском курултае 1269 года участники действительно не признавали верховную власть Хубилая, рассматривая его как равного им хана. Они приняли решение о разделе Мавераннахра в пользу Борака. Его позиции в регионе в сравнении с решениями Катвана сильно улучшились. Также было принято решение о совместном вторжении в Ильханат.

Но в реальности ни Менгу-Тимур, ни Кайду не собирались исполнять взятые на себя обязательства. Борак остался один и проиграл.

Соотношение сообщений из биографии Тэрела и из труда Рашид ад-Дина о торжественном посольстве Менгу-Тимура по случаю официальной интронизации Абаги и об одновременном получении ярлыков от Хубилая Менгу-Тимуром и Абагой может говорит о том, что хан улуса Джучи также как и глава Ильханата получил официальное признание

от каана после разгрома Борака.

Статус Менгу-Тимура как «вана» подчиненного «императору» из биографии Тэрела может быть соотнесен с легендой монеты Кутлуг-кенда, на которой джучидская тамга расположена под иероглифаом «цзи».

Миссия Тэрела и сообщение Рашид ад-Дина о гонце Хубилая к Абаге, прибывшем в Ильханат перед Гератской битвой указывают на то, что именно усилия каана привели к тому, что решения Таласского курултая формально крайне успешные для Борака, привели к его политическому краху.

Список литературы

Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: the Mamluk-Īlkhānid War, 1260-1281.* Cambridge: Cambridge University Press. 1995. 272 p.

Biran M. *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia*. Richmond: Curzon, 1997. 197 p.

Biran M., Landa I. The Chinggisid Crisis of the mid-fourteenth century: reasons and consequences. *Journal of the Royal Asiatic Society.* 2024. No.35(1), pp.1-21.

Bodin J. *Book 1. Six Books of the Commonwealth. Les six livres de la République.* Abridged and translated by M. J. Tooley. Oxford: Basil Blackwell Oxford. 1955. 847 p.

D'Ohsson Constantine M. *Histoire des Mongols depuis Tchinguis Khan jusqu'a Timour Bey.* The Hague. 1834-35. Vol. III. 567 p.

Geschichte Wassaf's. *'Abd Allāh ibn Faẓl Allāh Vaṣṣāf al-Ḥaẓrat J. Hammer-Purgstall.* Wien. Hofund Staatsdruckerei. 1856. 646 p.

Pfeiffer J. Aḥmad Tegüder's Second Letter to Qalā'ūn (682/1283). *History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East:* Studies in Honour of John E. Woods, Wiesbaden, Harrassowitz. 2006. Pp.165-194.

Thackston T.M. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols.* Thackston, Wheeler M. (tr.). Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations. 1998-1999. xliv + 819 p.

Бартольд В.В. *Очерк истории Семиречья.* Фрунзе: Киргизгосиздат. 1943. 104 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, часть 2. *Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии.* Москва. 1964. 657 с.

Бретшнейдер Э.В. *Азия и Европа в эпоху средневековья: сравнительные исследования источников по географии и истории Центральной и Западной Азии XIII-XVII веков (послесл. И.В. Кучумова).* Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Ин-та истории АН Респ. Татарстан; Региональное отд-ние Рус. геогр. о-ва в Респ. Башкортостан. СПб.: Свое издательство. 2018. 280 с.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. О булгарских монетах Менгу-Тимура с титулом «ан-Насир ли-дин Аллах» (1266-1272). *Археология Евразийских степей.* 2022. No.6, с.8-13. https://doi. org/10. 24852/2587-6112.2022.6.8.13

Караев О.К. *Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа.* Бишкек: Кыргызстан. 1995.160 с.

Петров П.Н. Тамги на монетах монгольских государств XIII-XIV вв. как знаки собственности В: *Труды международных нумизматических конференций "Монеты и денежное обращение*

в монгольских государствах XIII-XV веков". 2003. С.170-177.

Почекаев Р.Ю. *Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды.* СПб.: Евразия. 2010. 406 с.

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* Т. III. Москва-Ленинград.: Издательство Академии наук СССР. 1946. 316 с.

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* Т. II. Москва-Ленинград.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 214 с.

Рева Р.Ю. *Новые данные о монетах Кутлугкенда, Сарая, Хорезма и других монетных дворов 70-х гг. XIII в.* Эпиграфика Востока XXX. Москва. 2013 г. С. 266-287.

Сафаргалиев М.Г. *Распад Золотой Орды.* Ученые записки Мордовского госуниверситета. Вып. XI. Саранск: Мордовское книжное издательство. 1960. 278 с.

Сингатуллина А.З. *Джучидские монеты поволжских городов XIII века.* Казань: Заман. 2003. 192 с.

Султанов Т.И. *Чингиз-хан и Чингизиды*. Судьба и власть. Москва: АСТ. 2006. 446 с.

Храпачевский Р.П. *Золотая Орда в источниках.* Т. 3. Китайские и монгольские источники. ЦИВОИ. Москва. 2009. 336 с.

Храпачевский Р.П. *«Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань*. Москва. 2019. 746 с.

References

Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: the Mamluk-Īlkhānid War, 1260-1281.* Cambridge: Cambridge University Press. 1995. 272 p. (In English)

Biran M. *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia.* Richmond: Curzon. 1997. 197 p. (In English)

Biran M., Landa I. The Chinggisid Crisis of the mid-fourteenth century: reasons and consequences. *Journal of the Royal Asiatic Society.* 2024. No.35(1), pp.1-21. (In English)

Bodin J. Book 1*. Six Books of the Commonwealth = Les six livres de la République*. Abridged and translated by M. J. Tooley. Oxford: Basil Blackwell Oxford. 1955. 847 p. (In English)

D'Ohsson, Constantine M. *Histoire des Mongols depuis Tchinguis Khan jusqu'a Timour Bey.* The Hague. 1834-35. Vol. III. 567 p. (In French)

Geschichte Wassaf's. *'Abd Allāh ibn Faẓl Allāh Vaṣṣāf al-Ḥaẓrat J. Hammer-Purgstall. Wien.* Hofund Staatsdruckerei. 1856. 646 p. (In German and Persian)

Pfeiffer J. *Aḥmad Tegüder's Second Letter to Qalā'ūn (682/1283). History and Historiography of Post-Mongol Central Asia and the Middle East:* Studies in Honour of John E. Woods, Wiesbaden, Harrassowitz. 2006. Pp.165-194. (In English)

Thackston T.M. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols.* Thackston, Wheeler M. (tr.). Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations. 1998-1999. xliv + 819 p. (In English)

Bartold V.V. *Ocherk istorii Semirechia.* Frunze: Kirgizgosizdat, 1943. 104 p. (In Russian)

Bartold V.V. *Sochineniia.* Volume II, part 2. Works on separate problems of the history of Central Asia. Moscow. 1964. 657 p. (In Russian)

Bretschneider E.V. *Aziia i Evropa v epokhu srednevekovia: sravnitelnye issledovaniia istochnikov po geografii i istorii Tsentralnoi i Zapadnoi Azii XIII-XVII vekov [poslesl. I.V. Kuchumova]*. Center for Research of the Golden Horde and Tatar Khanates named after M.A. Usmanov of the Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Regional Department of the Russian Geographical Society in the Republic of Bashkortostan. St. Petersburg: Own Publishing House.

2018. 280 p. (In Russian)
Bugarchev A.I., Stepanov O.V. O bulgarskikh monetakh Mengu-Timura s titulom «an-Nasir li-din Allakh» (1266-1272). *Archaeology of the Eurasian Steppes.* 2022. No.6, pp.8–13. DOI: https://doi. org/10. 24852/2587-6112.2022.6.8.13 (In Russian)
Karaev O.K. *Chagataiskii ulus. Gosudarstvo Khaidu. Mogulistan*. *Obrazovanie kyrryzskogo naroda.* Bishkek: Kyrgyzstan. 1995.160 p. (In Russian)
Petrov P.N. Tamgi na monetakh mongolskikh gosudarstv XIII-XIV vv. kak znaki sobstvennosti. In: *Proceedings of the international numismatic conferences "Coins and currency circulation in the Mongol states of the 13th-15th centuries*". 2003. Pp.170-177. (In Russian)
Pochekaev R.Yu. *Tsari Ordynskie. Biografii khanov i pravitelei Zolotoi Ordy.* St Petersburg: Eurasia. 2010. 406 p. (In Russian)
Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei.* Vol. III. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 316 p. (In Russian)
Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei.* Vol. II. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1960. 214 p.
Reva R.Yu. *Novye dannye o monetakh Kutlugkenda, Saraia, Khorezma i drugikh monetnykh dvorov 70-kh gg. XIII v.* Oriental Epigraphy XXX. Moscow. 2013. Pp.266-287. (In Russian)
Safargaliev M.G. Raspad Zolotoi Ordy. *Scientific Notes of Mordovia State University*. Issue XI. Saransk: Mordovia Book Publishing House, 1960. 278 p. (In Russian)
Singatullina A.Z. *Dzhuchidskie monety povolzhskikh gorodov XIII veka*. Kazan: Zaman. 2003. 192 p. (In Russian)
Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sudba i vlast.* Moscow: AST, 2006. 446 p. (In Russian)
Khrapachevsky R.P. *Zolotaia Orda v istochnikakh. Vol. 3. Chinese and Mongolian Sources*. TsIVOI. Moscow. 2009. 336 p. (In Russian)
Khrapachevsky R.P. *Annaly Khubilaia», glavnyi istochnik po istorii pravleniia pervogo imperatora dinastii Iuan.* Moscow. 2019. 746 p. (In Russian)

Information about authors

Artem Aleksandrovich Porsin – Candidate of Historical Sciences, chief researcher, at the Republican State Enterprise on the Right of Economic Management "Research Institute for Jochi Ulus Studies" of the Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, 15B Aleksandr Pushkin Street, Astana, Kazakhstan, https://orcid.org/0009-0008-4517-5265

Авторлар туралы мәліметтер

Артём Александрович Порсин – тарих ғылымдарының кандидаты, бас зерттеуші, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты» шаруашылық жүргізу құқығындағы РМК бас ғылыми қызметкері, А. Пушкин көшесі, 15Б үй, Астана, Қазақстан, https://orcid.org/0009-0008-4517-5265

Сведения об авторах

Артём Александрович Порсин – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» КН МНВО РК, ул. Александра Пушкина, дом 15Б. Астана, Казахстан, https://orcid.org/0009-0008-4517-5265

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.04.2025
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 02.05.2025.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.09.2025

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ғылыми мақала / Research Article
МҒТАР / IRSTI

https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.114.129

Historical and Ethnographic Aspects of Northern Kazakhstan in the Travel Notes of I. Ya. Slovtsov

Zh. Smakhanova[a]✉, **T. Marmontova**[a]
[a]*Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Kazakhstan*
✉*z.deil@mail.ru*

Abstract. The article examines the historical and ethnographic aspects of Northern Kazakhstan in the second half of the nineteenth century on the basis of the travel notes of I. Ya. Slovtsov, considered as a unique complex of historical sources. The relevance of the study is determined by the growing scholarly interest in regional history and ethnography, as well as by the need for a comprehensive analysis of the socio-economic, ethno-cultural, and natural-geographical processes that developed during the final incorporation of Northern Kazakhstan into the administrative and political space of the Russian Empire. The travel notes of I. Ya. Slovtsov constitute a valuable historical and ethnographic source that reflects the everyday life of both nomadic and sedentary populations, modes of economic activity, ethno-cultural traditions, and the specific features of imperial governance practices in the course of the colonization of the steppe. These materials make it possible to reconstruct the structure of traditional society in Northern Kazakhstan, mechanisms of social adaptation, and the historical prerequisites of regional development. Purpose and Objectives. The purpose of the study is to analyze the historical and ethnographic development of Northern Kazakhstan at the end of the nineteenth century on the basis of the travel notes of I. Ya. Slovtsov, including the influence of socio-economic and cultural factors on regional life. To achieve this goal, the following objectives were set:– to determine the scholarly value of the travel notes of I. Ya. Slovtsov as a historical and ethnographic source; – to characterize the socio-political, economic, and ethno-demographic conditions of the Kokshetau District of Akmola Region; – to identify regional features of everyday life and the economic structure of nomadic and sedentary populations; – to demonstrate the significance of Slovtsov's scholarly legacy for studies in the historical geography and regional research of Northern Kazakhstan. Materials and Methods. The methodological framework of the study is based on source analysis, the historical-contextual approach, and the comparative historical method. The main sources include the travel notes of I. Ya. Slovtsov, statistical surveys of Akmola Region, pre-revolutionary reference publications, as well as contemporary scholarly studies and statistical data. The use of an interdisciplinary approach made it possible to examine the geographical conditions of the region, its ethnographic characteristics, economic system, and demographic processes in their interrelation. The study demonstrates that Slovtsov's travel notes represent a multifaceted source reflecting the natural and geographical environment, traditional economic models, ethno-cultural experience, and social structure of Northern Kazakhstan. The organization of nomadic pastoralism and agriculture described by the author, along with patterns of resource use and the spatial structure of the economy, provide deeper insight into the socio-economic life of the region's population. Slovtsov's observations, when compared with official

©Zh. Smakhanova, T. Marmontova, 2025

statistical data, confirm that nomadic хозяйство constituted a rational system well adapted to the conditions of the steppe environment. Conclusions. The study concludes that the travel notes of I. Ya. Slovtsov are of significant scholarly importance for reconstructing the historical geography and ethno-cultural landscape of Northern Kazakhstan at the end of the nineteenth century. Slovtsov's legacy contributes to a deeper understanding of the historical foundations of socio-economic processes and the potential for interregional interaction.
Keywords: Northern Kazakhstan; Slovtsov; travel notes; historical ethnography; historical geography; nomadic and sedentary economy; regional development

For citation: Smakhanova Zh., Marmontova T. Historical and Ethnographic Aspects of Northern Kazakhstan in the Travel Notes of I. Ya. Slovtsov. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.114-129. *https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.114.129*

Funding: This article was prepared within the framework of the project «History of Northern Kazakhstan from Ancient Times to the Present Day» (Project ID: BR21882225).

Историко-этнографические аспекты Северного Казахстана в путевых записках И. Я. Словцова

Ж. Смаханова[a], Т. Мармонтова[a]

[a]Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. В статье на основе путевых записок И. Я. Словцова рассматриваются историко-этнографические аспекты развития Северного Казахстана во второй половине XIX в. как уникального комплекса источников. Актуальность исследования обусловлена возрастанием научного интереса к региональной истории и этнографии, а также необходимостью комплексного осмысления социально-экономических, этнокультурных и природно-географических процессов, сформировавшихся в условиях окончательного вхождения территории Северного Казахстана в административно-политическое пространство Российской империи. Путевые записки И. Я. Словцова представляют собой ценный историко-этнографический источник, отражающий повседневную жизнь кочевого и оседлого населения, способы ведения хозяйства, этнокультурные традиции, а также особенности имперской управленческой практики в процессе освоения степного пространства. Данные материалы позволяют реконструировать структуру традиционного общества Северного Казахстана, механизмы социальной адаптации и исторические предпосылки регионального развития. Цель и задачи исследования. Целью исследования является анализ историко-этнографического развития Северного Казахстана конца XIX в. на основе путевых записок И. Я. Словцова, включая влияние социально-экономических и культурных факторов на жизнь региона. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: – определить научную ценность путевых записок И. Я. Словцова как историко-этнографического источника; – охарактеризовать социально-политическое, хозяйственное и этнодемографическое состояние Кокчетавского уезда Акмолинской области; – выявить региональные особенности быта и хозяйственной структуры кочевого и оседлого населения; – показать значение научного наследия И. Я. Словцова для изучения исторической географии и региональных исследований Северного Казахстана. Материалы и методы.

Методологическую основу исследования составляют источниковедческий анализ, историко-контекстуальный подход и сравнительно-исторический метод. В качестве основных источников использованы путевые записки И. Я. Словцова, статистические обзоры Акмолинской области, дореволюционные справочные издания, а также современные научные исследования и статистические данные. Применение междисциплинарного подхода позволило рассмотреть во взаимосвязи географические условия региона, его этнографические характеристики, хозяйственную систему и демографические процессы. В ходе исследования установлено, что путевые записки И.Я. Словцова являются многоплановым источником, отражающим природно-географическую среду, традиционные хозяйственные модели, этнокультурный опыт и социальную структуру Северного Казахстана. Описанные автором организация кочевого скотоводства и земледелия, особенности использования ресурсов и пространственной структуры хозяйства позволяют глубже понять социально-экономическую жизнь населения региона. Наблюдения Словцова, сопоставленные с официальными статистическими данными, свидетельствуют о рациональности кочевого хозяйства, адаптированного к условиям степной среды. Выводы. Сделан вывод о высокой научной значимости путевых записок И.Я. Словцова для реконструкции исторической географии и этнокультурного ландшафта Северного Казахстана конца XIX в. Наследие Словцова способствует более глубокому пониманию исторических основ социально-экономических процессов и потенциала межрегионального взаимодействия.
Ключевые слова: Северный Казахстан; И.Я. Словцов; путевые записки; историческая этнография; историческая география; кочевое и оседлое хозяйство; региональное развитие

И.Я. Словцовтың жол жазбаларындағы Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихи-этнографиялық қырлары

Ж. Смаханова[a], Т. Мармонтова[a]
[a]Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан

Андатпа. Мақалада XIX ғасырдың екінші жартысындағы Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихи-этнографиялық қырлары бірегей деректік кешен ретінде И.Я. Словцовтың жол жазбалары негізінде талданады. Зерттеудің өзектілігі өңірлік тарих пен этнографияға деген ғылыми қызығушылықтың артуымен, сондай-ақ Солтүстік Қазақстан аумағының Ресей империясының әкімшілік-саяси кеңістігіне толық енуі жағдайында қалыптасқан әлеуметтік-экономикалық, этномәдени және табиғи-географиялық үдерістерді кешенді түрде зерделеу қажеттілігімен айқындалады. И.Я. Словцовтың жол жазбалары көшпелі және отырықшы халықтың күнделікті тұрмысын, шаруашылық жүргізу тәсілдерін, этномәдени дәстүрлерін, сондай-ақ далалық кеңістікті игеру барысындағы империялық басқару тәжірибесінің ерекшеліктерін сипаттайтын құнды тарихи-этнографиялық дереккөз болып табылады. Бұл жазбалар Солтүстік Қазақстан өңіріндегі дәстүрлі қоғамның құрылымын, әлеуметтік бейімделу механизмдерін және аймақтық дамудың тарихи алғышарттарын қайта құрастыруға мүмкіндік береді. Мақсаты мен міндеттері. Зерттеудің мақсаты – И.Я. Словцовтың жол жазбалары негізінде XIX ғасырдың соңындағы Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихи-этнографиялық дамуын, соның ішінде әлеуметтік-экономикалық және мәдени факторлардың аймақ өміріне ықпалын талдау. Аталған мақсатқа жету үшін төмендегідей міндеттер қойылды: – И. Я. Словцовтың жол жазбаларының тарихи-этнографиялық дереккөз ретіндегі ғылыми құндылығын анықтау; – Ақмола облысы Көкшетау уезінің әлеуметтік-саяси, шаруашылық және этнодемографиялық жағдайын сипаттау; –

көшпелі және отырықшы халықтың тұрмыс-тіршілігі мен шаруашылық құрылымының өңірлік ерекшеліктерін айқындау; – Солтүстік Қазақстанның тарихи географиясы мен аймақтану мәселелерін зерттеуде Словцовтың ғылыми мұрасының маңызын көрсету. Материалдар мен әдістер. Зерттеудің әдіснамалық негізін деректанулық талдау, тарихи-контекстуалдық тәсіл және салыстырмалы-тарихи әдіс құрайды. Негізгі дереккөздер ретінде И. Я. Словцовтың жол жазбалары, Ақмола облысының статистикалық шолулары, революцияға дейінгі анықтамалық басылымдар, сондай-ақ заманауи ғылыми зерттеулер мен статистикалық мәліметтер пайдаланылды. Пәнаралық тәсілді қолдану өңірдің географиялық жағдайы, этнографиялық сипаттары, шаруашылық жүйесі мен демографиялық үрдістерін өзара байланыстыра қарастыруға мүмкіндік берді. Зерттеу барысында И.Я. Словцовтың жолсапар жазбалары Солтүстік Қазақстанның табиғи-географиялық ортасын, дәстүрлі шаруашылық үлгілерін, этномәдени тәжірибесін және әлеуметтік құрылымын бейнелейтін көпқырлы дереккөз екені анықталды. Автор сипаттаған көшпелі мал шаруашылығы мен егіншіліктің ұйымдасуы, ресурстарды пайдалану ерекшеліктері және шаруашылықтың кеңістіктік құрылымы өңір халқының әлеуметтік-экономикалық өмірін терең түсінуге мүмкіндік береді. Словцовтың бақылаулары ресми статистикалық деректермен салыстырғанда, көшпелі шаруашылықтың далалық орта жағдайына бейімделген ұтымды жүйе екенін дәлелдейді. Қорытындылар. XIX ғасырдың соңындағы Солтүстік Қазақстанның тарихи географиясы мен этномәдени ландшафтын қайта құрастыруда И.Я. Словцовтың жол жазбаларының зор ғылыми маңызы бар екені жөнінде қорытынды жасалды. Словцовтың мұрасы әлеуметтік-экономикалық үдерістердің тарихи негіздерін және өңіраралық өзара іс-қимыл әлеуетін тереңірек түсінуге ықпал етеді.

Түйін сөздер. Солтүстік Қазақстан; И. Я. Словцов; жол жазбалары; тарихи-этнография; тарихи география; көшпелі және отырықшы шаруашылық; өңірлік даму

Сілтеме жасау үшін: Смаханова Ж., Мармонтова Т. И.Я. Словцовтың жол жазбаларындағы Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихи-этнографиялық қырлары. *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.114-129.*https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.114.129*

Қаржыландыру. Мақала «Ежелгі дәуірден қазіргі кезеңге дейінгі Солтүстік Қазақстан тарихы» жобасы аясында дайындалды (жоба ИРН: BR21882225).

Кіріспе

Қазақстан өңірлерінің тарихын зерттеу қазіргі жаһандық өзгерістер жағдайында және дамудың жергілікті ерекшеліктеріне қызығушылықтың артуы аясында барған сайын өзекті бола түсуде. Бұл үрдіс әсіресе тарихи жад, өңірлік бірегейлік және мәдени мұра мәселелерімен сабақтасып, аймақтың этномәдени келбетін айқындайтын дереккөздерді қайта қарастыру қажеттілігін күшейтеді. Формалды түрде Қазақстан Республикасының солтүстік бөлігіне 4 облыс жатады: Солтүстік Қазақстан, Қостанай, Павлодар және Ақмола облыстары, мұнда ұлттық статистика бюросының деректері бойынша 2 896 314 тұрғын тұрады (Словцов 1881). Аталған кеңістік әкімшілік тұрғыдан біртұтас аймақ ретінде қарастырылғанымен, тарихи-этнографиялық қырынан алғанда ішкі құрылымы күрделі, көпқабатты және ұзақ мерзімді әлеуметтік-мәдени үдерістермен айқындалады. Математикалық тұрғыдан Солтүстік Қазақстан шығыстан батысқа қарай 1300 км, ал солтүстіктен оңтүстікке қарай шамамен 900 км аумақты қамтиды (Обзор 1879). Мұндай

ауқымды территория табиғи-географиялық белдеулердің алмасуын, шаруашылық типтерінің әркелкілігін және қоныстану үлгілерінің сан алуандығын туындатып, өңірдің этнографиялық бейнесін айқындайтын негізгі факторлардың біріне айналды. Өңір Қазақстанның бірегей этномәдени ландшафтының қалыптасуындамаңызды рөл атқарады, мұнда Ресей Федерациясымен шегара ғасырлар бойы халықтар арасындағы мәдени алмасу мен өзара ықпалдастыққа дәнекер болған ауқымды шегаралық коммуникация аймағын қалыптастырады. Шегаралық кеңістік ретінде Солтүстік Қазақстанда транзиттік байланыстар ғана емес, сонымен қатар этникалық топтардың мәдени тәжірибелері, шаруашылық дағдылары және әлеуметтік нормалары тоғысып, өзара бейімделу механизмдері орнықты. Мұнда орыстар мен қазақтар ғасырлар бойы бірге өмір сүріп, бір-бірін құрметтеп, түсіне отырып, тұрмыс пен дәстүрлердің өзара ықпалдасуына және байытылуына ықпал етті. Осы өзара ықпалдастықтың нәтижесінде өңірде күнделікті өмір мәдениетінде, салт-дәстүрлерде, еңбек дағдыларында және кеңістікті игеру тәжірибесінде көрініс тапқан тарихи-этнографиялық ерекше сипаттар қалыптасты.

XIX ғасырдың екінші жартысы Солтүстік Қазақстан үшін бетбұрысты кезең болды, өйткені дәл осы уақытта Ресей империясының әкімшілік-басқару институттары орнығып, аймақтың әлеуметтік құрылымы мен этномәдени қатынастарына жаңа ықпал тетіктері енді. Бұл кезеңді нақты деректермен ашып көрсету үшін ресми құжаттармен қатар, тікелей бақылауға негізделген жол жазбаларының әлеуеті айрықша, себебі олар дәстүрлі қоғамның «ішкі» тіршілігін, күнделікті практикаларын және мәдени кодтарын сипаттауға мүмкіндік береді. Осындай дереккөздердің қатарында И. Я. Словцовтың Көкшетау уезіне жасаған сапары барысында жазылған жол жазбалары Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихи-этнографиялық қырларын пайымдауда бірегей материал болып табылады. Словцов еңбектерінде табиғи орта сипаттамалары мен статистикалық деректер ғана емес, сондай-ақ көшпелі және отырықшы тұрғындардың тұрмыстық мәдениеті, шаруашылық ұйымдасуы, маусымдық көші-қон ырғағы, қоныстану құрылымы және қоғамдық қатынастардың этнографиялық белгілері көрініс табады. Демек, Словцов жол жазбалары өңір тарихын тек саяси-әкімшілік оқиғалар желісі арқылы емес, әлеуметтік тәжірибе мен мәдени қалыптар жүйесі ретінде талдауға негіз қалайды.

Мақаланың мақсаты – салыстырмалы-тарихи тәсілді қолдана отырып, И. Я. Словцовтың жол жазбалары негізінде Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихи-этнографиялық қырларын, яғни дәстүрлі шаруашылық үлгілерін, күнделікті тұрмыс мәдениетін және этномәдени өзара ықпалдастық формаларын кешенді түрде талдау. Сонымен бірге зерттеу Ресей империясының құрамына ену үдерісінің аяқталуы жағдайында аймақтың әлеуметтік-мәдени трансформациясына ықпал еткен факторларды этнографиялық деректер арқылы пайымдауды көздейді. Көрсетілген мақсатқа сүйене отырып, зерттеу міндеттерін келесідей тұжырымдауға болады:

Ақмола облысы Көкшетау уезінің өңірлік ерекшеліктерін зерттеу үшін Словцовтың жол жазбаларының тарихи-этнографиялық дереккөз ретіндегі құндылығын анықтау; контекстуализация тәсілдерін қолдана отырып, XIX ғасырдың соңында, Қазақстан аумағының Ресей империясының құрамына қосылу үдерісі аяқталған кезеңде өңірде қалыптасқан әлеуметтік-саяси және экономикалық жағдайларды этномәдени үдерістермен сабақтастыра бағалау;

Словцов сипаттаған көшпелі және отырықшы қауымдардың күнделікті өмірі, шаруа-

шылық тәжірибесі мен салттық мәдениеті арқылы Солтүстік Қазақстанның этнографиялық келбетін қайта құрастыру мүмкіндігін көрсету;

Словцовтың ғылыми мұрасын зерттеудің Солтүстік Қазақстанның тарихи аймақтануы, тарихи этнографиясы және әлеуметтік-экономикалық тарихы салаларындағы кейінгі зерттеулер үшін әдістемелік әрі деректік тұрғыдан пайдалы бола алатынын негіздеу.

Сонымен қатар XIX ғасырдағы Қазақстанның солтүстік бөлігін Ресей империясының геосаяси мүдделері мен стратегиялық ықпалының нысаны ретінде қарастырсақ, империя тарапынан далаға әкімшілік бақылау орнату логикасын ғана емес, сонымен бірге жергілікті қоғамның мәдени-әлеуметтік құрылымын «тану», «жіктеу» және «сипаттау» арқылы басқаруға бейімдеу амалдарын да тереңірек түсінуге болады. Осы тұрғыда Словцовтың жол жазбалары империялық ғылыми дискурстың құрамдас бөлігі ретінде көрініс беріп, бір жағынан өлкетанулық-этнографиялық бақылауларды жүйелесе, екінші жағынан өңірдің дәстүрлі мәдениеті мен шаруашылық болмысын нақты фактілік материал арқылы сипаттайды. Сондықтан мақалада Словцов мәтіндерінің ақпараттық мазмұнымен қатар, олардың тарихи-этнографиялық интерпретацияға беретін мүмкіндіктері де арнайы назарға алынады.

Материалдар мен әдістер

Зерттеу стратегиясы Қазақ даласының солтүстік өңірлеріндегі тіршілік көрінісін тарихи-этнографиялық тұрғыдан қайта құрастыру үшін нақты дереккөздердің мазмұндық әлеуетін және олардың ғылыми айналымдағы орнын бағалауға негізделеді. Бұл тұрғыда жол жазбалары ресми әкімшілік құжаттардан өзгеше, өңірдің әлеуметтік тәжірибесін, күнделікті өмір салтын және мәдени мінез-құлық үлгілерін сипаттауға мүмкіндік беретін дерек түрі ретінде қарастырылады. И.Я. Словцовтың ғылыми мұрасы бүгінде Ресей империясының жаңа аумақтарды зерттеу, сипаттау және басқару үдерістерін қандай ғылыми-әдістемелік негізде жүзеге асырғанын ғана емес, сонымен қатар дәстүрлі қоғамды этнографиялық тұрғыдан тануға деген ұмтылысты да айқын көрсетеді. Осы себепті Словцовтың жол жазбалары империялық ғылыми дискурс аясында қалыптасқанымен, олардың мазмұнында өңірдің өзіндік тарихи-этнографиялық болмысы кеңінен көрініс табады.

Мақаланы дайындаудағы негізгі дереккөз ретінде өлкетанушы Иван Яковлевич Словцовтың жол жазбалары пайдаланылды (Словцов 1881). Бұл материалдар XIX ғасырдың соңындағы Солтүстік Қазақстан өңірінің табиғи ортасын, шаруашылық құрылымын, этникалық құрамын және тұрмыс-тіршілігін тікелей бақылау негізінде сипаттайды. Тарихи контекстті нақтылау және деректерді салыстырмалы түрде талдау мақсатында 1878 жылға арналған «Ақмола облысына шолу» еңбегінің мәліметтері (Щербинин 2024), сондай-ақ 1895 жылғы «Бүкіл Ресей» анықтамалық басылымындағы ақпараттар (Вибе, Захарова, 1999) қолданылды. Бұл деректер жол жазбаларында келтірілген бақылауларды әкімшілік-статистикалық материалдармен салыстыра отырып, олардың шынайылық деңгейін бағалауға мүмкіндік берді.

Жол жазбаларының тарихи-этнографиялық маңызын тереңірек ашу үшін талдау аясы өлкетанулық сипаттағы мақалалармен (Статистика 2024) және қарастырылып отырған кезеңге қатысты биографиялық бағыттағы зерттеулермен (Солтүстік Қазақстан 2024)

толықтырылды. Мұндай тәсіл Словцовтың ғылыми қызметін оның замандастарының еңбектерімен және кейінгі тарихнамалық бағалаулармен сабақтастыра қарастыруға жағдай жасады. Сонымен қатар бұл деректер автордың жеке бақылауларының ғылыми дәстүрмен және аймақтық зерттеу тәжірибесімен байланысын анықтауға мүмкіндік берді.

Солтүстік Қазақстан өңіріне қатысты көзқарастардың уақыт өте қалай өзгергенін салыстыру мақсатында қазіргі заманғы статистикалық деректер де пайдаланылды. Атап айтқанда, Ұлттық статистика бюросының ресми порталындағы мәліметтер (Словцов 1881), Қазақстан өңірлері бойынша географиялық және инфрақұрылымдық жолсілтемелер жинақталған Orexca сайтының деректері (Обзор 1879), сондай-ақ «Демоскоп» журналының электрондық нұсқасында жарияланған материалдар (Первая 1897) талдауға тартылды. Бұл деректер кешені Солтүстік Қазақстан өңірін тарихи ретроспективада ғана емес, қазіргі әлеуметтік-демографиялық және кеңістіктік өзгерістер тұрғысынан да кешенді түрде зерделеуге мүмкіндік береді.

Әдіснамалық тұрғыдан зерттеу деректанулық талдау, тарихи-контекстуалдық тәсіл және салыстырмалы-тарихи әдістердің үйлесіміне негізделді. Пәнаралық ұстаным этнография, тарихи география, әлеуметтік-экономикалық тарих және демография салаларындағы мәліметтерді өзара байланыстыра қарастыруға жағдай жасап, И.Я. Словцовтың жол жазбаларын Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихи-этнографиялық қырларын ашатын көпқабатты дереккөз ретінде пайымдауға мүмкіндік берді.

Әдеби шолу

Мақаланы дайындау барысында негізгі дереккөз ретінде өлкетанушы И.Я. Словцовтың жолсапар жазбалары пайдаланылды (Словцов 1881). Жазбадағы тарихи мәліметтерді толықтыруға 1878 жылға арналған «Ақмола облысына шолу» еңбегі (Щербинин 2024) және 1895 жылғы «Бүкіл Ресей» басылымы (Вибе, Захарова 1999) мүмкіндік берді.

Жолсапар жазбаларының маңызын тереңірек түсіну үшін зерттеліп отырған кезеңге қатысты өлкетанулық сипаттағы мақалалар (Статистика ... 2024) мен биографиялық бағыттағы еңбектер (Северный Казахстан ... 2024) талдау аясын толықтырды.

Солтүстік Қазақстанға қатысты көзқарастың қазіргі кезеңде қалай өзгергенін салыстыруға мүмкіндік беретін статистикалық деректер Қазақстан Республикасы Ұлттық статистика бюросы порталында қолжетімді. Сонымен қатар, Қазақстан өңірлері бойынша жолсілтемелер жарияланған Orexca сайтында (Обзор ... 1879) және «Демоскоп» журналының электрондық нұсқасында (Первая ... 1897) тиісті мәліметтер берілген.

Аталған деректер жиынтығы өңірдің тарихи ретроспективадағы дамуын кешенді түрде зерделеуге және тұтас ғылыми түсінік қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Нәтижелер

Иван Яковлевич Словцов Батыс Сібір өлкетануы мен аймақтық зерттеулер тарихында елеулі орын алатын ғалымдардың бірі болып табылады. Сонымен қатар оның ғылыми өмірбаянында бүгінгі таңда Қазақстан Республикасының солтүстік облыстарының құрамына енген аумақтарды жүйелі әрі мақсатты түрде зерттеген ерекше кезең болғанын

атап өту қажет. Дәл осы кезеңде жинақталған жол жазбалары Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихи-этнографиялық қырларын кешенді түрде пайымдауға мүмкіндік береді.

Иван Яковлевич 1844 жылғы 17 қарашада дін қызметкерінің отбасында дүниеге келді. Тобыл қаласындағы гимназияны аяқтағаннан кейін Қазан университетінің физика-математика факультетінде білімін жалғастырып, сол жерде статистика ғылымына ерекше қызығушылық танытты. Бұл қызығушылық оның кейінгі ғылыми және практикалық қызметінің әдіснамалық негізін қалыптастырды. Университеттік дайындық Словцовқа табиғи құбылыстарды, шаруашылық процестерді және әлеуметтік құрылымдарды сандық әрі салыстырмалы тұрғыдан талдауға мүмкіндік берді. 1865 жылы Қазан маңындағы П.А. Загибаловтың иелігінде басқарушының көмекшісі қызметін атқара отырып, ол ауыл шаруашылығы үдерістерін бақылау, өнім көлемін есепке алу және еңбек ұйымдастыру мәселелерімен тікелей айналысты. Бұл тәжірибе оның кейінгі этнографиялық және экономикалық бақылауларына практикалық мазмұн берді.

Словцовтың өмірінің келесі кезеңі мемлекеттік қызметпен тығыз байланысты болды. Ол Омбы қаласына қоныс аударып, Батыс Сібір бойынша Мемлекеттік мүліктер министрлігінің Бас басқармасында басшының көмекшісі қызметін атқарды. Мемлекеттік басқару жүйесіндегі бұл қызмет оған өңірлік ресурстарды есепке алу, жер пайдалану тәртібі және қоныстану саясаты туралы терең түсінік қалыптастырды. Өз білімін бөлісуге деген ұмтылысы Словцовты Сібір әскери гимназиясында жаратылыстану ғылымдарын оқытуға алып келді. Дәл осы кезеңде ол тарих, география және этнография салаларындағы зерттеулермен кәсіби деңгейде айналыса бастады, бұл оның ғылыми дүниетанымының қалыптасуына айрықша ықпал етті (Солтүстік Қазақстан ... 2024: 26-30).

Кездейсоқ жағдаймен дәл осы уақытта Словцов белсенді қатысқан Батыс Сібір зерттеушілері қоғамы Императорлық Орыс географиялық қоғамының Батыс-Сібір бөліміне (БСБ ИРГО) айналдырылды. Бұл ғылыми ұйым XIX ғасырдың соңына дейін Ресей империясының шығыс аймақтарын зерттеудің негізгі орталықтарының бірі болды. 1917 жылға дейін БСБ ИРГО Батыс Сібірмен қатар Алтайға, қазақ даласының ішкі өңірлеріне, Моңғолияға, Қытайға және Тибетке дейін бірнеше жүз экспедиция ұйымдастырды. Осы ғылыми-институционалдық орта Словцовтың зерттеулеріне жүйелілік пен кең ауқымды салыстырмалы база берді. 1878 жылы Императорлық Орыс географиялық қоғамының Батыс-Сібір бөлімі Иван Яковлевич Словцовтың Ақмола облысының Көкшетау округіне жасаған сапарын ресми түрде бекітті. Өз сапарының нәтижелерін ғалым 1881 жылы «1878 жылы Ақмола облысының Көкшетау уезіне жасалған сапар кезінде жүргізілген жол жазбалары» атты еңбегінде жариялады (Статистика ... 2024). Бұл еңбек кейіннен Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихи-этнографиялық бейнесін зерттеудегі негізгі дереккөздердің біріне айналды.

Қазақстан-Ресей қатынастарының тарихын кең ауқымда қарастырып, осы үдерістегі Қазақстанның солтүстік өңірлерінің орнын қайта пайымдау барысында Словцовтың жол жазбаларының пайда болу алғышарттарын ескеру аса маңызды. Бұл жазбалар империялық ғылыми қызығушылықтың, әкімшілік бақылаудың және этнографиялық танымның тоғысқан нүктесінде дүниеге келді. Сондықтан оларды тек сипаттамалық материал ретінде емес, тарихи-этнографиялық интерпретацияға мүмкіндік беретін күрделі дереккөз ретінде қарастыру қажет.

Әкімшілік бірлік ретінде Көкшетау уезі 1854 жылы құрылды. 1878 жылғы Ақмола

облысына жасалған шолудың деректері бойынша Көкшетау уезі сол кезеңде астықтың шықпай қалуынан едәуір зардап шеккен (Щербинин 2024). Бұл жағдай жергілікті халықтың шаруашылық стратегиялары мен бейімделу тетіктерін күшейткен факторлардың бірі болды. 1897 жылғы халық санағының мәліметтері бойынша уезде 155,5 мың адам тұрған (Первая ... 1897), бұл өңірдің демографиялық әлеуетінің айтарлықтай екенін көрсетеді. 1895 жылғы «Өнеркәсіп, сауда, ауыл шаруашылығы және әкімшілік жөніндегі орыс кітабында» («Вся Россия») қазақ жерлері негізінен Ақмола, Семей және Жетісу облыстарын қамтыған Дала генерал-губернаторлығы ретінде көрсетіліп, мәтінде «бұрын Қырғыз-қайсақ ордалары немесе далалары деп белгілі болған өңір Сібірдің маңызды бөлігі болды» деп сипатталады (Щербинин ... 2024). Бұл көзқарас XIX ғасырдың соңындағы ғылыми-көпшілік әдебиетте Қазақстан аумағын игерілуі тиіс кеңістік ретінде қабылдаумен тікелей байланысты болды, ал мұндай қабылдау ғылыми экспедицияларға деген қызығушылықты күшейтті.

Словцовтың еңбегі сияқты бастапқы дереккөздер өздерінің түпнұсқалығымен және бақылаулардың тікелей сипатымен ерекше құнды. Олар зерттеушілерге тарихи құбылыстарды сол заманның куәгері көзімен пайымдауға мүмкіндік береді. Мұндай жазбалар XIX ғасырдың соңындағы Көкшетау уезіндегі әлеуметтік ахуалды, шаруашылық құрылымды және жергілікті халықтың табиғи әрі әлеуметтік ортадағы өзара әрекеттесуін түсінуге жағдай жасайды. Бұл тұрғыдан алғанда Словцовтың жол жазбалары өңірдің тарихи-этнографиялық келбетін қалпына келтірудегі маңызды куәлік болып табылады.

Экспедиция бағыты Омбы қаласынан бастап Көкшетау тауларының маңына дейінгі Ақмола облысының едәуір аумағын қамтыды. Словцов Петропавл қаласынан бастап, Есіл өзенінің жағалауы, Жалтыр және Балықтыкөл көлдері, Жеман-тау мен Айыртау таулары сияқты негізгі географиялық нүктелер арқылы өткен сапардың әрбір аялдамасын егжей-тегжейлі сипаттады. Бұл сипаттамалар өңірдің географиялық және табиғи ерекшеліктерін ғана емес, сонымен қатар жергілікті тұрғындардың тұрмыс-тіршілігі, қоныстану сипаты және мәдени тәжірибесі туралы маңызды этнографиялық мәліметтерді қамтиды.

Жол жазбаларының маңызды қырларының бірі – өңірдің физикалық-географиялық сипаттамаларына ерекше назар аударылуы. Словцов орографиялық, гидрографиялық, фитогеографиялық және зоогеографиялық шолуларды жүйелі түрде тіркеген. Оның еңбегінде Омбы, Петропавл, Ақмола және Атбасар арасындағы аумақта мекендейтін сүтқоректілер мен құстардың тізімі келтіріледі, бұл дереккөзді зоологтар мен экологтар үшін де құнды етеді. XXI ғасырда да бұл жазбаларды талдау арқылы Қазақ даласының солтүстік бөлігінің тарихи экологиялық жағдайын бағалауға болады.

Этнографиялық тұрғыдан алғанда, Словцовтың Көкшетау уезінің құрамына кірген руларды тізіп, олардың көші-қон аймақтарын жан-жақты талдауы ерекше назар аударады. Бұл деректер өңірдің әлеуметтік құрылымын, рулық ұйымдасу жүйесін және кеңістікті дәстүрлі пайдалану тәжірибесін түсінуге мүмкіндік береді. Әсіресе зерттеушінің қазақтардың дәстүрлі мерекелеріне, соның ішінде бәйге мен одан кейін өткен той рәсімдеріне берген сипаттамалары құнды. Ол бұл көріністерді дерлік авторлық редакциясына жақын, егжей-тегжейлі түрде баяндап, этнографиялық бай материал қалдырған.

Осы жазбалардың арқасында қазіргі зерттеушілер сол кезеңдегі көшпелі қоғамның

тарихи ерекшеліктерін, әлеуметтік нормаларын және әдет-ғұрыптарын тереңірек түсіне алады. Словцовтың еңбектері жеңіл әрі жүйелі тілмен жазылған, сипаттамалары ұстамды және жергілікті халыққа құрметпен қарауға негізделген, ал деректердің молдығы олардың сенімділігін арттырады.

Словцов сапарға шыққан жыл егіншілер үшін қолайсыз болғандықтан, оның бақылаулары табиғи факторлардың жергілікті халық өміріне ықпалын зерттейтін тарихшылар үшін ерекше құнды. Бұл жағдай шаруашылықтың дағдарыс кезеңінде қалай ұйымдастырылғанын және халықтың бейімделу стратегияларын көрсетуімен маңызды.

Әсіресе көшпелі мал шаруашылығы мен егіншілік шаруашылықтарының экономикалық және статистикалық тұрғыда қалай ұйымдастырылғаны туралы егжей-тегжейлі сипаттамалар назар аударарлық. Жазбаларда Ақмола даласында көшіп-қону маусымы шамамен бес айға созылғаны, ал қыс мезгілінде малшылардың отырықшы өмір салтын ұстанғаны атап өтіледі, бұл көшпелі тұрмыстың икемді сипатын көрсетеді.

Қазақ Ақылбек есімді ақпарат берушімен әңгімесіне сүйене отырып, Словцов қатардағы көшпендіге өмір сүру үшін қажет мал мен азық-түліктің ең төменгі көлеміне нақты есеп жүргізеді. Оның жазбасында: «Ақылбек, бақытты болу үшін саған не керек? – Он бас мал, екі әйел, екі баладан және бір киіз үй» деген жауап келтіріледі (Обзор ... 1879: 24). Бұл үзінді көшпелі қоғамның әлеуметтік құндылықтары мен өмір сүру өлшемдерін айқын көрсетеді.

Осыдан кейін Словцов бес адамнан тұратын бір көшпелі отбасының дәстүрлі кәсібі саналатын мал шаруашылығы арқылы өзін қалай қамтамасыз етуі керектігін егжей-тегжейлі есептейді. Негізгі тұтыну заттары ретінде ол нан, сүт, ет және киімді көрсетеді. Жазғы кезеңге қажетті ұн көлемін 15 пұт, қысқы кезеңге екі есе көп деп есептеп, бір жылда 57 пұт ұн қажет болатынын көрсетеді. Ұнның құнын есептей отырып, 28 рубль 50 тиын жұмсалатынын анықтайды, бұл экономикалық есептердің нақтылығын айғақтайды.

Сүт өнімдерін тұтыну бойынша да жан-жақты есептер келтіріледі. Отбасының қажеттілігін қамтамасыз ету үшін кемінде 3 бие, 4 сиыр және 10 қой қажет екені көрсетіледі. Қыстың жеті айға созылатынын ескере отырып, қосымша мал басының қажеттілігі де есепке алынады. Нәтижесінде бір отбасының өмір сүруін қамтамасыз ететін ең төменгі мал құрамы: 5 жылқы, 6 сиыр және 10 қой деп көрсетіледі (Обзор ... 1879: 24-25).

Словцовтың бұл есептеулері қазіргі заманғы ең төменгі тұтыну себетінің модельдерін еске түсіреді. Олар сол кезеңде Ресей империясының құрамына жаңадан енген аумақтардағы шаруашылық ұйымдасу қағидаларын түсіну үшін аса маңызды болды. Бұл есептер ғалымның шаруашылықты ұтымды басқару қажеттілігін де, қазақтар үшін малдың тек экономикалық емес, сакралды құндылыққа ие екенін де терең түсінгенін көрсетеді.

Словцов Көкшетау уезіндегі халық саны мен мал басы жөніндегі статистиканы да келтіреді: 59 145 тұрғынға 305 520 бас мал сәйкес келген, яғни бір адамға орта есеппен 5,1 малдан келген. Бұл деректер оның бір көшпендіге қажетті ең төменгі мал саны туралы жасаған есептерімен толық сәйкес келеді.

Сонымен қатар Көкшетау уезінде 11 605 киіз үй тіркелгені көрсетіледі, бұл бір киіз үйге шамамен 5 адамнан келгенін білдіреді. Уезд халқының шамамен 10%-ын мыңдаған малы бар ауқатты қазақтар құрағаны да атап өтіледі, бұл өңірдегі азық-түлікпен қамтамасыз ету деңгейінің салыстырмалы түрде жоғары болғанын көрсетеді (Обзор ...

1879: 26).

Словцовтың тағы бір маңызды тұжырымы – көшпелі мал шаруашылығына қажетті жер көлемін есептеуі. Бес адамнан тұратын, 23 малмен қамтамасыз етілген отбасы үшін кемінде 184 десятина шабындық қажет болған. Ал уездегі барлық мал басын есептей отырып, кемінде 2 442 080 десятина жер қажет деген қорытынды жасайды. Мұны отырықшы жер пайдаланумен салыстыра отырып, егер халық отырықшы болып, әр адамға 20 десятинадан бөлінсе, қажетті жер көлемі тоғыз есе аз болар еді деп көрсетеді (Обзор ... 1879: 41–42). Бұл тұжырым сол кезеңдегі қоныс аудару үдерісімен және Ресейдің орталық губернияларындағы жер тапшылығымен тікелей байланысты болды.

Көшпелі шаруашылықтың экономикалық тиімділігін бағалаумен қатар, Словцов егіншілікке қатысты да ұқсас есептер жүргізеді. Оның пікірінше, Көкшетау уезіндегі егіншіліктің негізгі орталығы Щучинск поселкесінің және оған жақын Қотыркөл станицасының маңы болған. Жер өңдеу деңгейін ол қарапайым деп бағалап, егіншілік айналымының нақты көрсеткіштерін келтіреді (Обзор ... 1879: 51).

Көшпелі өмір салтымен салыстыру егіншіліктің тұрақты өнім өндіру әлеуеті бар екенін, алайда жер өңдеудің жеткіліксіздігі мен ескірген әдістердің өнімділікті шектегенін көрсетеді. Бұл мәліметтер патша әкімшілігіне шаруашылық түрлерін империялық жүйеге кіріктіруде қандай басымдықтар ұстану қажет екенін айқындауға көмектесті.

Статистика зерттеу құралы ретінде экономиканың құрылымы мен динамикасын терең түсінуге мүмкіндік беретін нақты деректер ұсынады. Словцовтың жазбалары Көкшетау уезінің қалай дамығанын, қандай өнім өндірілгенін, қосымша өнімнің қалай бөлінгенін және тұтыну үрдістерінің қандай болғанын анықтауға мүмкіндік береді.

Осылайша, И. Я. Словцовтың жол жазбалары XIX ғасырдың соңындағы Көкшетау округі мен оның төңірегіне қатысты география, зоология, ботаника, этнография, статистика және экономика элементтерін біріктірген кешенді тарихи-этнографиялық дереккөз болып табылады.

Талқылау

Бұл жол жазбаларының тағы бір назар аударарлық қыры ретінде олардың пайда болу институционалдық және ғылыми контекстін атап өтуге болады. Иван Яковлевич Словцов Императорлық Орыс географиялық қоғамының Батыс-Сібір бөлімшесіндегі негізгі әрі белсенді тұлғалардың бірі болды, сондықтан оның еңбектері мемлекет қызметіндегі ғалымның зерттеу тәжірибесін айқын көрсетеді. Бұл жазбалар кездейсоқ бақылаулар жиынтығы емес, керісінше, империялық ғылым жүйесінде қалыптасқан әдістемелік талаптарға сай жүргізілген кешенді далалық зерттеулердің нәтижесі болып табылады. Империя өз аумағын кеңейте отырып, әртүрлі өңірлерге бағыттаған көптеген экспедициялар арқылы тек әкімшілік басқару қағидаттарын бекітіп қана қоймай, сонымен қатар жаңа аумақтардың табиғи, шаруашылық және этномәдени ерекшеліктерін тануға ұмтылды. Осы тұрғыдан алғанда, Көкшетау уезіне жасалған сапар барысында шаруашылықты ұйымдастырудың өзіндік ерекшеліктерінің, көшпелі және отырықшы қоғамдардың өмір салтының қалай ескерілгенін Словцовтың жазбалары айқын көрсетеді.

Солтүстік Қазақстан жерлері жайылымдарға, су көздеріне және табиғи ресурстарға

бай болғандықтан, империялық билік үшін экономикалық тұрғыдан тартымды өңір саналды. Бұл жағдай аймақты жүйелі түрде зерттеуге, оның ресурстық әлеуетін бағалауға және шаруашылық игерудің тиімді модельдерін іздестіруге түрткі болды. Словцовтың жол жазбаларын талдау арқылы Солтүстік Қазақстанның Ресей империясы үшін стратегиялық маңызы жоғары болғанын, сондай-ақ басқару мен экономикалық жоспарлауды жүзеге асыру үшін өңірдің этнографиялық және табиғи ерекшеліктерін терең түсіну қажеттілігі туындағанын байқауға болады. Бұл жазбаларда келтірілген деректер империялық саясаттың тек қана экономикалық мүдделерге емес, сонымен қатар жергілікті қоғамның дәстүрлі құрылымын ескеруге бағытталғанын да аңғартады.

Өңірдің тарихи ерекшеліктері мен дәстүрлі өмір салтын жан-жақты білу Солтүстік Қазақстан алдында тұрған қазіргі әлеуметтік-экономикалық үдерістер мен сын-қатерлерді тереңірек түсінуге мүмкіндік береді. Тарихи-этнографиялық дереккөздер аймақтың даму логикасын ұзақ мерзімді перспективада пайымдауға жағдай жасап, дәстүрлі шаруашылық тәжірибелер мен мәдени бейімделу механизмдерінің қазіргі заман үшін де өзектілігін көрсетеді. Мұндай дереккөздерді сақтау, ғылыми айналымға енгізу және жүйелі түрде зерттеу тарихи ғылым үшін ғана емес, сонымен қатар қазіргі қазақстандық-ресейлік қатынастарда стратегиялық көзқарас қалыптастыру үшін де маңызды.

Тарихи байланыстар мен екі елдің өзара ықпалдастығын терең түсіну экономика, мәдениет және саясат салаларында өзара тиімді ынтымақтастықты дамытуға ықпал етеді. Ортақ тарихи тәжірибені және өткен кезеңдердегі өзара әрекеттесу үлгілерін зерделеу қазіргі жағдайда Қазақстан мен Ресей арасындағы сенімді нығайтуға, тұрақты әрі прагматикалық серіктестік қатынастарды қалыптастыруға мүмкіндік береді. Мұндай тарихи-этнографиялық негізделген тәсіл жаһандық сын-қатерлер жағдайында ортақ мәселелерді бірлесіп шешуге және өңіраралық ынтымақтастық әлеуетін толық іске асыруға жағдай жасайды.

Қорытынды

И.Я. Словцовтың жол жазбалары Солтүстік Қазақстан өңірінің XIX ғасырдың соңындағы тарихи-этнографиялық болмысын кешенді түрде ашып көрсететін бірегей дереккөздер қатарына жатады. Бұл еңбектерде тек жекелеген тарихи шындықтар ғана сипатталып қоймай, өңірдің қалыптасқан этномәдени кеңістігі, дәстүрлі өмір салты және әлеуметтік құрылымының ішкі логикасы айқын көрініс табады. Словцовтың бақылаулары Солтүстік Қазақстан қоғамының табиғи ортаға, климаттық жағдайларға және кеңістіктік ерекшеліктерге бейімделу тетіктерін түсінуге мүмкіндік беріп, өңірдің қазіргі дамуын тарихи сабақтастық тұрғысынан пайымдауға негіз қалайды.

Словцов экономикалық қызметті, әсіресе көшпелі және отырықшы шаруашылық үлгілерін егжей-тегжейлі талдауға ерекше көңіл бөлген. Оның мал шаруашылығы мен егіншілікке қатысты жүргізген есептеулері дәстүрлі шаруашылықтың экономикалық ұтымдылығын, ресурстарды пайдалану логикасын және әлеуметтік қажеттіліктерді қанағаттандыру механизмдерін айқын көрсетеді. Қазіргі заманғы азық-түлік себетін бағалау әдістемелерін еске түсіретін бұл есептер ресурстарды ұтымды басқару қажеттігін көрсетіп қана қоймай, әлеуметтік-экономикалық ұйымдасудың тарихи негіздерін ашуға

ықпал етеді. Мұндай деректер жергілікті қоғамдардың табиғи және әлеуметтік ортаға бейімделу тәжірибесін тереңірек түсінуге және тарихи тәжірибеге сүйенген тиімді даму стратегияларын қалыптастыруға мүмкіндік береді.

Словцовтың мұрасын зерделеу арқылы Қазақстан мен Ресей арасындағы өзара ықпалдастық тарихын жан-жақты пайымдау мәселесін қайта көтерудің маңызы айқындалады. Бұл еңбектер шегаралық аймақтардағы этномәдени өзара әрекеттесу, шаруашылық тәжірибелерінің алмасуы және әлеуметтік бейімделу үдерістерінің ұзақ мерзімді сипатын көрсетеді. Тарихи үдерістердің барлық қырларын білу инфрақұрылымды дамыту, мәдени алмасу және экономикалық ынтымақтастық сияқты ортақ міндеттерді шешуде жаңа тәсілдерді қалыптастыруға жағдай жасайды, бұл көпқырлы әлемдік тәртіп аясындағы өңіраралық серіктестіктің маңызды элементі болып табылады.

Осылайша, шамамен екі ғасыр бұрын жарық көрген кеңесші Иван Яковлевич Словцовтың еңбектері қазіргі ғылыми зерттеулерге әлі де өз ықпалын тигізіп, Солтүстік Қазақстан өңірінің тарихи дамуының көпқырлылығын түсінуге арналған бай деректік және аналитикалық материал ұсынады. Бұл зерттеулер өңірлік тарих пен тарихи этнография саласындағы мамандар үшін ғана емес, сонымен қатар Қазақстан мен Ресей арасындағы өңірлік ынтымақтастықты стратегиялық жоспарлау және дамыту мәселелерімен айналысатын тарихшылар, саясаткерлер мен экономистер үшін де маңызды ғылыми негіз бола алады.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article

Алғыс білдіру

Авторлар мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді

Благодарности

Авторы благодарят за научно-редакторское сопровождение статьи.

Әдебиеттер тізімі

Вибе П.П., Захарова Н.А. Научная деятельность Ивана Яковлевича Словцова. В: *Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках.* Под редакцией П.П. Вибе. Омск: Омскбланкиздат. 2015. С. 314-319.

Вся Россия. *Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи*. СПб.: А. С. Суворин, 1895. X, XII с., 2319, 808, 496 стб., 324. 52 с.

Обзор Акмолинской области. Акмолинский обл. стат. ком. Омск: тип. Акмолин. обл. правления, за 1878 год. 1879. 37 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Наличное население в губерниях, уездах, городах Российской Империи (без Финляндии). https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=81 дата обращения: 02.08.2024.

Северный Казахстан. О регионах Казахстана. Туризм регионов Казахстана. https://www.orexca.

com/rus/kazakhstan/regions/northern_kazakhstan.htm дата обращения: 02.08.2024.
Словцов И.Я. *Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области, в 1878 году.* Омск, 1881. 82 с.
Статистика регионов РК. Бюро национальной статистики. https://stat.gov.kz/ru/region/ дата обращения: 02.08.2024.
Щербинин А.И. *Любите свой край родной, знайте его историю.* https://kokshetoday.kz/lyubite-svojj-krajj-rodnojj-znajjte-ego-istoriyu-chast-pervaya/ дата обращения: 03.08.2024.

References

Vibe P.P., Zakharova N.A. *Nauchnaia deiatelnost Ivana Iakovlevicha Slovtsova. In: Museology, Regional History and Local Studies in Contemporary Research and Practice.* Edited by P.P. Vibe. Omsk: Omskblankizdat, 2015. Pp.314-319. (In Russian)
Vsia Rossiia. Russkaia kniga promyshlennosti, torgovli, selskokhoziaistva i administratsii: torgovo-promyshlennyi adres-kalendar Rossiiskoi imperii. St Petersburg: A.S. Suvorin, 1895. X, XII p., 2319, 808, 496 col., 324, 52 p. (In Russian)
Obzor Akmolinskoi oblasti. Akmolinsk Regional Statistical Committee. Omsk: Akmolinsk Regional Administration Press, for the year 1878. [1879]. 37 p. (In Russian)
Pervaia Vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 goda. Nalichnoe naselenie v guberniiakh, uezdakh, gorodakh Rossiiskoi Imperii (bez Finliandii). URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=81 date of access: 02.08.2024. (In Russian)
Severnyi Kazakhstan. O regionah Kazahstana. Turizm regionov Kazahstana. URL: https://www.orexca.com/rus/kazakhstan/regions/northern_kazakhstan.htm date of access: 02.08.2024. (In Russian)
Slovtsov I.IA. *Putevye zapiski, vedennye vo vremia poezdki v Kokkchetavskii uezd, Akmolinskoi oblasti, v 1878 godu.* Omsk, 1881. 82 p. (In Russian)
Shcherbinin A. I. *Liubite svoi krai rodnoi, znaite ego istoriiu.* URL: https://kokshetoday.kz/lyubite-svojj-krajj-rodnojj-znajjte-ego-istoriyu-chast-pervaya/ date of access: 03.08.2024. (In Russian)
Statistika regionov RK. Biuro natsionalnoi statistiki. URL: https://stat.gov.kz/ru/region/ date of access: 02.08.2024. (In Russian)

Авторлар туралы мәліметтер

Жанар Сатылгановна Смаханова – Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты» шаруашылық жүргізу құқығындағы РМК ғылыми қызметкері, Қазақстан, Астана қаласы, Сарыарқа көшесі, 11 үй. https://orcid.org/0000-0002-6187-9202, z.deil@mail.ru
Таисия Викторовна Мармонтова – тарих ғылымдарының кандидаты, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты» шаруашылық жүргізу құқығындағы РМК бас ғылыми қызметкері, Қазақстан, Астана қаласы, Байқоңыр ауданы, А. Пушкин көшесі, 15Б үй. https://orcid.org/0000-0001-9162-297X, marmontova@mail.ru

Information about authors

Zhanar S. Smakhanova – Research Fellow at the Jochi Ulus Research Institute, Republican State Enterprise with the Right of Economic Management, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, 11 Saryarka Street, https://orcid.org/0000-0002-6187-9202, z.deil@mail.ru
Taisiya V. Marmontova – PhD in History, Chief Researcher at the Republican State Enterprise on the Right of Economic Management "Research Institute for Jochi Ulus Studies" of the Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Astana, Baikonyr District, 15B Aleksandr Pushkin Street. https://orcid.org/0000-0001-9162-297X, marmontova@mail.ru

Сведения об авторах

Жанар Сатылгановна Смаханова – научный сотрудник РГП на ПХВ «Научно-исследовательский институт изучения Улуса Джучи» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Казахстан, г. Астана, ул. Сарыарка, д. 11, https://orcid.org/0000-0002-6187-9202, z.deil@mail.ru
Таисия Викторовна Мармонтова – кандидат исторических наук, Главный научный сотрудник РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» КН МНВО РК, Казахстан, город Астана, район Байконыр, улица Александра Пушкина, дом 15Б. https://orcid.org/0000-0001-9162-297X, marmontova@mail.ru

Вклад авторов

Смаханова Ж.С. – провела сбор статистических данных и сравнительный анализ, участвовала в оформлении научного аппарата (ссылки, библиография), осуществила структурное и содержательное редактирование статьи.
Мармонтова Т.В. – разработала концепцию исследования, осуществила отбор и анализ источников, систематизировала исторические материалы, подготовила основные разделы текста.
Оба автора в равной степени участвовали в обсуждении результатов исследования и формулировании выводов.

Author Contributions

Smakhanova Zh.S. – collected statistical data and conducted comparative analysis; participated in preparing the scholarly apparatus (references, bibliography); carried out structural and substantive editing of the article.
Marmontova T.V. – developed the research concept; selected and analyzed sources; systematized historical materials; prepared the main sections of the manuscript.
Both authors contributed equally to the discussion of the research findings and the formulation of the conclusions.

Авторлар үлесі

Смаханова Ж.С. – статистикалық деректерді жинақтап, салыстырмалы талдау жүргізді, ғылыми аппаратты (сілтемелер, библиография) рәсімдеуге қатысып, мақаланың құрылымдық және мазмұндық редакциясын жүзеге асырды.

Мармонтова Т.В. – зерттеудің тұжырымдамасын әзірлеп, дереккөздерді іріктеу мен талдауды жүзеге асырды, тарихи материалдарды жүйелеп, мәтіннің негізгі бөлімдерін дайындады.
Екі автор да зерттеу нәтижелерін талқылауға және қорытындыларды қалыптастыруға тең дәрежеде қатысты.

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / ***Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.*** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. ***/ Раскрытие информации о конфликте интересов.*** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье.
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 10.03.2025
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 10.04.2025.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 30.09.2025.

JOURNAL OF THE NATIONAL CONGRESS OF HISTORIANS
ISSN: 3105-0042. eISSN: 3105-0050

DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.130.164

About the Renaming of Streets in Populated Areas of the Republic of Kazakhstan from 1994 to 2024 (First Half of the Year)

A. Shakenov✉
L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
✉*alikhan.shakenov@gmail.com*

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of street renaming processes in populated areas of the Republic of Kazakhstan from 1994 to the first half of 2024. These changes are interpreted as an important element of state memory policy aimed at transforming symbolic space, rethinking the Soviet legacy, and strengthening national identity. The relevance of this study is determined by the scale of toponymic transformations, which affected both rural settlements and cities of various administrative levels, as well as their significance for the formation of historical consciousness and the ideological landscape of modern Kazakhstan. Objective and Tasks. The purpose of this study is to identify quantitative and substantive patterns of street renaming in the Republic of Kazakhstan over a thirty-year period and determine their role in the processes of decommunization, decolonization, and nation-building. The objectives of the article are to systematize official data on street renaming; analyze the dynamics of renaming by year and region; identify the most frequently replaced Soviet and neutral toponyms; analyze new names reflecting national-historical and value orientations; determine the differences between urban and rural practices of toponymic changes. Materials and methods. The source base of the study consists of official decisions of maslikhats, akimats, and local executive bodies published in the state information and legal system "Adilet". The analysis includes 14,929 recorded cases of renaming streets, avenues, and lanes. Methodologically, the work is based on the method of continuous sampling, quantitative and comparative analysis, as well as the classification of data by year, region, type of settlements and the nature of old and new names, which made it possible to identify stable trends and regional features of toponymic policy. Results. The study found that the peak of renaming activity occurred between 2017 and 2023, with an absolute peak in 2018. More than half of all renamings were recorded in rural areas, indicating a targeted transformation of peripheral symbolic space. A consistent pattern of replacing Soviet ideological toponyms (Sovetskaya, Oktyabrskaya, and Komsomolskaya Streets, as well as the names of Soviet political figures) with names associated with national heroes, cultural figures, and abstract value categories (Dostyk, Täuelsözdük, Beybötshölük, and Atameken) was revealed. Regional analysis revealed significant variability in the intensity of renaming, reflecting differences in local approaches and management practices. Conclusions. The article concludes that street renaming in Kazakhstan is a systemic and long-term process that symbolically reinterprets the past and constructs a new national identity. Toponymic changes serve as a tool of memory politics and reflect both national ideological principles and regional specifics of their implementation. Kazakhstan's experience demonstrates the integration of political toponymy into global processes

© A. Shakenov, 2025

and confirms the significance of street names as a key element of the symbolic and cultural space of post-Soviet society.
Keywords: street renaming; toponymy; memory politics; decommunization; national identity; Republic of Kazakhstan

For citation: Shakenov A. About the Renaming of Streets in Populated Areas of the Republic of Kazakhstan from 1994 to 2024 (First Half of the Year). *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.130-164. *https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.130.164*

1994 жылдан 2024 жылға дейін Қазақстан Республикасының елді мекендеріндегі көшелердің атауларын өзгерту туралы (жылдың бірінші жартысы)

А. Шакенов

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Кіріспе. Бұл мақалада 1994 жылдан 2024 жылдың бірінші жартысына дейін Қазақстан Республикасының елді мекендеріндегі көше атауларын өзгерту процестеріне кешенді талдау жасалған. Бұл өзгерістер символикалық кеңістікті өзгертуге, кеңестік мұраны қайта қарастыруға және ұлттық бірегейлікті нығайтуға бағытталған мемлекеттік жады саясатының маңызды элементі ретінде түсіндіріледі. Бұл зерттеудің өзектілігі ауылдық елді мекендерге де, әртүрлі әкімшілік деңгейдегі қалаларға да әсер еткен топонимикалық трансформациялардың ауқымымен, сондай-ақ олардың тарихи сананың қалыптасуы мен қазіргі Қазақстанның идеологиялық ландшафтындағы маңыздылығымен анықталады. Мақсаты мен міндеттері. Бұл зерттеудің мақсаты - отыз жылдық кезең ішінде Қазақстан Республикасында көше атауларын өзгертудің сандық және мазмұндық үлгілерін анықтау және олардың декоммунизация, деколонизация және ұлт құру процестеріндегі рөлін анықтау. Мақаланың мақсаттары – көше атауларын өзгерту бойынша ресми деректерді жүйелеу; жыл және аймақ бойынша атауларды өзгерту динамикасын талдау; кеңестік және бейтарап топонимдерді жиі ауыстыратынын анықтау; ұлттық-тарихи және құндылық бағдарларын көрсететін жаңа атауларды талдау; қалалық және ауылдық топонимдік өзгерістердің тәжірибелеріндегі айырмашылықтарды анықтау. Материалдар мен әдістер. Зерттеудің дереккөз базасы «Әділет» мемлекеттік ақпараттық-құқықтық жүйесінде жарияланған мәслихаттардың, әкімдіктердің және жергілікті атқарушы органдардың ресми шешімдерінен тұрады. Талдауға көшелердің, даңғылдардың және жолдардың атауларын өзгертудің 14 929 тіркелген жағдайы кіреді. Әдістемелік тұрғыдан алғанда, жұмыс үздіксіз іріктеу әдісіне, сандық және салыстырмалы талдауға, сондай-ақ деректерді жылдар, аймақ, елді мекендердің түрі және ескі және жаңа атаулардың сипаты бойынша жіктеуге негізделген, бұл топонимикалық саясаттың тұрақты үрдістері мен аймақтық ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді. Нәтижелер. Зерттеу атауларды өзгерту белсенділігінің шыңы 2017 және 2023 жылдар аралығында болғанын, абсолютті шыңы 2018 жылы болғанын анықтады. Барлық атауларды өзгертудің жартысынан көбі ауылдық жерлерде тіркелген, бұл шеткі символикалық кеңістіктің мақсатты түрде трансформацияланғанын көрсетеді. Кеңестік идеологиялық топонимдерді (Советская, Октябрьская және Комсомольская көшелері, сондай-ақ кеңестік саяси қайраткерлердің есімдері) ұлттық батырлармен, мәдени қайраткерлермен және абстрактілі құндылық санаттарымен (Достық, Тәуелсіздік, Бейбітшілік

және Атамекен) байланысты есімдермен ауыстырудың тұрақты үлгісі анықталды. Аймақтық талдау жергілікті тәсілдер мен басқару тәжірибелеріндегі айырмашылықтарды көрсететін атауларды өзгерту қарқындылығының айтарлықтай өзгергіштігін анықтады. Қорытынды. Мақалада Қазақстандағы көше атауларын өзгерту өткенді символикалық түрде қайта түсіндіретін және жаңа ұлттық сәйкестікті құратын жүйелі және ұзақ мерзімді процесс екендігі туралы қорытынды жасалады. Топонимикалық өзгерістер есте сақтау саясатының құралы ретінде қызмет етеді және ұлттық идеологиялық қағидаттарды да, оларды жүзеге асырудың аймақтық ерекшеліктерін де көрсетеді. Қазақстан тәжірибесі саяси топонимияның жаһандық процестерге интеграциялануын көрсетеді және көше атауларының посткеңестік қоғамның символикалық және мәдени кеңістігінің негізгі элементі ретіндегі маңыздылығын растайды.

Түйін сөздер: көше атауларын өзгерту; топонимия; есте сақтау саясаты; декоммунизация; ұлттық сәйкестік; Қазақстан Республикасы

О переименовании улиц населенных пунктов Республики Казахстан за период с 1994 года по 2024 год (первое полугодие)

А. Шакенов

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу процессов переименования улиц в населённых пунктах Республики Казахстан в период с 1994 года по первое полугодие 2024 года. Рассматриваемые изменения интерпретируются как важный элемент государственной политики памяти, направленной на трансформацию символического пространства, переосмысление советского наследия и укрепление национальной идентичности. Актуальность исследования обусловлена масштабностью топонимических преобразований, охвативших как сельские населённые пункты, так и города различного административного уровня, а также их значением для формирования исторического сознания и идеологического ландшафта современного Казахстана. Целью исследования является выявление количественных и содержательных закономерностей переименования улиц в Республике Казахстан за тридцатилетний период и определение их роли в процессах декоммунизации, деколонизации и нациестроительства. В задачи статьи входит: систематизация официальных данных о переименованиях улиц; анализ динамики переименований по годам и регионам; выявление наиболее часто заменяемых советских и нейтральных топонимов; анализ новых наименований, отражающих национально-исторические и ценностные ориентиры; определение различий между городскими и сельскими практиками топонимических изменений. Материалы и методы. Источниковую базу исследования составляют официальные решения маслихатов, акиматов и местных исполнительных органов, опубликованные в государственной информационно-правовой системе «Әділет». В анализ включены 14 929 зафиксированных случаев переименования улиц, проспектов и переулков. Методологически работа опирается на метод сплошной выборки, количественный и сравнительный анализ, а также классификацию данных по годам, регионам, типам населённых пунктов и характеру старых и новых наименований, что позволило выявить устойчивые тенденции и региональные особенности топонимической политики. Результаты. В ходе исследования установлено, что наибольшая активность переименований пришлась на 2017-2023 годы, с абсолютным пиком в 2018 году. Более половины всех переименований

зафиксировано в сельской местности, что свидетельствует о целенаправленной трансформации периферийного символического пространства. Выявлен устойчивый характер замены советской идеологической топонимии (улицы Советская, Октябрьская, Комсомольская, а также имена советских политических деятелей) на наименования, связанные с национальными героями, деятелями культуры и абстрактными ценностными категориями («Достық», «Тәуелсіздік», «Бейбітшілік», «Атамекен»). Региональный анализ показал значительную вариативность интенсивности переименований, отражающую различия в локальных подходах и управленческих практиках. В статье делается вывод о том, что переименование улиц в Казахстане представляет собой системный и долговременный процесс, выполняющий функцию символического переосмысления прошлого и конструирования новой национальной идентичности. Топонимические изменения выступают инструментом политики памяти и отражают как общегосударственные идеологические установки, так и региональные особенности их реализации. Казахстанский опыт демонстрирует включенность в глобальные процессы политической топонимики и подтверждает значимость уличных названий как одного из ключевых элементов символического и культурного пространства постсоветского общества.
Ключевые слова: переименование улиц; топонимика; политика памяти; декоммунизация; национальная идентичность; Республика Казахстан

Для цитирования: Шакенов А. О переименовании улиц населенных пунктов Республики Казахстан за период с 1994 года по 2024 год (первое полугодие). *Journal of the National Congress of Historians.* 2025. Vol.3, no.3, pp.130-164.*https://doi.org/ 10.65076/3105-0042.2025.3.130.164*

Введение

Переименование улиц в Республике Казахстан является одним из наиболее масштабных и долговременных направлений государственной политики по восстановлению исторической справедливости, укреплению национальной идентичности и модернизации топонимической среды. Начиная с 1994 года процесс приобрёл системный характер и стал отражением более широких социокультурных трансформаций, связанных с деколонизацией пространства, переоценкой советского наследия и усилением роли национальных исторических фигур, событий и ценностей в общественном сознании. Топонимические изменения затрагивают как сельские населённые пункты, так и города районного, областного и республиканского значения, формируя многослойную картину региональной динамики и различий в подходах.

За тридцать лет в стране было переименовано свыше 14,9 тысяч улиц различного типа, что делает данный массив уникальным по масштабам и глубине историко-культурных преобразований. Существенные колебания количества переименований по годам отражают влияние политических решений, нормативных изменений и активности местных представительных органов. Анализ распределения по регионам, по видам старых и новых названий, по частоте изменения конкретных топонимов позволяет выявить не только тенденции национальной политики памяти, но и региональные особенности формирования современной топонимической карты Казахстана. Настоящее исследование направлено на систематизацию накопленных данных и выявление ключевых закономерностей процессов переименования улиц в 1994-2024 годах.

Материалы и методы

Исследование основано на сплошном анализе массива официальных решений маслихатов, акиматов и постановлений местных исполнительных органов, опубликованных в государственной информационно-правовой системе нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». В выборку включены все доступные решения о переименовании улиц, переулков, проспектов и иных объектов улично-дорожной сети за период с 1994 по первое полугодие 2024 года, что позволило сформировать единую базу из 14 929 переименований. Дополнительно осуществлялась классификация данных по годам, регионам, типам населённых пунктов и повторяемости отдельных старых и новых названий.

Методологически исследование опирается на количественный и сравнительный анализ. На первом этапе проводилась структуризация данных: выделение годовой динамики, распределение по областям и городам, определение частоты замены наиболее распространённых советских и нейтральных названий, а также частоты использования новых идеологических и культурно-исторических топонимов. На втором этапе осуществлялся сравнительный анализ региональных различий, позволяющий выявить асимметрию активности переименований и специфику топонимической политики на местах. На завершающем этапе данные агрегировались для формирования общей картины топонимических трансформаций в стране за тридцатилетний период.

Литературный обзор

Современные исследования переименования улиц демонстрируют, что топонимические трансформации являются важным инструментом конструирования коллективной памяти, формирования идентичности и политического управления городским пространством. Работы последних лет (2020-2025) подтверждают, что процессуальный характер одонимии отражает глубинные социальные изменения и выступает частью более широких стратегий декоммунизации, деколонизации и символического переписывания городского ландшафта. Исследования, проведённые в Украине после принятия закона о декоммунизации (Kuczabski, Boychuk 2020; Gnatiuk 2023; Vira 2024), показывают, что массовое изменение названий улиц стало инструментом утверждения новой исторической парадигмы и активного вовлечения населения в переосмысление прошлого. Количественные модели уличных переименований, разработанные для Румынии (Rusu 2021; Rusu 2024), выявляют устойчивые паттерны политической топонимики, включая цикличность и зависимость от смены режимов, а также влияние локальных особенностей на формирование «текста города». Сравнительные исследования Польши и Болгарии (Ochman 2024; Vlahova-Angelova 2024) подчёркивают значимость восприятия переименований жителями, демонстрируя, что символические преобразования тесно сопряжены с вопросами повседневных практик и локальной идентичности. В странах Африки и Азии (Kabinde-Machate 2024; Amini Ngabonziza 2025; Chen 2025) уличная топонимия рассматривается как поле политической борьбы и средство реконфигурации памяти после конфликтов и колониального наследия. Сборники по современной городской топонимике (Golomidova, Goryaev 2023; Basik 2020;

Kareem 2025) акцентируют внимание на теоретических подходах, включая понятия одонимического ландшафта, вертикальности власти и символической репрезентации. В целом литература показывает, что переименование улиц является сложным социокультурным процессом, объединяющим политические решения, историческую политику, региональные особенности и общественные реакции, а также предоставляет методологические основания для анализа казахстанского опыта топонимических изменений.

Результаты

Всего за указанный период переименовано 14 929 улиц, переулков, проспектов и тд. Статистика количества переименований по годам (1994-2024): 1994 год – 1 улица, 1995 – 1, 1998 – 1, 2006 – 5, 2007 – 540, 2008 – 216, 2009 – 653, 2010 – 522, 2011 – 526, 2012 – 227, 2013 – 1, 2014 – 288, 2015 – 694, 2016 – 300, 2017 – 1 114, 2018 – 3 034 (рекорд), 2019 – 1 127, 2020 – 1 831, 2021 – 705, 2022 – 1 030, 2023 – 1 956, 2024 – 157.

В селах, поселках, населенных пунктах, поселениях, станциях, аулах и т.д. переименовано 7715 улица. В городах районного значения переименовано 1670 улиц. В городах областного значения 714 улиц. В областных центрах 2902 улица и 3 города республиканского значения – 1929.

Переименования в разрезе областных центров:

Актау – 48 улиц (все в 2023 году);

Актобе – 500 (2008 – 10 улиц, 2009 – 7, 2010 – 7, 2014 – 1, 2016 – 13, 2017 – 22, 2018 – 218, 2020 – 133, 2021- 10, 2023 - 79);

Атырау – 433 (1998 – 1, 2011 – 137, 2019 – 6, 2020 – 19, 2022 – 157, 2023 - 113);

Жезказган – 4 (2024 – 4);

Караганда – 55 (2009 – 3, 2015 – 19, 2016 – 5, 2018 – 1, 2019 – 17, 2020 - 10);

Кокшетау – 119 (2008 – 2, 2009 – 2, 2010 – 1, 2014 – 2, 2017 – 10, 2018 – 74, 2019 – 1, 2022 – 20, 2023 - 7);

Костанай – 21 (2010 – 12, 2014 – 1, 2017 – 2, 2018 – 2, 2019 – 3, 2020 - 1);

Кызылорда – 268 (2011 – 8, 2012 – 4, 2014 – 8, 2015 – 1, 2016 – 19, 2017 – 77, 2018 – 10, 2019 – 27, 2021 – 49, 2023 – 55, 2024 - 10);

Конаев – 5, все в 2023 году;

Павлодар – 150 (2007 – 1, 2016 – 1, 2018 – 16, 2020 – 58, 2022 – 17, 2023 - 57);

Петропавловск – 25 (2006 – 2, 2008 – 2, 2009 – 12, 2015 – 4, 2017 – 4, 2019 - 1);

Талдыкорган – 26 (2018 – 5, 2019 – 5, 2024 - 16);

Тараз – 450 (2007 – 3, 2009 – 2, 2010 – 9, 2012 – 1, 2014 – 1, 2015 – 2, 2018 – 227, 2021 – 85, 2022 – 111, 2023 - 9);

Орал – 247 (2009 – 12, 2010 – 37, 2018 – 132, 2020 – 51, 2022 – 14, в 2019 - 1);

Усть-Каменогорск – 93 (2007 – 6, 2008 – 3, 2011 – 1, 2018 – 23, 2019 – 35, 2020 -1, 2021 – 5, 2023 - 19);

Шымкент – 456 (2006 – 3, 2007 – 108, 2008 – 101, 2010 – 58, 2014 – 179, 2017 - 7);

Переименования в разрезе регионов:

Область Абай – 30 улиц; Акмолинская – 1913; Актюбинская – 1144; Алматинская – 1900; Атырауская – 808; Восточно-Казахстанская – 859; Жамбылская – 1342; Жетісу – 29; Западно-Казахстанская – 1118; Карагандинская – 913; Костанайская – 154;

Кызылординская – 640; Мангистауская – 62; Павлодарская – 762; Северо-Казахстанская – 374; Туркестанская – 328; Ұлытау – 6; Южно-Казахстанская – 618; Шымкент – 487; Алматы – 654; Астана (Нур-Султан) – 788.

Часто замененные названия, связанные с советской эпохой:

Советская – 250 (также в различных интерпретациях); Комсомольская – 176; Октябрьская – 261; Первомайская – 74; Пионерская – 82; Победы – 70; Целинная – 128.

Так, улицы Советская в 228 раз переименовывали в сельской местности. В разрезе годов: в 2007 году – 3 раза переименовали, в 2008 году – 5 раз, в 2009 году – 11, в 2010 году – 12, в 2011 году – 9, в 2012 году – 7, в 2015 году – 14, в 2016 году – 5, в 2017 году – 20, в 2018 году – 71, в 2019 году – 20, в 2020 году – 16, в 2021 году – 15, в 2022 году – 18, в 2023 году – 21, в 2024 году – 3.

В разрезе регионов: в области Абай – 1 улица, Акмолинская область – 43 улицы, Актюбинская область – 15 улиц, Алматинская область – 10 улиц, в г. Астана – 3 раза (переулок Советской Армии – 1, 2 улицы в разных жилых массивах), Восточно-Казахстанская область – 65 улиц, Жамбылская область – 8 улиц, Западно-Казахстанская область – 25 улиц, Карагандинская область – 21 улица, Костанайская область – 8 улиц, Кызылординская область – 2 улицы, Павлодарская область – 25 улиц, Северо-Казахстанская область – 23 улицы, Южно-Казахстанская – 1 улица.

Улица Комсомольская. В сельской местности переименовывали 152 раза. В разрезе годов: в 2007 году – 1, в 2008 году – 3, в 2009 году – 9, в 2010 году – 3, в 2011 году – 4, в 2012 году – 2, в 2014 году – 1, в 2015 году – 9, в 2016 году – 1, в 2017 году 14, в 2018 году – 51 улица, в 2019 году – 11, в 2020 году – 11, в 2021 году – 10, в 2022 году – 22, в 2023 году – 23, в 2024 году – 1.

В разрезе регионов: Акмолинская область – 37, Актюбинская область – 9, Алматинская область – 10, г. Алматы – 3, г. Астана – 1, Атырауская область – 1, Восточно-Казахстанская область – 23, Жамбылская область – 9, Западно-Казахстанская область – 17, Карагандинская область – 18, Костанайская область – 10, Кызылординская область – 1, Павлодарская область – 14, Северо-Казахстанская область – 22, Южно-Казахстанская область – 1.

Улица Октябрьская. В сельской местности переименовывали 229 раз. В разрезе годов: в 2007 году – 2, в 2008 году – 6, в 2009 году – 13, в 2010 году – 8, в 2011 году – 17, в 2012 году – 4, в 2014 году – 1, в 2015 году – 19, в 2016 году – 9, в 2017 году – 22, в 2018 году – 66, в 2019 году – 24, в 2020 году – 15, в 2021 году – 21, в 2022 году – 16, в 2023 году – 25, в 2024 году – 2.

В разрезе областей и городов показывает следующее. В Абайской области зарегистрирована 1 улица. В Акмолинской области – 59 улиц. В Актюбинской области – 19 улиц. В Алматинской области – 11 улиц. В городе Астана – 1 улица. В Атырауской области – 2 улицы. Восточно-Казахстанская область также указана дважды: один раз с 34 улицами и один раз с 4 улицами. В Жамбылской области – 13 улиц. В Западно-Казахстанской области – 27 улиц. Карагандинская область указана в двух вариантах: с 11 и с 13 улицами. В Костанайской области – 14 улиц. В Кызылординской области – 5 улиц. В Павлодарской области – 27 улиц. В Северо-Казахстанской области – 19 улиц. В Южно-Казахстанской области – 1 улица.

Улица Первомайская. По годам количество новых названий улиц распределяется следующим образом. В 2007 году было переименовано 1 улица, в 2008 году – также 1

улица. В 2009 году – 3 улицы, в 2010 году – 1 улица, в 2011 году – 4 улицы, в 2012 году – 3 улицы. В 2015 году количество увеличилось до 7 улиц, в 2016 году – 4 улицы, в 2017 году – 6 улиц. В 2018 году – 18 улиц. В 2019 году было переименовано 6 улиц, в 2020 году – 9 улиц, в 2021 году – 1 улица, в 2022 году – 5 улиц, и в 2023 году – 5 улиц. В сумме это составляет 74 переименованные улицы.

В разрезе регионов. Акмолинская область имеет 19 переименованных улиц. В Актюбинской области – 7 улиц. В Алматинской области – 6 улиц. В городе Алматы – 1 улица. В Атырауской области – 2 улицы. Во Восточно-Казахстанской области – 9 улиц. В Жамбылской области также 9 переименованных улиц. В Западно-Казахстанской области – 10 улиц. Карагандинская область – 6 улиц. Павлодарская область имеет 3 улицы. В Северо-Казахстанской области – 2 улицы.

Улица Пионерская. В 2008 году было переименовано 4 улицы. В 2009 году — также 4 улицы. В 2010 году – 2 улицы. В 2011 году – 1 улица, и столько же – 1 улица – в 2012 году. В 2015 году количество выросло до 5 улиц, в 2016 году — 1 улица, а в 2017 году отмечается резкий скачок: 12 улиц. В 2018 году – 22 улицы. В 2019 году было переименовано 7 улиц, в 2020 году – 6 улиц, в 2021 году – 3 улицы. В 2022 году – 5 улиц, а в 2023 году – 9 улиц. Суммарно это составляет 82 переименованные улицы.

В разрезе регионов. В Абайской области было переименовано 1 улица. В Акмолинской области – 17 улиц. В Актюбинской области – 4 улицы. В Алматинской области – 8 улиц. В городе Алматы – 1 улица. В Атырауской области – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области данные указаны двумя строками: одна содержит 7 улиц, другая 2 улицы – всего 9. В Жамбылской области – 7 улиц. В Западно-Казахстанской области – 8 улиц. Карагандинская область – 9. В Костанайской области – 2 улицы. В городе Нур-Султан – 1 улица. В Павлодарской области — 8 улиц. В Северо-Казахстанской области – 6 улиц.

Улица Победы. В 2007 году было переименовано 1 улица. В 2010 году – 4 улицы. В 2011 году – 3 улицы, а в 2012 году – 1 улица. В 2015 году – также 4 улицы. В 2017 году объём вырос до 11 улиц. В 2018 году зафиксировано 18 переименований – это один из самых активных годов. В 2019 году – 6 улиц, в 2020 году – 5 улиц. В 2022 году вновь наблюдается рост – 11 улиц. В 2023 году было переименовано 6 улиц. В сумме эти данные дают 70 переименованных улиц.

В разрезе регионов. В Акмолинской области было переименовано 13 улиц. В Актюбинской области – 5 улиц. В Алматинской области – 8 улиц. В городе Алматы – 1 улица. В городе Астана – также 1 улица. В Атырауской области – 3 улицы. Во Восточно-Казахстанской области – 1 улица. В Жамбылской области – 8 улиц. В Жетісу – 1 улица. В Западно-Казахстанской области — 9 улиц. В Карагандинской области – 10 улиц. В Павлодарской области – 10 улиц.

Улица Целинная. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году было переименовано 2 улицы, в 2008 году – 4 улицы, в 2009 году – 14 улиц, в 2010 году – 6 улиц. В 2011 году было переименовано 3 улицы, а в 2012 году – 1 улица. В 2015 году зафиксировано 3 переименования, в 2016 году – 1, в 2017 году – 17 улиц. Наибольший пик пришёлся на 2018 год – 38 улиц. В 2019 году было переименовано 6 улиц, в 2020 году – 11 улиц, в 2021 году – 1 улица. В 2022 году – 8 улиц, в 2023 году – 12 улиц, а в 2024 году – 1 улица. В сумме это составляет 128 переименованных улиц.

В разрезе регионов. В Абайской области было переименовано 1 улица. В Акмолинской области – 55 улиц, что является самым высоким показателем среди всех регионов. В Актюбинской области – 4 улицы. В Алматинской области – 3 улицы. В городе Астана – 2 улицы. Во Восточно-Казахстанской области – 3 улицы. В Жамбылской области – также 3 улицы. В Западно-Казахстанской области переименовано 16 улиц. В Карагандинской области – 15 улиц. В Мангистауской области – 1 улица. В Павлодарской области – 23 улицы. В Северо-Казахстанской области – 2 улицы.

Статистика переименований исторических личностей советского периода:

В. Ленин – 330 (в различных интерпретациях – В. Ленин, Ленин, Ленинская, Ленин жолы и тд.); С. Киров – 92; М. Калинина – 53; К. Маркса – 64; М. Фрунзе – 31; Ю. Гагарина – 61; Ф. Энгельса – 20; В. Чкалов – 21; Ф. Дзержинского – 32; Я. Свердлова – 15; Н. Крупская – 27.

В разрезе наименований.

В. Ленин. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году было переименовано 4 улицы. В 2008 году – 9 улиц. В 2009 году – 17 улиц. В 2010 году –13 улиц. В 2011 году – 15 улиц, а в 2012 году – 7 улиц. В 2014 году зафиксировано 1 переименование. В 2015 году – 18 улиц, в 2016 году – 11 улиц. В 2017 году количество увеличилось до 35 улиц. В 2018 году наблюдается крупнейший всплеск – 84 улицы. В 2019 году было переименовано 22 улицы, в 2020 году – 25 улиц, в 2021 году — 18 улиц. В 2022 году –26 улиц, в 2023 году – 23 улицы, а в 2024 году – 2 улицы. В общей сложности это составляет 330 переименованных улиц.

В разрезе регионов. В Абайской области было переименовано 2 улицы. В Акмолинской области – 60 улиц, что делает её одним из лидеров по количеству переименований. В Актюбинской области – 17 улиц. В Алматинской области – 14 улиц. В городе Алматы – 2 улицы. В городе Астана – также 2 улицы. Во Восточно-Казахстанской области наблюдается значительный объём – 55 улиц. В Жамбылской области – 21 улица. В Западно-Казахстанской области – 24 улицы. В Карагандинской области – 33 улицы. В Костанайской области – 17 улиц. В Кызылординской области – 3 улицы. В Павлодарской области – 42 улицы, что также является одним из самых высоких показателей. В Северо-Казахстанской области –37 улиц. В Южно-Казахстанской области – 1 улица.

Улица С. Кирова. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году было переименовано 2 улицы, в 2009 году – 6 улиц, в 2010 году – 2 улицы, в 2011 году – 5 улиц, в 2012 году – 3 улицы, в 2013 году – 1 улица, в 2015 году – 2 улицы, в 2016 году – 3 улицы, в 2017 году – 10 улиц, в 2018 году – 15 улиц. В 2019 году – 7 улиц, в 2020 году – 11 улиц, в 2021 году – 4 улицы, в 2022 году –7 улиц, в 2023 году – 12 улиц, а в 2024 году – 2 улицы.

В общей сложности это составляет 92 переименованные улицы.

По областям и городам статистика выглядит следующим образом.

В Абайской области было переименовано 1 улица. В Акмолинской области – 17 улиц. В Актюбинской области — 5 улиц. В Алматинской области – 5 улиц. Во Восточно-Казахстанской области – 28 улиц, что делает её самым активным регионом. В Жамбылской области – 3 улицы. В Западно-Казахстанской области – 5 улиц. В Карагандинской области – 3 улицы. В Костанайской области — 1 улица. В Кызылординской области – 1 улица. В Павлодарской области – 12 улиц. В Северо-Казахстанской области – 11 улиц.

Улица М. Калинина. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году было переименовано 1 улица. В 2009 году – 2 улицы. В 2010 году – 2 улицы. В 2011 году – 1 улица. В 2012 году –1 улица. В 2015 году – 1 улица, в 2016 году – также 1 улица. В 2017 году количество увеличилось до 5 улиц. В 2018 году был значительный рост – 12 улиц. В 2019 году –6 улиц, в 2020 году –5 улиц, а в 2021 году – 4 улицы. В 2022 году – 6 улиц, в 2023 году – 4 улицы, в 2024 году – 2 улицы. Всего 53 переименований.

По областям и городам статистика следующая. В Абайской области было переименовано 1 улица. В Акмолинской области – 5 улиц. В Актюбинской области – 1 улица. В Алматинской области – 3 улицы. Во Восточно-Казахстанской области – 5 улиц. В Жамбылской области – 1 улица. В Западно-Казахстанской области – 2 улицы. В Карагандинской области –7 улиц. В Костанайской области – 1 улица. В Кызылординской области – 1 улица. В Павлодарской области – 4 улицы. В Северо-Казахстанской области – 10 улиц. В Туркестанской области – 1 улица.

Улица К. Маркса. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 1994 году была переименована 1 улица. В 2007 году –3 улицы. В 2008 году – 3 улицы. В 2009 году – 2 улицы. В 2011 году – 3 улицы. В 2012 году – 1 улица. В 2015 году – 1 улица. В 2017 году количество выросло до 10 улиц. В 2018 году – 12 улиц. В 2019 году – 2 улицы. В 2020 году – 5 улиц. В 2021 году – 4 улицы. В 2022 году – 9 улиц. В 2023 году – 6 улиц. В 2024 году – 2 улицы. Всего переименовано 64 улицы.

По областям и городам данные выглядят так. В Абайской области было переименовано 1 улица. В Акмолинской области – 14 улиц. В Актюбинской области – 3 улицы. В Алматинской области – 7 улиц. В Восточно-Казахстанской области – 15 улиц. В Жамбылской области – 1 улица. В Западно-Казахстанской области – 3 улицы. В Карагандинской области – 5 улиц. В Костанайской области – 2 улицы. В Кызылординской области – 2 улицы. В Павлодарской области – 9 улиц. В Северо-Казахстанской области – 21 улица. В Туркестанской области – 2 улицы. В Улытау – 1 улица.

Улица М. Фрунзе. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году была переименована 1 улица. В 2008 году – 1 улица. В 2009 году – 1 улица. В 2010 году – 2 улицы. В 2012 году – 1 улица. В 2017 году количество выросло до 5 улиц. В 2018 году – 10 улиц. В 2019 году – 2 улицы. В 2020 году – 2 улицы. В 2022 году – 2 улицы. В 2023 году –3 улицы. В 2024 году –1 улица.

В общей сложности по годам зафиксировано 31 переименованная улица.

По областям и городам данные распределяются следующим образом.

В Акмолинской области переименовано 6 улиц. В Актюбинской области –2 улицы. В городе Алматы — 3 улицы. В городе Астана – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 2 улицы. В Жамбылской области – 4 улицы. В Западно-Казахстанской области – 3 улицы. В Карагандинской области – 1 улица. В Костанайской области – 1 улица. В Кызылординской области –1 улица. В Павлодарской области – 5 улиц. В Южно-Казахстанской области – 1 улица. В Улытау – 1 улица.

Улица Ю. Гагарина. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году была переименована 1 улица. В 2008 году – 1 улица. В 2009 году – 3 улицы. В 2011 году – 1 улица. В 2014 году – 1 улица. В 2015 году – 7 улиц. В 2016 году – 1 улица. В 2017 году количество увеличилось до 9 улиц. В 2018 году – 11

улиц. В 2019 году – 2 улицы. В 2020 году – 5 улиц. В 2021 году – 2 улицы. В 2022 году – 4 улицы. В 2023 году – 12 улиц. В 2024 году – 1 улица.

В общей сложности по годам зафиксировано 61 переименованная улица.

По областям и городам распределение следующее. В Алматинской области – 1 улица. В городе Алматы – 3 улицы. В городе Астана – 1 улица. В Атырауской области – 2 улицы. В Жамбылской области – 4 улицы. В Западно-Казахстанской области – 11 улиц. В Карагандинской области – 5 улиц. В Костанайской области – 1 улица. В Кызылординской области – 1 улица. В Павлодарской области – 6 улиц. В Северо-Казахстанской области – 3 улицы. В Туркестанской области – 2 улицы. В городе Шымкент – 2 улицы. В Южно-Казахстанской области – 4 улицы.

Улица Ф. Энгельса. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году была переименована 1 улица. В 2008 году – 1 улица. В 2009 году – 1 улица. В 2010 году – 1 улица. В 2011 году – 2 улицы. В 2012 году – 1 улица. В 2016 году – 1 улица. В 2017 году – 1 улица. В 2018 году – 3 улицы. В 2021 году – 1 улица. В 2022 году – 4 улицы. В 2023 году – 1 улица. В 2024 году – 2 улицы. В общей сложности по годам зафиксировано 20 переименованных улиц.

По областям и городам статистика распределяется следующим образом.

В Акмолинской области было переименовано 5 улиц. В Актюбинской области –1 улица. В Атырауской области – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 1 улица. В Жамбылской области – 1 улица. В Западно-Казахстанской области – 1 улица. В Карагандинской области – 3 улицы. В Костанайской области – 1 улица. В Павлодарской области –3 улицы. В Северо-Казахстанской области – 2 улицы. В Южно-Казахстанской области – 1 улица.

Улица В. Чкалова. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году была переименована 1 улица. В 2009 году – 1 улица. В 2010 году – 1 улица. В 2011 году – 1 улица. В 2012 году – 1 улица. В 2015 году – 1 улица. В 2017 году переименовано 3 улицы. В 2018 году – 4 улицы. В 2019 году – 1 улица. В 2020 году – 3 улицы. В 2022 году – 1 улица. В 2023 году – 2 улицы. В 2024 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 21 переименованная улица.

Статистика по областям и городам выглядит следующим образом.

В Акмолинской области было переименовано 7 улиц. В Актюбинской области – 2 улицы. В Алматинской области – 3 улицы. В городе Астана – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 2 улицы. В Западно-Казахстанской области – 1 улица. В Карагандинской области – 1 улица. В Кызылординской области – 1 улица. В Павлодарской области – 1 улица. В Северо-Казахстанской области – 1 улица. В Южно-Казахстанской области – 1 улица.

Улица Ф. Дзержинского. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году было переименовано 3 улицы. В 2008 году – 1 улица. В 2010 году – 1 улица. В 2011 году – 1 улица. В 2012 году – 1 улица. В 2015 году – 2 улицы. В 2017 году – 5 улиц. В 2018 году также – 5 улиц. В 2019 году – 3 улицы. В 2020 году – 2 улицы. В 2021 году – 2 улицы. В 2022 году – 3 улицы. В 2023 году – 3 улицы. В общей сложности по годам зафиксировано 32 переименованные улицы.

По областям и городам распределение следующее. В Акмолинской области было переименовано 2 улицы. В Актюбинской области – 2 улицы. В Алматинской области

–2 улицы. В городе Астана – 2 улицы. В Атырауской области – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 3 улицы. В Жамбылской области — 5 улиц. В Карагандинской области также – 5 улиц. В Павлодарской области – 4 улицы. В Северо-Казахстанской области – 4 улицы. В Туркестанской области – 1 улица. В Южно-Казахстанской области — 1 улица.

Улица Я. Свердлова. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2009 году была переименована 1 улица. В 2010 году – 2 улицы. В 2017 году – 2 улицы. В 2018 году – 4 улицы. В 2019 году – 1 улица. В 2020 году – 1 улица. В 2021 году – 1 улица. В 2023 году – 2 улицы. В 2024 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 15 переименованных улиц.

По областям и городам статистика выглядит следующим образом.

В Акмолинской области было переименовано 4 улицы. В Алматинской области – 2 улицы. В городе Алматы – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 2 улицы. В Жамбылской области – 1 улица. В Западно-Казахстанской области – 1 улица. В Карагандинской области – 1 улица. В Костанайской области – 1 улица. В Кызылординской области – 1 улица. В Северо-Казахстанской области – 1 улица.

Улица Н. Крупская. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году была переименована 1 улица. В 2009 году – 2 улицы. В 2010 году – 1 улица. В 2014 году – 1 улица. В 2015 году –2 улицы. В 2017 году – 1 улица. В 2018 году – 5 улиц. В 2019 году – 3 улицы. В 2020 году – 4 улицы. В 2022 году – 5 улиц. В 2023 году – 2 улицы. В общей сложности по годам зафиксировано 27 переименованных улиц.

По областям и городам распределение выглядит следующим образом.

В Акмолинской области было переименовано 3 улицы. В Алматинской области – 2 улицы. В городе Астана – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 6 улиц. В Жамбылской области – 5 улиц. В Западно-Казахстанской области – 2 улицы. В Павлодарской области – 3 улицы. В Северо-Казахстанской области – 3 улицы. В Туркестанской области – 1 улица. В Южно-Казахстанской области – 1 улица.

Часто замененные нейтральные названия:

Школьная – 223; Степная – 201; Набережная – 168; Мира – 176; Молодежная – 165; Центральная – 168; Садовая – 162; Новая – 110; Строительная – 105.

Часто встречающиеся новые названия:

Достык – 297; Тәуелсіздік – 270; Бейбітшілік – 234; Бірлік – 168; Жастар – 133; Жеңіс – 134; Болашақ – 120; Береке – 101; Сарыарқа – 99; Атамекен – 72; Ынтымақ – 100; Желтоқсан – 85; Егемен – 28.

Улица Достык. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году было переименовано 4 улицы. В 2009 году – 21 улица. В 2010 году – 14 улиц. В 2011 году – 11 улиц. В 2012 году – 9 улиц. В 2015 году – 12 улиц. В 2016 году – 11 улиц. В 2017 году – 39 улиц. В 2018 году – 88 улиц, что является самым высоким показателем. В 2019 году – 18 улиц. В 2020 году – 25 улиц. В 2021 году –17 улиц. В 2022 году – 16 улиц. В 2023 году – 12 улиц. В общей сложности по годам зафиксировано 297 переименованных улиц.

По областям и городам распределение выглядит следующим образом.

В Акмолинской области было переименовано 86 улиц. В Актюбинской области –14 улиц. В Алматинской области – 17 улиц. В Атырауской области – 3 улицы. Во

Восточно-Казахстанской области – 30 улиц. В Жамбылской области – 12 улиц. В Западно-Казахстанской области – 23 улицы. В Карагандинской области – 42 улицы. В Костанайской области – 13 улиц. В Кызылординской области — 2 улицы. В Мангистауской области –1 улица. В Павлодарской области – 32 улицы. В Северо-Казахстанской области – 20 улиц. В Туркестанской области – 2 улицы.

Улица/проспект Тәуелсіздік. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году было переименовано 2 улицы. В 2009 году – 12 улиц. В 2010 году – 3 улицы. В 2011 году – 10 улиц. В 2012 году – 4 улицы. В 2015 году – 17 улиц. В 2016 году – 10 улиц. В 2017 году – 70 улиц. В 2018 году – 74 улицы. В 2019 году – 16 улиц. В 2020 году – 18 улиц. В 2021 году –4 улицы. В 2022 году – 16 улиц. В 2023 году – 13 улиц. В 2024 году – 1 улица. В общей сложности за этот период было переименовано 270 улиц.

Распределение по регионам выглядит следующим образом.

В Акмолинской области было переименовано 49 улиц. В Актюбинской области – 11 улиц. В Алматинской области – 14 улиц. В городе Астана – 1 улица. В Атырауской области – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 24 улицы. В Жамбылской области – 13 улиц. В Западно-Казахстанской области – 28 улиц. В Карагандинской области – 36 улиц. В Костанайской области – 8 улиц. В Кызылординской области – 3 улицы. В Павлодарской области – 41 улица. В Северо-Казахстанской области – 6 улиц. В Туркестанской области – 2 улицы. В Южно-Казахстанской области – 1 улица. В области Ұлытау – 1 улица.

Улица Бейбітшілік. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году было переименовано 3 улицы. В 2009 году – 21 улица. В 2010 году – 5 улиц. В 2011 году – 9 улиц. В 2012 году – 5 улиц. В 2015 году – 18 улиц. В 2016 году – 8 улиц. В 2017 году – 34 улицы. В 2018 году – 65 улиц. В 2019 году – 17 улиц. В 2020 году – 22 улицы. В 2021 году – 6 улиц. В 2022 году – 7 улиц. В 2023 году – 13 улиц. В 2024 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 234 переименованные улицы.

По областям и городам распределение выглядит следующим образом.

В Акмолинской области было переименовано 72 улицы. В Актюбинской области – 11 улиц. В Алматинской области – 14 улиц. В Атырауской области – 2 улицы. Во Восточно-Казахстанской области – 14 улиц. В Жамбылской области – 10 улиц. В Западно-Казахстанской области – 31 улица. В Карагандинской области – 38 улиц. В Костанайской области – 4 улицы. В Павлодарской области – 27 улиц. В Северо-Казахстанской области – 7 улиц. В Туркестанской области – 3 улицы. В Южно-Казахстанской области – 1 улица.

Улица Атамекен. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году была переименована 1 улица. В 2009 году – 2 улицы. В 2010 году – 1 улица. В 2014 году – 1 улица. В 2015 году – 7 улиц. В 2016 году – 1 улица. В 2017 году – 15 улиц. В 2018 году – 20 улиц. В 2019 году – 6 улиц. В 2020 году – 9 улиц. В 2022 году – 4 улицы. В 2023 году – 5 улиц. В общей сложности по годам зафиксировано 72 переименованные улицы.

По областям и городам распределение выглядит так. В Акмолинской области было переименовано 18 улиц. В Актюбинской области – 1 улица. В Алматинской области – 7 улиц. В Атырауской области – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 2 улицы.

В Жамбылской области – 2 улицы. В Западно-Казахстанской области – 13 улиц. В Карагандинской области – 8 улиц. В Костанайской области – 2 улицы. В Кызылординской области – 2 улицы. В Павлодарской области – 13 улиц. В Туркестанской области – 2 улицы. В Южно-Казахстанской области – 1 улица.

Улица Ынтымақ. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году была переименована 1 улица. В 2009 году – 2 улицы. В 2010 году – 1 улица. В 2011 году – 6 улиц. В 2012 году – 2 улицы. В 2014 году – 1 улица. В 2015 году переименовано 12 улиц. В 2017 году – 15 улиц. В 2018 году – 35 улиц. В 2019 году – 7 улиц. В 2020 году – 6 улиц. В 2021 году – 2 улицы. В 2022 году – 2 улицы. В 2023 году – 8 улиц. В общей сложности по годам зафиксировано 100 переименованных улиц.

По областям и городам распределение выглядит следующим образом.

В Акмолинской области было переименовано 15 улиц. В Актюбинской области – 6 улиц. В Алматинской области – 11 улиц. В городе Астана – 1 улица. В Атырауской области – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 7 улиц. В Жамбылской области – 9 улиц. В Западно-Казахстанской области – 12 улиц. В Карагандинской области — 26 улиц. В Кызылординской области – 1 улица. В Мангистауской области – 1 улица. В Павлодарской области – 7 улиц. В Северо-Казахстанской области – 2 улицы. В Южно-Казахстанской области – 1 улица.

Улица Желтоқсан. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году было переименовано 2 улицы. В 2009 году – 6 улиц. В 2010 году – 3 улицы. В 2011 году – 10 улиц. В 2012 году – 1 улица. В 2014 году – 1 улица. В 2015 году – 2 улицы. В 2016 году – 2 улицы. В 2017 году – 7 улиц. В 2018 году – 24 улицы. В 2019 году – 5 улиц. В 2020 году – 8 улиц. В 2021 году – 3 улицы. В 2022 году – 3 улицы. В 2023 году – 7 улиц.

По областям и городам распределение выглядит следующим образом.

В Акмолинской области было переименовано 26 улиц. В Актюбинской области – 10 улиц. В Алматинской области – 7 улиц. В Атырауской области – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 5 улиц. В Жамбылской области – 2 улицы. В Западно-Казахстанской области – 10 улиц. В Карагандинской области – 8 улиц. В Костанайской области – 1 улица. В Кызылординской области – 1 улица. В Павлодарской области – 10 улиц. В Северо-Казахстанской области – 3 улицы. В Туркестанской области – 1 улица.

В общей сложности по годам зафиксировано 85 переименованных улиц.

Улица Егемен. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году было переименовано 2 улицы. В 2009 году – 4 улицы. В 2011 году – 2 улицы. В 2012 году – 1 улица. В 2015 году – 1 улица. В 2016 году – 1 улица. В 2017 году – 1 улица. В 2018 году – 8 улиц. В 2019 году – 2 улицы. В 2020 году – 2 улицы. В 2021 году – 1 улица. В 2022 году – 1 улица. В 2023 году – 1 улица. В 2024 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 28 переименованных улиц.

По областям и городам данные распределяются следующим образом.

В Акмолинской области было переименовано 4 улицы. В Актюбинской области – 2 улицы. В Алматинской области – 4 улицы. В городе Астана – 1 улица. В Атырауской области – 1 улица. В Жамбылской области — 1 улица. В Карагандинской области – 1 улица. В Кызылординской области – 1 улица. В Павлодарской области – 5 улиц. В Северо-Казахстанской области – 2 улицы. В Туркестанской области – 3 улицы. В Южно-Казахстанской области – 3 улицы.

Статистика переименований исторических личностей казахского народа:

Абай – 167; Бауыржан Момышұлы – 93; Әлия Молдағұлова – 105; Ыбырай Алтынсарин – 109; Абылай хан – 55; Шоқан Уалиханов – 55; Мухтара Ауэзова – 48; Каныш Сатпаев – 28; Сәкен Сейфуллин – 57; Жамбыл Жабаев – 24; Қазыбек би – 37; Төле би – 35; Мағжан Жумабаев – 17; Кенесары хан – 42; Әбілқайыр хан – 15; Жанибек хан – 15; Керей мен Жанибек хандар – 2; Керей хан – 17; Әлихан Бөкейхан – 54; Есім хан – 10; Жошы хан – 5; Қасым хан – 12; Тәуке хан – 13; Тәуекел хан – 6; Хақназар хан – 6; Баян батыр – 14; Бөгенбай батыр – 25; Ағыбай батыр – 10; Едіге батыр – 5; Есет батыр – 13; Кабанбай батыр – 33; Наурызбай батыр – 18; Қарасай батыр – 7; Қобыланды батыр – 13.

Улица Абая Құнанбаева. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2006 году была переименована 1 улица. В 2007 году – 1 улица. В 2008 году – 6 улиц. В 2009 году – 13 улиц. В 2010 году – 9 улиц. В 2011 году – 20 улиц. В 2012 году – 7 улиц. В 2014 году – 1 улица. В 2015 году — 10 улиц. В 2016 году – 1 улица. В 2017 году – 3 улицы. В 2018 году – 15 улиц. В 2019 году – 4 улицы. В 2020 году – 16 улиц. В 2021 году – 14 улиц. В общей сложности по годам зафиксировано 167 переименованных улиц.

По областям и городам распределение выглядит следующим образом.

В Абайской области было переименовано 1 улица. В Акмолинской области – 37 улиц. В Актюбинской области – 28 улиц. В Алматинской области – 9 улиц. В Атырауской области – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 25 улиц. В области Жетісу – 1 улица. В Западно-Казахстанской области — 16 улиц. В Карагандинской области – 19 улиц. В Костанайской области – 4 улицы. В Кызылординской области – 1 улица. В Павлодарской области – 4 улицы. В Северо-Казахстанской области – 21 улица.

Улица Бауыржана Момышұлы. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году была переименована 1 улица. В 2009 году – 5 улиц. В 2010 году – 8 улиц. В 2011 году – 2 улицы. В 2012 году – 8 улиц. В 2014 году – 1 улица. В 2015 году – 6 улиц. В 2016 году – 8 улиц. В 2018 году – 13 улиц. В 2019 году – 3 улицы. В 2020 году – 12 улиц. В 2021 году – 3 улицы. В 2022 году – 11 улиц. В 2023 году – 12 улиц. В общей сложности по годам зафиксировано 93 переименованные улицы.

Распределение по регионам выглядит следующим образом.

В Абайской области было переименовано 1 улица. В Акмолинской области — 15 улиц. В Актюбинской области – 13 улиц. В Алматинской области – 8 улиц. В Атырауской области – 2 улицы. Во Восточно-Казахстанской области – 11 улиц. В Жамбылской области – 2 улицы. В Западно-Казахстанской области – 9 улиц. В Карагандинской области – 13 улиц. В Костанайской области – 1 улица. В Кызылординской области – 1 улица. В Павлодарской области – 13 улиц. В Северо-Казахстанской области – 4 улицы.

Улица Әлия Молдағұлова. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году было переименовано 4 улицы. В 2009 году – 7 улиц. В 2010 году – 4 улицы. В 2011 году – 11 улиц. В 2012 году – 5 улиц. В 2014 году – 1 улица. В 2015 году – 6 улиц. В 2016 году – 7 улиц. В 2017 году – 2 улицы. В 2018 году – 11 улиц. В 2019 году – 3 улицы. В 2020 году – 13 улиц. В 2021 году – 2 улицы. В 2022 году – 16 улиц. В 2023 году – 13 улиц. В общей сложности по годам зафиксировано 105 переименованных улиц.

По областям и городам распределение выглядит следующим образом.

В Акмолинской области было переименовано 20 улиц. В Актюбинской области – 18 улиц. В Алматинской области – 5 улиц. В городе Астана – 1 улица. В Атырауской области – 2 улицы. Во Восточно-Казахстанской области – 9 улиц. В Жамбылской области – 1 улица. В Западно-Казахстанской области – 14 улиц. В Карагандинской области – 7 улиц (1 в строке «Карагандинская», ещё 6 в другом блоке). В Павлодарской области – 16 улиц. В Северо-Казахстанской области – 11 улиц. В городе Шымкент – 1 улица.

Улица Ыбырая Алтынсарина. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году была переименована 1 улица. В 2008 году – 3 улицы. В 2009 году – 12 улиц. В 2010 году – 2 улицы. В 2011 году – 3 улицы. В 2012 году – 2 улицы. В 2015 году – 3 улицы. В 2016 году – 4 улицы. В 2017 году – 23 улицы. В 2018 году – 22 улицы. В 2019 году – 6 улиц. В 2020 году – 9 улиц. В 2021 году – 2 улицы. В 2022 году – 8 улиц. В 2023 году – 9 улиц. В общей сложности по годам зафиксировано 109 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области было переименовано 55 улиц, что является самым высоким показателем среди всех регионов. В Актюбинской области зафиксировано 4 переименованных улицы. В Алматинской области – 9 улиц. В городе Астана – 1 улица. В Атырауской области также была переименована 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области произошло 5 переименований. В Жамбылской области – 1 улица. В Западно-Казахстанской области переименовано 7 улиц. В Карагандинской области общее количество составляет 12 улиц, поскольку данные представлены двумя строками, содержащими 5 и 7 улиц соответственно. В Костанайской области переименована 1 улица. В Павлодарской области – 10 улиц. В Северо-Казахстанской области – 3 улицы.

Улица Абылай хана. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году была переименована 1 улица. В 2009 году – 7 улиц. В 2010 году – 1 улица. В 2011 году – 2 улицы. В 2015 году – 5 улиц. В 2017 году – 2 улицы. В 2018 году – 5 улиц. В 2019 году – 2 улицы. В 2020 году – 8 улиц. В 2021 году – 6 улиц. В 2022 году – 10 улиц. В 2023 году – 6 улиц. В общей сложности за указанный период было переименовано 55 улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области было переименовано 15 улиц. В Актюбинской области – 2 улицы. В Алматинской области – 8 улиц. В Атырауской области – 2 улицы. Во Восточно-Казахстанской области – 7 улиц. В Жамбылской области – 3 улицы. В Западно-Казахстанской области – 5 улиц. В Карагандинской области – 1 улица. В Кызылординской области – 1 улица. В Павлодарской области – 3 улицы. В Северо-Казахстанской области – 7 улиц. В городе Шымкент – 1 улица.

Улица Шоқан Уалиханова. По годам переименования распределяются следующим образом. В 2008 году было переименовано 4 улицы. В 2009 году – 4 улицы. В 2010 году – 1 улица. В 2011 году – 4 улицы. В 2012 году – 4 улицы. В 2017 году – 1 улица. В 2018 году – 7 улиц. В 2019 году — 1 улица. В 2020 году — 8 улиц. В 2021 году – 6 улиц. В 2022 году – 11 улиц. В 2023 году – 4 улицы. В общей сложности по годам зафиксировано 55 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области было переименовано 14 улиц. В Актюбинской области

– 6 улиц. В Алматинской области – также 6 улиц. В Атырауской области – 1 улица. В Восточно-Казахстанской области суммарно 7 улиц (6 в одном блоке и 1 в отдельной строке). В Жамбылской области – 1 улица. В Западно-Казахстанской области – 1 улица. В Карагандинской области – всего 3 улицы (2 и 1 в разных строках). В Костанайской области – 1 улица. В Павлодарской области – 2 улицы. В Северо-Казахстанской области – 13 улиц, что является одним из самых высоких показателей.

Улица Мухтара Ауэзова. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2009 году было переименовано 4 улицы. В 2010 году – 1 улица. В 2011 году – 1 улица. В 2012 году – 2 улицы. В 2015 году – 2 улицы. В 2017 году – 1 улица. В 2018 году – 12 улиц. В 2019 году – 2 улицы. В 2020 году – 8 улиц. В 2022 году – 7 улиц. В 2023 году – 8 улиц. В общей сложности по годам зафиксировано 48 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области было переименовано 15 улиц. В Актюбинской области суммарно 4 улицы (3 в одном блоке и 1 в отдельной строке). В Алматинской области – 5 улиц. В Атырауской области – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 4 улицы. В Жамбылской области – 1 улица. В Западно-Казахстанской области – 5 улиц. В Карагандинской области – всего 5 улиц (3 и 2 в отдельных строках). В Павлодарской области — 5 улиц. В Северо-Казахстанской области – 3 улицы.

Улица Каныша Сатпаева. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2007 году была переименована 1 улица. В 2009 году – 5 улиц. В 2010 году – 3 улицы. В 2011 году – 1 улица. В 2012 году – 3 улицы. В 2014 году – 1 улица. В 2017 году – 4 улицы. В 2018 году – 3 улицы. В 2020 году – 4 улицы. В 2021 году – 1 улица. В 2023 году – 2 улицы. В общей сложности по годам зафиксировано 28 переименованных улиц.

По областям и городам распределение выглядит следующим образом. В Акмолинской области было переименовано 10 улиц. В Актюбинской области – 3 улицы. В Алматинской области – 2 улицы. В Атырауской области – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области — 6 переименованных улиц. В Жамбылской области – 1 улица. В Карагандинской области — 2 улицы. В Павлодарской области – 3 улицы.

Улица Сакена Сейфуллина. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году было переименовано 4 улицы. В 2009 году – 14 улиц. В 2010 году – 4 улицы. В 2011 году – 5 улиц. В 2012 году – 1 улица. В 2017 году – 2 улицы. В 2018 году — 7 улиц. В 2019 году – 1 улица. В 2020 году – 4 улицы. В 2021 году — 1 улица. В 2022 году – 5 улиц. В 2023 году – 9 улиц. В общей сложности по годам зафиксировано 57 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области было переименовано 25 улиц, что является самым высоким показателем среди всех регионов. В Актюбинской области переименовано 5 улиц. В Алматинской области – 4 улицы. В Атырауской области – 1 улица. В Восточно-Казахстанской области – 4 улицы. В Жамбылской области – 1 улица. В Западно-Казахстанской области – 1 улица. В Карагандинской области всего 12 улиц (две строки в файле: 2 улицы и 10 улиц). В Кызылординской области – 1 улица. В Павлодарской области – 2 улицы. В Северо-Казахстанской области – 1 улица.

Улица Кенесары хана. По годам переименования распределяются следующим образом. В 2008 году была переименована 1 улица. В 2009 году – 8 улиц. В 2010 году – 2 улицы. В 2015 году – 1 улица. В 2016 году – 1 улица. В 2017 году – 1 улица. В 2018 году – 3 улицы. В 2019 году – 3 улицы. В 2020 году – 5 улиц. В 2021 году – 4 улицы. В 2022 году – 6 улиц. В 2023 году – 6 улиц. В 2024 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 42 переименованные улицы.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области было переименовано 19 улиц, что составляет почти половину всех изменений. В Актюбинской области переименовано 2 улицы (две строки по 1 улице). В Алматинской области – 4 улицы. В городе Алматы – 1 улица. В Атырауской области – 1 улица. Во Восточно-Казахстанской области – 4 улицы. В Жамбылской области – 2 улицы. В Западно-Казахстанской области – 2 улицы. В Карагандинской области – 2 улицы (две строки по 1 улице). В Павлодарской области — 1 улица. В Северо-Казахстанской области – 4 улицы.

Улица Әбілхайыр хан. По годам переименованные улицы распределяются следующим образом. В 2012 году было переименовано 3 улицы. В 2015 году – 2 улицы. В 2016 году – 1 улица. В 2018 году – 1 улица. В 2019 году – 2 улицы. В 2021 году – 3 улицы. В 2023 году – 2 улицы. В 2024 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 15 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области была переименована 1 улица. В Актюбинской области – 5 улиц, что делает её регионом с наибольшим количеством изменений в этом наборе данных. В Алматинской области было переименовано 2 улицы. В городе Алматы – 1 улица. В Атырауской области – 2 улицы. В Западно-Казахстанской области – 2 улицы. В Кызылординской области – 1 улица. В Туркестанской области – 1 улица.

Улица Қасым хана. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2015 году было переименовано 2 улицы. В 2016 году – 1 улица. В 2018 году – 2 улицы. В 2019 году — также 2 улицы. В 2020 году – 3 улицы. В 2022 году – 1 улица. В 2024 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 12 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области было переименовано 2 улицы. В Актюбинской области – 2 улицы. В Алматинской области – 4 улицы, что является самым высоким показателем в этом наборе данных. В Атырауской области – 2 улицы. В Жамбылской области – 1 улица. В Туркестанской области – 1 улица.

Улица Қазыбек би. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2009 году было переименовано 3 улицы. В 2011 году – 1 улица. В 2015 году – 1 улица. В 2018 году – 8 улиц. В 2019 году – 5 улиц. В 2020 году – 6 улиц. В 2021 году – 3 улицы. В 2022 году – 3 улицы. В 2023 году – 6 улиц. В 2024 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 37 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области было переименовано 11 улиц, что является самым высоким показателем среди всех регионов в данном наборе. В Актюбинской области – 2 улицы. В Алматинской области – 3 улицы. В Атырауской области – 2 улицы. Во Восточно-

Казахстанской области – 4 улицы. В Жамбылской области – 2 улицы. В Западно-Казахстанской области – 2 улицы. В Карагандинской области – 3 улицы. В городе Нур-Султан – 1 улица. В Павлодарской области — 3 улицы. В Северо-Казахстанской области – 2 улицы. В Туркестанской области – 2 улицы.

Улица Төле би. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году была переименована 1 улица. В 2009 году – 2 улицы. В 2010 году – 1 улица. В 2011 году – 1 улица. В 2016 году – 1 улица. В 2018 году – 5 улиц. В 2019 году — 4 улицы. В 2020 году — 6 улиц. В 2021 году – 1 улица. В 2022 году – 2 улицы. В 2023 году – 10 улиц. В 2024 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 35 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области было переименовано 12 улиц, что является самым высоким показателем в этом наборе данных. В Актюбинской области переименована 1 улица. В Алматинской области – 8 улиц. В Атырауской области – 2 улицы. Во Восточно-Казахстанской области – 4 улицы. В Жамбылской области – 1 улица. В Западно-Казахстанской области – 2 улицы. В Карагандинской области – 1 улица. В городе Нур-Султан — 1 улица. В Павлодарской области – 1 улица. В Туркестанской области – 1 улица. В городе Шымкент – 1 улица.

Улица Әлихан Бөкейхана. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2009 году было переименовано 2 улицы. В 2011 году – 1 улица. В 2012 году – 1 улица. В 2015 году – 2 улицы. В 2016 году – 1 улица. В 2017 году – 16 улиц. В 2018 году – 11 улиц. В 2019 году – 1 улица. В 2020 году – 4 улицы. В 2021 году — 3 улицы. В 2022 году – 4 улицы. В 2023 году – 8 улиц.

В общей сложности по годам зафиксировано 54 переименованные улицы.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области было переименовано 19 улиц, что делает её лидером по числу изменений. В Актюбинской области – 4 улицы. В Алматинской области – 7 улиц. В городе Астана – 1 улица. В Атырауской области – 1 улица. В Восточно-Казахстанской области – 2 улицы. В Жамбылской области — 3 улицы. В Западно-Казахстанской области – 1 улица. В Карагандинской области – 7 улиц. В Мангистауской области – 3 улицы. В Павлодарской области – 4 улицы. В Северо-Казахстанской области – 2 улицы.

Улица Жошы хана. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2020 году была переименована 1 улица. В 2022 году – также 1 улица. В 2023 году – 3 улицы. В общей сложности по годам зафиксировано 5 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Алматинской области было переименовано 2 улицы. В Атырауской области – 1 улица. В городе Астана – 1 улица. В городе Шымкент также – 1 улица.

Улица Есім хана. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2011 году была переименована 1 улица. В 2012 году – 1 улица. В 2015 году – 1 улица. В 2018 году – 3 улицы. В 2020 году – также 3 улицы. В 2021 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 10 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются следующим образом. В Акмолинской области была переименована 1 улица. В Актюбинской области

– 1 улица. В Алматинской области – 3 улицы, что является крупнейшим показателем в данном наборе данных. В городе Алматы была переименована 1 улица. В Атырауской области – 2 улицы. Во Восточно-Казахстанской области – 1 улица. В Туркестанской области – 1 улица.

Улица Тәуке хана. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2011 году была переименована 1 улица, в 2015 году – 2 улицы, в 2018 году – 5 улиц, в 2020 году – 2 улицы, в 2021 году – 1 улица, в 2022 году – 1 улица и в 2023 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 13 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются так. В Акмолинской области было переименовано 3 улицы, в Актюбинской области – 2 улицы, в Алматинской области – 4 улицы, в городе Алматы – 1 улица, в Атырауской области – 2 улицы и в Туркестанской области – 1 улица.

Улица Жәнібек хана. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2011 году была переименована 1 улица, в 2015 году – 2 улицы, в 2018 году – 3 улицы, в 2019 году – 3 улицы, в 2020 году – 3 улицы, в 2022 году – 1 улица и в 2023 году – 2 улицы. В общей сложности по годам зафиксировано 15 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются так. В Акмолинской области была переименована 1 улица, в Актюбинской области – 2 улицы, в Алматинской области – 4 улицы, в Атырауской области – 3 улицы, во Восточно-Казахстанской области – 1 улица, в Жамбылской области – 1 улица, в Западно-Казахстанской области – 1 улица и в Туркестанской области – 2 улицы.

Улица Керей хана. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2011 году была переименована 1 улица, в 2015 году – 2 улицы, в 2018 году – 1 улица, в 2019 году – 2 улицы, в 2020 году – 4 улицы, в 2021 году – 1 улица, в 2022 году – 3 улицы, в 2023 году – 2 улицы и в 2024 год – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 17 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются так. В Акмолинской области была переименована 1 улица, в Актюбинской области – 2 улицы, в Алматинской области — 3 улицы, в Атырауской области – 3 улицы, в Жамбылской области – 2 улицы, в Западно-Казахстанской области – 1 улица, в Карагандинской области – 1 улица, в Северо-Казахстанской области – 2 улицы и в Туркестанской области – 2 улицы.

Улица Тәуекел хан. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2011 году была переименована 1 улица, в 2018 году – 1 улица, в 2019 году – 2 улицы и в 2023 году – 2 улицы. В общей сложности по годам зафиксировано 6 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются так. В Акмолинской области была переименована 1 улица, в Актюбинской области – 1 улица, в Алматинской области – 1 улица, в Атырауской области – 2 улицы и в Жамбылской области — 1 улица.

Улица Хақназар хана. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2015 году была переименована 1 улица, в 2018 году – 1 улица, в 2019 году – 1 улица и в 2023 году – 3 улицы. В общей сложности по годам зафиксировано 6 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются так. В Актюбинской области была переименована 1 улица, в Алматинской области – 2 улицы, в Атырауской области – 2 улицы и в Западно-Казахстанской области – 1 улица.

Улица Едіге батыр. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2018 году была переименована 1 улица, в 2020 году – 2 улицы, в 2022 году – 1 улица и в 2023 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 5 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются так. В Актюбинской области была переименована 1 улица, в Алматинской области – 1 улица, в Карагандинской области – 1 улица, в Северо-Казахстанской области – 1 улица и в Туркестанской области – 1 улица.

Улица Бөгенбай батыр. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2009 году было переименовано 4 улицы, в 2010 году – 3 улицы, в 2011 году – 2 улицы, в 2012 году – 3 улицы, в 2015 году – 2 улицы, в 2017 году – 1 улица, в 2018 году – 1 улица, в 2019 году – 2 улицы, в 2020 году – 4 улицы, в 2021 году – 1 улица, в 2022 году – 2 улицы и в 2023 году – 4 улицы. В общей сложности по годам зафиксировано 29 переименованных улиц.

По областям и городам переименованные улицы распределяются так. В Акмолинской области было переименовано 8 улиц, в Актюбинской области – 3 улицы, в Алматинской области – 4 улицы, в Атырауской области – 4 улицы, во Восточно-Казахстанской области – 2 улицы, в Жамбылской области – 1 улица, в Западно-Казахстанской области – 1 улица и в Павлодарской области – 6 улиц.

Улица Қабанбай батыр. По годам количество переименованных улиц распределяется следующим образом. В 2008 году была переименована 1 улица, в 2009 году – 3 улицы, в 2010 году – 1 улица, в 2011 году – 1 улица, в 2014 году – 1 улица, в 2015 году – 1 улица, в 2017 году – 1 улица, в 2018 году – 6 улиц, в 2019 году – 2 улицы, в 2020 году – 6 улиц, в 2021 году – 1 улица, в 2022 году – 3 улицы, в 2023 году – 5 улиц и в 2024 году – 1 улица. В общей сложности по годам зафиксировано 33 переименованные улицы.

По областям и городам переименованные улицы распределяются так. В Акмолинской области было переименовано 8 улиц, в Актюбинской области – 2 улицы, в Алматинской области – 6 улиц, в Атырауской области – 4 улицы, во Восточно-Казахстанской области – 7 улиц, в Жамбылской области – 1 улица, в Западно-Казахстанской области – 1 улица, в Карагандинской области – 1 улица и в Павлодарской области – 3 улицы.

Область Абай – 30 улиц, в 2022 году – 6 улиц, в 2023 – 22, в 2024 – 2. Из 30 улиц 25 переименовано в селах, 5 в городе районного значения (Аягоз).

В разрезе районов области 30 улиц переименованы – Урджарский – 3 улицы, Бородулихинский – 10, Бескарагайский – 12, Аягозский – 5 улиц.

1 улице без названия присвоено наименование Мир в селе Знаменка Бородулихинского района.

По типам старых названий из 30 переименованных улиц в области Абай:

• Советские/идеологические (Ленина – 2, Кирова – 1, Колхозная – 1, Пролетарская – 1, Октябрьская – 1, Пионерская – 1, Советская – 1, Чехова, Антона Чехова, Гагарина, Паровая, Целинная, Школьная, Водосточная, Аппарацкая, КСХТ, Короткая, СТО) – 18 случаев.

• Нейтральные/географические (Озерная ×2, Новая, Степная, Паровая, Песчаная) – 6 случаев.

• Социально-бытовые/функциональные (Мира, 1 Мая, Водосточная, СТО) – 6 случаев (пересекаются с нейтральными, но выделены как отдельная категория).

По типам новых названий:

• Национальные символы и идеи (Мәңгілік Ел, Ұлы дала, Жібек Жолы, Тәуелсіздік, Аққөл, Алтай ×2, Қарағайлы, Қажымұқан) – 9 случаев.

• Имена национальных героев и деятелей (Абай, Бауыржан Момышұлы, Талғат Бигелдинов, Ережепбек Мальгельдинов, Дінмұхамед Қонаев, Берікқали Түгелбаев, Қәкімбай Қайсаров, Рамазан Нашаанов, Зейнула Нұрсейітова, Ешқали Түгелова, Қажен Жингілібаев, Ешқонақов, Қанипа Орынханова, Жандос Жағалбаев, Сацу Отарбайұлы, Иван Косенков, Александр Капорин) – 16 случаев.

• Нейтральные/географические (Песчаная, Қарағайлы, Аққөл) – 3 случая.

• Социальные/ценностные категории (Мир, Тәуелсіздік, Ұлы дала) – входят также в национальные символы.

Акмолинская область. Всего переименовано 1913 улиц. Динамика количества переименований улиц в Акмолинской области по годам (2008–2024): 2008 год – 51 улица, 2009 год – 380 улиц, 2010 год – 116 улиц, 2014 год – 3 улицы, 2015 год – 11 улиц, 2016 год – 55 улиц, 2017 год – 321 улица, 2018 год – 607 (пик) улиц, 2019 год – 81 улица, 2020 год – 28 улиц, 2021 год – 2 улицы, 2022 год – 104 улицы, 2023 год – 100 улиц, 2024 год – 54 улиц.

1569 улиц переименовано в селах, 198 в городах районного значения, 36 в городах областного значения, 110 в областном центре – г. Кокшетау.

В разрезе районов Акмолинской области (2008–2024 гг.) количество переименований распределилось следующим образом: Целиноградский – 281 улица, Аккольский – 211 улиц, Сандыктауский – 173 улицы, Атбасарский – 128 улиц, Ерейментауский – 122 улицы, Аршалынский – 109 улиц, Шортандинский – 103 улицы, Буландынский – 83 улицы, Есильский – 82 улицы, Бурабайсий – 77 улиц, Астраханский – 70 улиц, Жаркаинский – 67 улиц, Жаксынский – 47 улиц, Зерендинский – 44 улицы, Бурабайский – 33 улицы, Коргалжынский – 15 улиц, Биржан сал – 8 улиц, Егиндыкольский – 5 улиц, Енбекшильдерский – 5 улиц, Шортандынский – 5 улиц, Есильский – 4 улицы. В городе областного значения Степногорск переименовано 5 улиц.

Наибольшее количество переименований проведено в Целиноградском (281), Аккольском (212) и Сандыктауском (173) районах. Минимальная активность зафиксирована в Есильском (4) и Енбекшильдерском (5) районах.

В Акмолинской области из 1913 переименованных улиц 269 улиц носили советские идеологические названия. Например такие как – Комсомольская, Пионерская, Октябрьская, Советская, Первомайская, Целинная, Пролетарская, Красногвардейская, Коммунистическая, Победы и другие названия, производные из вышеперечисленных названий. Переименовано 37 старых названий улиц, носивших название Комсомольская, 43 – Советская, 17 – Пионерская, 59 – Октябрьская, 57 – Целинная (Целиноградская), 5 – Коммунистическая, 2 – Красногвардейская, 9 – Пролетарская, 13 – Победы.

Из 1913 переименованных улиц 203 носили имена собственные личночстей разного периода. Например, Ленина, Чкалова, Горького, Чапаева, Чкалова, Энгельса, Герцена,

Калинина, Пугачева, Тельмана, Маркса, С.Сейфуллина, Абая, Валиханова, В. Куйбышева, и другие. Всего, улицы Ленина переименовали 59 раз, Чапаева 11 раз, К. Маркса – 12, Калинина – 7, Горького – 7, Тельмана – 7, Энгельса – 5, Чкалова – 7, Куйбышева – 7, Пугачев – 4, Пушкина – 6, Суворова – 3, Буденного – 3, Крупская – 3, Титова – 5, Абая – 5, Чехова – 3, Щорса – 3, Гоголя – 3, Кирова – 18, Маркс – 12, Савченко – 1, Лиза Чайкина – 1, Потанин – 1, Серова – 1, Некрасова – 1, Луначарского – 2, Мирзоян – 1, Терешкова – 3, Гагарина – 10, Космодемьянская – 1, Гейне – 1, Корчагина – 1, Пика – 1, Фрадкина – 1 и другие.

Актюбинская область. В разрезе годов было переименовано: в 2008 году – 16 улиц, в 2009 году – 10 улиц, в 2010 году – 10 улиц, в 2011 году – 291 улица, в 2012 году – 104 улицы, в 2014 году – 3 улицы, в 2015 году – 9 улиц, в 2016 году – 16 улиц, в 2017 году – 31 улица, в 2018 году - 224 улицы, в 2019 году – 51 улица, в 2020 году – 133 улицы, в 2021 году – 55 улиц, в 2022 году – 97 улиц, в 2023 году – 93 улицы. Всего было переименовано в Актюбинской области 1144 улицы, из которых 575 улиц, переулков и тд. не имели названия или новые улицы.

Всего в селах, населенных пунктах, станциях, поселках переименовано 543 улицы, в городах районного значения 100 улиц переименовано. В разрезе которых в г. Алга переименовано 24 улицы, в г. Жем – 2 улицы, в г. Кандыагаш переименовано – 34 улицы, в г. Темир переименовано – 19 улиц, в г. Хромтау – 3 улицы, в г. Шалкар – 24 улицы.

Статистика в разрезе районов области. В целом переименование улиц охватило 12 районов, в которых в целом переименовано 632 улицы. В разрезе районов статистика следующая: в Айтекебийском районе переименовано 17 улиц, в Алгинском районе переименовано 39 улиц, в Байганинском районе переименовано – 4 улицы, в Иргизском районе переименовано 2 улицы, в Каргалинском районе переименована 61 улица, в Кобдинском районе переименовано 205 улиц, в Мартукском районе переименована 141 улица, в Мугалжарском районе переименовано 72 улицы, в Темирском районе переименовано 19 улиц, в Уилском районе переименовано 21 улица, в Хромтауском районе переименовано 3 улицы, в Шалкарском районе переименовано 54 улицы. В областном центре – г. Актобе переименовано 493 улицы.

В разрезе переименованных улиц, носивших название исторических личностей статистика следующая:

Улицы, названные в честь В. Ленина, было 17 единиц, М. Калинина – было 2 улицы, Фрунзе – 3 улицы, В. Чапаева – 4 улицы, Т. Шевченко – 3 улицы, Кирова – 5 улиц, Энгельса – 1 улица, К.Маркса – 2 улицы, Чкалова – 2 улицы, Ю. Гагарин – 4 улицы, М. Горького– 2 улицы, Павлик Морозов – 1 улица, А. Пушкина – 3, Ф.Э. Дзержинский – 2, Куйбышева – 1, Левона Мирзояна – 1, Тельмана – 1, Гоголь – 1, Абай Кунанбаев – 8.

Улицы носившие идеологическое значение: Коммунистическая – 1, Пионерская – 4, Комсомольская – 9, Первомайская – 7, Октябрьская (и другие производные) – 19 улиц, Интернациональная – 3, Целинная – 4, Пролетарская – 1, Победа (и другие производные) – 5, Советская – 5, Гвардейский – 2.

Алматинская область.

Статистика переименований в разрезе годов: в 2011 году было переименовано 2 улицы, в 2014 году – 72 улицы, в 2015 году – 116 улиц, в 2016 году – 35 улиц, в 2017 году – 35 улиц, в 2018 году – 172 улицы, в 2019 году – 197 улиц, в 2020 году – 423 улицы, в 2021 году – 54, в 2022 году – 22, в 2023 году – 789 улиц, в 2024 году – 3 улицы. Всего было переименовано или присвоено названий 1900 улицам в Алматинской области.

В селах и поселках переименовано 1318 улиц. В разрезе городом районного значения: г. Жаркент – 23 улицы переименовано, в г. Каскелен – 164 улицы переименовано, в г. Саркан – 6 улиц, в г. Талгар – 273 улицы, в г. Текели – 23 улицы переименовано.

В разрезе районов статистика переименований следующая: Аксуский район – 8 переименованных улиц, Алакольский – 7 улиц, Балхашский – 7, Енбекшиказахский – 199, Ескельдинсий – 27, Жамбылский – 3, Илийский – 351, Карасайский – 237, Каратальский – 8, Кегенский – 38, Кербулакский – 33, Панфиловский – 30, Сарканский – 7, Талгарский – 777, Уйгурский – 47. В городе областного значения Капшагай переименовано 46 улиц. В областном центре в г. Талдыкорган – 45 улиц.

Из 1900 переименованных улиц, или которым присвоены новые наименования 864 улицы являлись безымянными или новыми улицами.

Переименованные старые наименования в разрезе исторических личностей: В. Ленина – 14 улиц переименовано, Калинин – 7, В. Чапаева – 4 улицы, Т. Шевченко – 1, С. Кирова – 5, К. Маркса – 7, Чкалова – 3, Ю. Гагарина – 1, М. Горький – 3, Морозова – 1, Ф. Дзержинского – 2.

Старые названия улиц идеологического характера: Пионерская – 8 улиц, Комсомольская – 10 улиц, Первомайская – 6 улиц, улица Интернациональная – 11, Октябрьская – 11 улиц, Целинная – 3, Победы – 8, Пролетарская – 4, Советская – 10, Гвардейская – 3.

Атырауская область. Всего в области переименовано 808 улиц, из которых в 1998 году – 1 улица, в 2011 году – 137 улиц, в 2015 году – 13 улиц, в 2016 году – 13, в 2017 году – 1 улица, в 2018 году – 51 улица, в 2019 году – 200 улиц, в 2020 году – 97 улиц, в 2022 году – 181 улица, в 2023 году – 114 улиц.

Из 808 переименованных улиц 285 из них переименовано в селах и поселках, в городе райнного значения 193 улицы (Кульсары). В разрезе районов статистика следующая: Жылыойский район – 196 улиц переименовано, Индерский район – 30 улиц, Исатайский район – 11 улиц, Курмангазинский район – 2 улицы, Макатский район – 112 улиц, Махамбетский район – 10 улиц. В областном центре – г. Атырау – 330 улиц переименовано.

Проведенный анализ старых названий улиц Атырауской области демонстрирует преобладание унифицированной советской топонимической модели, характеризующейся высокой степенью обезличенности и идеологизации городского пространства. Количественный анализ выявляет три основные категории названий. Наиболее многочисленную группу составляют нейтральные названия, которые включают порядковые номера и простые описательные термины – они формируют примерно шестьдесят процентов всех упоминаний. Сюда входят многочисленные номерные обозначения, такие как номер один, номер два и так далее, а также простые указания на местоположение или тип застройки, такие как Северная, Садовая, Заводская, Полевая и Поселковая. Вторая по значимости категория – идеологические названия, связанные с советской государственной символикой, которые составляют около тридцати процентов. В эту группу входят названия, посвященные революции, государственным праздникам, партийным съездам, таким как Октябрьская, Первомайская, Комсомольская, а также имена политических деятелей, таких как Куйбышев, Дзержинский и Фурманов. Наименьшую группу образуют названия, связанные с личностями, не имевшими прямого отношения к коммунистической идеологии, на которые приходится около десяти процентов. Среди них встречаются имена казахских деятелей, таких как Жамбыл Жабаев,

Дина Нурпейисова, Каныш Сатпаев, но их доля незначительна на фоне доминирующих советских символов.

Восточно-Казахстанская область.

Всего в Восточно-Казахстанской области переименовано 859 улиц, в 2007 году переименовано 9 улиц, в 2008 году – 8 улиц, в 2009 году переименовано 18 улиц, в 2010 году – 16 улиц, в 2011 году – 19 улиц, 2012 году – 115, в 2013 году – 1, в 2014 году – 9, в 2015 году – 11, в 2016 году – 6, в 2017 году – 22, в 2018 году – 153, в 2019 году – 99, в 2020 году – 144, в 2021 году – 107, в 2022 году – 81, в 2023 году – 41 улица.

В селах, поселках, станциях и поселениях переименовано 701 улица, в городах районного значения 49 улиц, в городах областного значения переименовано 21 улица, в областном центре было переименовано 37 улицы. Всего в Восточно-Казахстанской области переименовано безымянных и новых улиц присвоено новых названий 134 улицы.

Из старых названий переименовано 9 улиц коммунистических, 9 улиц – пионерская, 23 – комсомольская, 9 – первомайская, 5 – интернациональная, 3 – целинная, 61 – советская. 55 улиц Ленина, 7 улиц Калинина, 8 улиц Чапаева, 27 улиц Кирова, 4 улицы К. Маркса.

Из новых названий улица Тәуелсіздік присваивалась 24 раза, название Ынтымақ присваивалась – 7 раз, Достық – 30 раз, Бірлік - 16 раз, Бейбітшілік – 15 раз.

Из числа исторических личностей, именами ханов назывались 12 улиц, где присвоены имены Кенесары хана, Абылай хана, Есим хана и тд., из числа имен батыров присвоено 13 имен батыров – Кабанбай батыр, Богенбай батыр и тд., улицам имя Б.Момышұлы присвоено 11 раз, 25 улицам присвоено имя Абая, имя Уәлиханова присвоено 9 раз.

Жамбылская область.

Всего в регионе переименовано 1342 улицы, в 2007 году переименовано – 3 улицы, в 2009 году – 2 улицы, в 2010 году – 14 улиц, в 2011 году – 41 улица, в 2012 году – 1 улица, в 2014 году – 4 улицы, в 2015 году – 126 улиц, в 2016 году – 9 улиц, в 2017 году – 157 улиц, в 2018 году – 533 улицы, в 2019 году – 87 улиц, в 2020 году – 37 улиц, в 2021 году – 96 улиц, в 2022 году – 166 улиц, в 2023 году – 63 улицы, в 2024 году – 3 улицы.

На станциях, селах, аулах и в других населенных пунктах переименовано 655 улиц. В разрезе городов районного значения переименовано 35 улиц, в г. Каратау переименовано 24 улицы, в г. Шу – 11 улиц.

В разрезе районов переименовано следующее количество улиц: Байзакский район – 75 улиц, Жамбылский район – 138 улиц, Жуалынский район – 78 улиц, Кордайский район – 140 улиц, Меркенский район – 123 улицы, Мойынкумский район – 22 улицы, Сарысуский район – 19 улиц, район Т. Рыскулова – 40 улиц, Таласский район – 52 улицы, Шуский район – 204 улицы. В областном центре г. Тараз переименовано 450 улиц.

Новым и безымянным улицам присвоено 138 названий. Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Коммунистическая – 3 раза, Пионерская – 7 раз, Комсомольская – 9 раз, Первомайская – 9 раз, Интернациональная – 9 раз, Целинная – 3 раза, Советская – 7 раз. Из числа исторических личностей – улица Ленина переименована – 21 раз, Калинина – 4 раза, Карла Маркса – 5 раз.

Из новых названий: Тәуелсіздік – 13 улиц, Бейбітшілік – 10 улиц, Егеменди – 1 улица, Достық – 12, Ынтымақ – 9 улиц. Из числа исторических личностей: Бауыржан Момышұлы – 2 улицы, Шокан Уалиханова – 1, Әлихан Бөкейхан – 3, Маншук Маметова – 1, Әлия Молдағұлова – 1, Амангелди Иманова – 1.

Область Жетісу. В разрезе годов: в 2023 году 13 улиц было переименовано, в 2024 году – 16 улиц. В разрезе сел 4 улицы. В разрезе городов районного значения: Жаркент – 4 улицы, Саркан – 1 улица, Ушарал – 4 улицы. В разрезе районов области: Алакольский – 8 улиц, Панфиловский – 4 улицы, Сарканский – 1 улица. В областном центре г. Талдыкорган – 16 улиц.

Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Победы – 1 улица, 8 марта – 1 улица. Из числа исторических личностей советского периода: Н. Некрасов – 1 улица, Ворошилова – 1 улица, Невского – 1 улица. Из новых названий исторических личностей: Нұрғиса Тілендиев – 1 улица, Д. Қонаев – 1 улица, Абай – 1 улица.

Западно-Казахстанская область. В разрезе годов: в 2009 году – 12 улиц, в 2010 году – 37 улиц, в 2011 году – 37 улиц, в 2015 году – 295 улиц, в 2016 году – 14 улиц, в 2017 году – 22 улицы, в 2018 году – 319 улиц, в 2019 году – 44 улицы, в 2020 году – 225 улиц, в 2022 году – 92 улицы, в 2023 году – 39 улиц. В сельской местности переименовано – 924 улицы, в городе районного значения Аксай переименовано 25 улиц. В разрезе районов переименовано следующее количество улиц: Акжаикский район – 82 улицы, Бәйтерек район – 206 улиц, Бокейординский район – 9 улиц, Бурлинский район – 141, Жангалинский район – 10 улиц, Жанибекский район – 11 улиц, Зеленовский район – 62 улиц, Казталовский район – 3, Каратобинский район – 5, Сырымский район – 8, Таскалинский – 68, Теректинский – 225, Чингирлауский – 41 улица. В областном центре г. Уральск переименовано 168 улиц.

Новым и безымянным улицам присвоено 70 наименований. Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Советская – 25, Пролетарская – 6, Пионерская – 8, Комсомольская – 17, Октябрьская – 27, Победы – 9, Целинная – 16. Из числа исторических личностей советского периода: Ленин – 25 улиц, Киров – 5, Энгельса – 1, Чапаева – 24, Шевченко – 2 улицы, Горького – 2 улицы, Фурманов – 6, Куйбышева – 2.

Из новых названий: Тәуелсіздік – 28 улиц, Ынтымақ – 12, Достық – 23, Бейбітшілік – 31. Из новых названий исторических личностей: Бауыржан Момышұлы – 9, Абай Құнанбаев – 16, Шоқан Уәлиханов – 1, Әлихан Бөкейхан – 1, Міржақып Дулатов – 1, Ахмет Байтұрсынов – 1, Әлия Молдағұлова – 14, Мәншүк Мәметова – 20, Амангелді Иманов – 1, имена ханов давались 14 раз, батыров – 13 раз.

Карагандинская область. В разрезе годов: в 2008 году – 28 улиц переименовано, в 2009 – 7, в 2010 году – 15 улиц, в 2015 году – 37 улиц, в 2016 году – 49 улиц, в 2017 году – 79 улиц, в 2018 году 355, в 2019 году 52 улицы, в 2020 году – 84 улицы, в 2021 году – 17 улиц, в 2022 году – 93 улицы, в 2023 году – 97.

В сельской местности переименовано – 729 улиц. В городах районного значения: г. Абай – 20 улиц, Сарань – 3 улицы. В разрезе районов области переименовано следующее количество улиц: Абайский – 198 улиц, Актогайский – 3, Бухар-Жырауский – 142, Жанааркинский – 11, Каркаралинский – 31, Нуринский – 121, Осакаровский – 102, Улытауский – 4, Шетский – 55. В разрезе городов областного значения: г. Балхаш – 28, Жезказган – 31, Каражал – 1, Приозерск – 23, Сатпаев – 10, Темиртау – 11. В областном центре г. Караганда переименовано – 55 улиц.

Новым и безымянным улицам присвоено 33 наименований. Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Советская – 20 улиц, Пролетарская – 1, Пионерская – 9, Комсомольская – 18, Октябрьская – 24, Победа – 10, Целинная – 15. Из числа исторических личностей советского периода: Ленина – 35 улиц, Кирова – 3 улицы, К. Маркса – 8 улиц, Энгельса – 3, Чапаева – 1, Шевченко – 1, Горького – 3.

Из новых названий: Тәуелсіздік – 36 улица, Егемен – 1, Ынтымақ – 26, Достық – 42, Бейбітшілік – 38. Из числа новых названий исторических личностей: Нұрсұлтан Назарбаев – 1, Дінмұхамед Қонаев – 7, Бауыржан Момышұлы – 13, Абая Құнанбайұлы – 20, Шоқан Уәлиханов – 3, Әлихан Бөкейхан – 7, Ахмета Байтұрсынұлы – 6, Әлия Молдағұлова – 7, Мәншүк Мәметова – 5.

Костанайская область. В разрезе годов: в 2009 году – 5 улиц переименовано, в 2010 году – 18 улиц, в 2014 году – 4 улицы, в 2015 – 15, в 2017 – 5, в 2018 – 82, в 2019 – 12, в 2020 – 3, в 2022 – 3, в 2023 – 9 улиц переименовано. В сельской местности переименовано - 124 улицы. В городах районного значения: в г. Житикара – 2 улицы. В разрезе районов области переименовано следующее количество улиц: Алтынсаринский район – 5 улиц, Амангельдинский – 2, Аулиекольский – 11, Беимбета Майлина – 5, Джангельдинский – 2, Житикаринский – 8, Карабалыкский – 16, Карасуский – 6, Костанайский – 6, Мендыкаринский – 4, Сарыкольский – 4, Тарановский – 14, Узункольский – 12, Федоровский – 33. В разрезе городов областного значения: г. Лисаковск – 2, Рудный – 1. В областном центре г. Костанай переименовано – 21 улица. Новым и безымянным улицам присвоено 2 наименования.

Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Советская – 8 улиц, Пролетарская – 3, Пионерская – 2, Комсомольская – 10, Октябрьская – 14. Из числа исторических личностей советского периода: Ленина – 17 улиц, Кирова – 1 улица, К. Маркса – 1 улица, Энгельса – 1, Чапаева – 2, Куйбышева – 1.

Из новых названий: Тәуелсіздік – 8 улиц, Достық – 13, Бейбітшілік – 4. Из числа новых названий исторических личностей: Нұрсұлтан Назарбаев – 1, Дінмұхамед Қонаев – 1, Бауыржан Момышұлы – 1, Абая Құнанбайұлы – 4, Шоқан Уәлиханов – 1.

Кызылординская область. В разрезе годов: в 2011 году – 11 улиц переименовано, в 2012 году – 4 улицы, в 2014 году – 13 улиц, в 2015 году – 27 улиц, в 2016 году – 57 улиц, в 2017 году – 112, в 2018 году – 70 улиц, в 2019 году – 43 улицы, в 2020 году – 38 улиц, в 2021 году – 116 улиц, в 2022 году – 5 улиц, в 2023 году – 111 улиц, в 2024 году – 33 улицы переименовано. В сельской местности переименовано - 375 улиц. В городах районного значения: в г. Аральск – 17 улиц, в г. Казалинск – 1 улица. В разрезе районов области переименовано следующее количество улиц: Аральский район – 91 улица, Жалагашский район – 38 улиц, Жанакорганский район – 54 улицы, Казалинский – 96, Кармакшинский – 45, Сырдарьинский – 18, Тупкараганский – 1, Шиелийский – 27 улиц. В областном центре г. Кызылорда переименовано – 189 улиц. Новым и безымянным улицам присвоено 197 наименований.

Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Советская – 2, Пролетар – 1, Комсомол – 1, Октябрь – 5. Из числа исторических личностей советского периода: Ленина – 3 улицы, Кирова – 1, Карл Маркс – 2 улицы, Тарас Шевченко – 1 улица.

Из новых названий: Тәуелсіздік – 3 улицы, Егемен – 1 улица, Ынтымақ – 1 улица, Достық – 2 улицы. Из числа новых названий исторических личностей: Бауыржан Момышұлы – 1 улица, Абай Кунанбаев – 1, Шокан Валиханов – 1 улица, Ахмет Байтұрсынұлы – 1, Нұрсұлтан Назарбаев – 1 улица.

Мангистауская область. Всего переименовано – 62 улицы. В разрезе годов: в 2011 году – 5 улиц переименовано, в 2019 году – 1, в 2021 году – 3, в 2022 году – 3 улицы, в 2023 году – 50 улиц. В сельской местности переименовано – 57 улиц. В разрезе районов области переименовано следующее количество улиц: Бейнеуский район – 3 улицы, Каракиянский – 1, Тупкараганский – 3. В разрезе городов областного значения: в г. Жанаозен – 5 улиц переименовано. Новым и безымянным улицам присвоено 39 наименований.

Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Целинная – 1 улица переименована. Улицы исторических личностей советского периода не переименовывались.

Из новых названий: Ынтымақ – 1 улица, Достық – 1. Из числа новых названий исторических личностей: Әлихан Бөкейхан – 3 улицы.

Павлодарская область. Всего переименовано 762 улицы. В разрезе годов: в 2007 году – 1 улица, в 2009 году – 5 улиц, в 2010 году – 33 улицы, в 2012 году – 1 улица, в 2014 году – 1 улица, в 2015 году – 12 улиц, в 2016 – 38, в 2017 – 134, в 2018 – 149, в 2019 – 65, в 2020 – 141, в 2022 – 39, в 2023 – 130, в 2024 – 13.

В сельской местности переименовано – 696 улиц. В разрезе районов области переименовано следующее количество улиц: Актогайский район – 75 улиц, район Аққулы – 16 улиц, Баянаульский район – 22, Железинский район – 33 улицы, Иртышский район – 27, Качирский район – 50, Лебяжинский район – 27, Майский район – 11, Павлодарский – 37, Тереңкөл – 24, Успенский – 45, Щербактинский – 63 улицы переименовано. В разрезе городов областного значения: в г. Аксу – 53 улицы переименовано, в г. Экибастуз – 14 улицы. В областном центре г. Павлодар переименовано 36 улиц. Безымянным улицам присвоено 2 наименования.

Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Советская – 25 улиц переименовано, Пролетарская – 4 улицы, Пионерская – 8 улиц, Комсомольская – 14 улиц, Октябрьская – 27 улиц, Победы – 10 улиц, Целинная – 19 улиц переименовано. Из числа исторических личностей советского периода: Ленина – 45 улиц переименовано, Кирова – 12 улиц, К.Маркса – 5 улиц, Энгельса – 3 улицы, Чапаева – 1 улица, М. Горького – 2 улицы, Фурманова – 1 улица, Куйбышева – 3 улицы.

Из новых названий присвоено: Тәуелсіздік – 41 улица, Егемен – 5 улиц, Ынтымақ – 7, Достық – 32, Бейбітшілік – 27 улиц. Из числа новых названий исторических личностей: Бауыржан Момышұлы – 13 улиц, Абай Құнанбаев – 4, Чокана Валиханова – 3, Әлихан Бөкейханұлы – 4, Ахмет Байтұрсынұлы – 7, Әлия Молдағұлова – 16, Мәншүк Мәметова – 11, Дінмұхамед Қонаев – 3.

Северо-Казахстанская область. Всего переименовано 374 улицы. В разрезе годов: в 2006 году – 2 улицы переименовано, в 2008 году – 4 улицы, в 2009 году – 12 улиц, в 2010 году – 8 улиц, в 2011 году – 1 улица, в 2015 году – 6 улиц, в 2016 году – 1 улица, в 2017 году – 6 улиц, в 2018 году – 23 улицы, в 2019 году – 12 улиц, в 2020 году – 2 улицы, в 2021 году – 85 улиц, в 2022 году – 100 улиц, в 2023 году – 111 улиц, в 2024 году – 1 улица.

В сельской местности переименовано - 305 улиц. В городах районного значения: в г. Мамлютка переименовано – 14 улиц, в г. Сергеевка – 10 улиц, в г. Тайынша – 11 улиц. В разрезе районов области переименовано следующее количество улиц: Айыртауский район – 46 улиц переименовано, Акжарский район – 49 улиц переимновано, Аккайынский – 45, Габита Мусрепова – 34, Есильский – 37 улиц, Жамбылский – 18, Кызылжарский – 8, Магжана Жумабаева – 9, Мамлютский – 14, Тайыншинский – 32, Тимирязевский – 17, Уалихановский – 15, Шал акына – 25 улиц переименовано. В областном центре г. Петропавловск переименовано – 25 улиц. Новым и безымянным улицам присвоено 4 наименования.

Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Советская – 23 улицы переименовали, Пролетарская – 13 улиц, Пионерская – 6, Комсомольская – 22, Октябрьская – 19 улиц, Целинная – 2 улицы. Из числа исторических личностей советского периода: Ленина – 38 раз переименовали улицы с данным названием, Кирова – 11 раз, К.Маркса – 12 раз, Энгельса – 2, Чапаева – 8 раз, Шевченко – 1, Горького – 2, Фурманова – 3, Куйбышева – 5 раз.

Из новых названий присвоено: Тәуелсіздік – 6 раз присваивали данное название, Егемен Қазақстан – 2, Ынтымақ – 2, Достық – 20, Бейбітшілік – 7. Из числа новых названий исторических личностей: Бауыржан Момышұлы – 4 раза присваили данное название, Абай Құнанбаев – 22, Шоқан Уәлиханов – 13, Әлихан Бөкейхан – 2, Ахмет Байтұрсынұлы – 1, Әлия Молдағұлова – 11, Мәншүк Мәметова – 3, Нұрсұлтан Назарбаев – 1, Дінмұхамед Қонаев – 4.

Область Ұлытау. Всего переименовано 6 улиц. В разрезе годов: в 2024 году – 6 улиц переименовано. В г. Каражал областного значения переименовано 2 улицы. В областном центре г. Жезказган переименовано 4 улицы. Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Карла Маркса – 1, Фрунзе – 1, Мичурин – 1. Из новых названий присвоено: Мәңгілік Ел – 1, Тәуелсіздік – 1, Жібек жолы – 1.

Южно-Казахстанская область. Всего переименовано 618 улиц. В разрезе годов: в 2006 году переименовано – 3 улицы, в 2007 году – 108 улиц, в 2008 году – 101 улица, в 2010 году – 58 улиц, в 2012 году – 2 улицы, в 2014 году – 179 улиц переименовано, в 2015 году – 3 улицы переименовано, в 2016 году – 1 улица, в 2017 – 94, в 2018 году – 69 улиц.

В сельской местности переименовано – 92 улицы. В разрезе районов области переименовано следующее количество улиц: Казыгуртский район – 7 улиц, Мактааральский район – 9 улиц, Ордабасинский район – 1 улица, Сайрамский район – 69 улиц, Сарыагашский район – 71 улица, Толебийский район – 2 улицы, Тюлькубасский район – 3 улица. В областном центре г. Шымкент переименовано – 454 улицы. Безымянным улицам присвоено 223 наименования.

Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Советтер – 1 улица, Комсомолькую – 1, 40 лет Октября – 1, Красная Звезда -1. Из числа новых названий исторических личностей: Ленин жолы – 1 улица, Карла Маркса – 1, Энгельса – 1, Чапаева – 1, М. Горького – 2, Фурманова – 1, Фрунзе – 1, Дзержинского – 1. Из новых названий присвоено: Тауелсиздик – 1 улица, Егемендик – 3, Ынтымак – 1, Бейбитшилик – 1, Мангилик ел – 2. Из числа новых названий исторических личностей: Монке би – 1, Бейбарыс султана – 1, батыры – 8 упоминаний.

Туркестанская область. Всего переименовано 328 улиц. В разрезе годов: в 2018 году – 1 улица, в 2019 году – 168, в 2020 году – 119, в 2021 году – 2, в 2023 году – 34, в 2024 году – 4. В сельской местности переименовано - 133 улицы. В разрезе районов области переименовано следующее количество улиц: Келесский район – 9 улиц переименовано, Мактааральский район – 3 улицы переименовано, Сайрамский – 91 улица, Толебийский – 25 улиц, Тюлькубасский – 6 улиц. В разрезе городов областного значения: в г. Арысь – 76 улиц переименовано. Безымянным улицам присвоено 244 наименования.

Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Пролетарская – 1 улица переименована, Интернациональная – 2. Из числа исторических личностей советского периода: К.Маркса – 1 улица переименована, Ю.Гагарина – 2, Крупской – 1, Ворошилова - 1, Суворова – 1.

Из новых названий присвоено: Тәуелсіздік – 2, Егемен – 3, Достық – 2, Бейбітшілік – 3. Из числа новых названий исторических личностей: Дінмұхамед Қонаев – 1, ханы – 8, батыр – 5, би – 7.

г. Алматы. Переименование улиц в разрезе годов: в 1994 году – 1 улица, в 1995 году – 1 улица, в 2008 году – 3 улицы, в 2009 году – 1 улица, в 2010 году – 181 улица, в 2016 году – 6 улиц, в 2017 году – 113 улиц, в 2018 году – 226 улиц, в 2021 году – 118 улиц, в 2024 году – 4 улицы. Всего в г. Алматы было переименовано – 654 улицы, из которых новых улиц было 287.

Ключевые тенденции:

1. Декоммунизация и десоветизация. Улицы, носившие имена советских идеологов (Карла Маркса, Ленина, Фурманова), деятелей коммунистического движения (Тельман, Мирзоян) и символов советской эпохи, массово заменены на имена национальных героев, что свидетельствует о стремлении дистанцироваться от советского наследия.

2. Национализация исторического нарратива. Преобладают названия, связанные с казахской историей, культурой и географией. На смену интернациональным и русскоязычным названиям пришли исконно казахские топонимы и имена, что укрепляет национальную идентичность.

3. Персонализация и историческая реставрация. Безликие номерные названия (№ 1-25, «линии») и технические термины (Карьерная, Высоковольтная) заменены на имена выдающихся личностей и поэтичные географические названия. Это превращает городское пространство в «открытый учебник» истории Казахстана.

4. Использование абстрактных понятий и символов. Широко внедрены понятия, отражающие ценности суверенного Казахстана: Тәуелсіздік, Парасат, Жігер, Руханият. Это подчеркивает ориентацию на идеологическое воспитание граждан.

Процентное соотношение категорий новых названий:

– Географические названия (исторические местности, природные объекты): 30%. Примеры: Ақтау, Тамгалы, Сарайшык, Шалкоде.

– Абстрактные понятия и символы: 15%. Примеры: Нұрлы, Өркениет, Азаттық.

– Деятели искусства, литературы и науки: 11.5%. Примеры: Мұхтар Әуезов, Қадыр Мырзалиев, Сәкен Жүнісов.

– Политические и государственные деятели: 11.2%. Примеры: Нұрсұлтан Назарбаев, Дінмұхамед Қонаев, Кенесары хан.

– Батыры и народные герои: 3.2%. Примеры: Қабанбай батыр, Бөгенбай батыр, Олжабай батыр.

– Герои Советского Союза и ВОВ (казахстанцы): 2.8%. Примеры: Рахымжан Кошкарбаев, Талғат Бигелдинов, Мәншүк Мәметова.

– Общественные и религиозные деятели: 1.4%. Примеры: Төле би, Әйтеке би, Байдибек би.

– Современные деятели (XXI век): 0.6%. Примеры: Батырхан Шүкенов, Герольд Бельгер.

Исторические личности в новых названиях:

– Батыры и народные герои (3.2%): Активизировано обращение к эпосу и досоветской истории. Примеры: Узак батыра, Сәке батыр, Ер Қосай батыр. Это подчеркивает преемственность с традиционной воинской культурой.

– Деятели искусства и науки (11.5%): Включены писатели, поэты, композиторы, ученые, чье творчество было недооценено в советский период. Примеры: Ілияс Жансүгіров, Сәбит Мұқанов, Шәкәрім Құдайбердіұлы.

– Политические деятели (11.2%): Преобладают деятели XX–XXI вв., включая первых лиц независимого Казахстана (Назарбаев, Кунаев), а также ханов и деятелей Алаш-Орды (Кенесары хан, Алихан Бокейханов).

Переименования в **г. Астана** произведены на 710 улицах, из которых в 2007 году переименовано – 419 улиц, в 2008 году – 5 улиц, в 2009 году – 201, в 2010 году – 15 улиц, в 2015 году – 15 улиц, в 2017 году – 2 улицы, в 2022 году – 25 улиц, в 2023 году – 10 улиц, в 2024 году – 18 улиц. Из 710 переименованных улиц 254 улицы были новыми или же безымянные.

г. Нур-Султан (ныне Астана). Всего переименовано 78 улиц. В разрезе годов: в 2019 году – 15 улиц, в 2021 году – 50 улиц, в 2022 году – 13 улиц. Новым и безымянным улицам присвоено 48 наименований.

Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Павлика Морозова – 1 улица, Ленинградский – 1 улица, Тараса Шевченко – 1 улица, Пионерскую – 1 улица. Из новых названий: Райымбек батыр, Төле би, Қазыбек би, Әйтеке би, Әл-Фараби, Жошы хан, Әмір Едіге присвоены новые имена по 1 разу.

г. Шымкент. Всего переименовано 487 улиц. В разрезе годов: 2020 г. – 357 улиц, в 2023 году – 130 улиц переименовано. Безымянным улицам присвоено 423 наименования.

Из числа всех переименований идеологических названий советского периода переименовано следующее количество улиц: Ю.Гагарина – 2 улицы, Е. Пугачева – 1, Панфилова – 1, Перова – 1. Из новых названий присвоено: Жошы хан – 1, Абылай хан – 1, Алатау батыр – 1, Сартай батыр – 1, Есет батыр

– 1, Қожагелді батыр – 1, Амангелді Иманов – 1, Әлия Молдағұлова – 1, Мәншүк Мәметова – 1, Төле би – 1, Жолбарыс би – 1.

Обсуждение

Полученные результаты демонстрируют, что топонимические трансформации в Казахстане носят системный и продолжительный характер, формируя одну из наиболее масштабных программ переименования улиц в постсоветском пространстве. Хронологическая динамика показывает, что активизация процесса совпадает с периодами усиления государственной политики по восстановлению исторической справедливости, укреплению национальной идентичности и деколонизации городской среды. Пиковые

значения 2017-2020 годов, а особенно рекорд 2018 года, согласуются с тенденциями, описанными в международных исследованиях политической топонимии, где ожидания общества и институциональные решения создают «окна возможностей» для массовых символических изменений. Наличие значительного объёма переименований в сельской местности указывает на то, что именно периферийные территории сохраняли наиболее плотный пласт советских названий, что подтверждает тезис о пространственной неравномерности советского символического наследия.

Содержательная структура переименований отражает чётко выраженный процесс национализации топонимического пространства. Массовая смена названий, связанных с советской идеологией, соответствует общим закономерностям декоммунизации, выявленным в работах по Украине, Польше и Румынии. При этом использование новых национальных топонимов показывает стремление не только устранить прежние символы, но и ввести устойчивый набор культурно значимых ориентиров, связанных с историческими личностями, ценностями и идеями, важными для казахстанского общества. Преобладание таких названий, как «Достық», «Тәуелсіздік», «Бейбітшілік», а также имён Абая, Алтынсарина и Момышұлы, демонстрирует формирование канона национальной памяти, отражающего современную государственную идеологию.

Региональные различия подтверждают важность локальных факторов: активности маслихатов, общественных настроений, объёма советской топонимии и административных инициатив. В некоторых областях наблюдается более последовательная политика переименований, тогда как другие демонстрируют умеренный или точечный подход. Это указывает на сочетание централизованных символических приоритетов и автономии регионального управления. В целом анализ показывает, что топонимическая политика Казахстана движется в направлении гармонизации исторической памяти, переосмысления советского наследия и укрепления национальной идентичности, формируя устойчивые и предсказуемые паттерны трансформации городской и сельской топографии.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что переименование улиц в Казахстане является долговременным, структурированным и идеологически направленным процессом, отражающим глубинные трансформации национальной политики памяти. Масштабный массив данных за 1994-2024 годы демонстрирует устойчивую тенденцию к замещению советских топонимов названиями, ориентированными на национальную историю, культурные ценности и государственные приоритеты. Выраженные пики активности совпадают с периодами усиления деколонизационной повестки и обновления институциональных подходов к формированию символического пространства.

Содержательный анализ показывает, что изменения затрагивают как крупные города, так и сельские населённые пункты, при этом сельская местность остаётся основным полем трансформации вследствие высокой плотности советских названий. Новый топонимический слой формируется преимущественно за счёт имён исторических личностей казахского народа и концептуальных названий, связанных с независимостью,

согласиями и исторической памятью, что свидетельствует о консолидации единого национального нарратива.

Региональные различия подтверждают, что, несмотря на общегосударственные ориентиры, процесс в значительной степени зависит от локальной инициативы и степени готовности местных органов власти к активным изменениям. Тем не менее общая направленность остаётся однозначной – создание целостной, символически согласованной топонимической среды, соответствующей современному этапу развития Казахстана.

В целом исследование демонстрирует, что переименование улиц в стране является не только административным механизмом, но и важным инструментом культурной политики, определяющим способы репрезентации истории и формирующим идентичность, как отдельных сообществ, так и государства в целом.

Список литературы

Ngabonziza A. Power dynamics of post-genocide street renaming in urban Rwanda – the territorial demarcation between the past and the present. *Cogent Arts & Humanities*. 2025. Vol.12(1), pp.1-17. DOI: 10.1080/23311983.2025.2587874

Basik S. Looking into urban toponymic verticality: An initial note. *Cities*. 2024. Vol.145. pp. 193-197 DOI:10.1016/j.ugj.2024.09.001 (In English)

Basik S. Place names as a political instrument in the post-Soviet realm: Introduction. *Journal of Geography, Politics and Society.* 2020. Vol.10 (3). pp.1-4. DOI:10.26881/jpgs.2020.3.01 (In English)

Chen Y. Exploring the cultural landscape of Hong Kong through commemorative street names. *Heritage Science.* 2025. 13 (518). pp. 1-26 DOI: 10.4324/9781315613031-11 (In English)

Gnatiuk O. Everyday use of street names after decommunisation: Evidence from Vinnytsia, Ukraine. *Journal of Biogeography and Society.* 2023. pp. 53-68 DOI: 10.3897/jbgs.e113331

Golomidova M., Goryaev S. (eds.). *Urban Toponymy: Modern Name-Giving Policy and Practice.* Ekaterinburg: URFU Press, 2023. 216 p.

Kabinde-Machate M. L. Toponymic renaming as a reflection of social cohesion in the street renaming process of the City of Tshwane. *South African Geographical Journal*. 2024/2025. 107 (1): Pp. 1-14 DOI: 10.1080/03736245.2024.2418603

Kareem B. Decolonising cities: The role of street naming. *Buildings & Cities.* 2025. https://www.buildingsandcities.org/insights/commentaries/decolonising-cities-street-naming.html. Дата обращения: 21. 05. 2025

Kuczabski A., Boychuk A. Decommunization of urban toponymy in Ukraine: causes and consequences. *Journal of Geography, Politics and Society.* 2020. Vol.10(4). Pp.8-16. DOI: 10.26881/jpgs.2020.4.02 (In English)

Mkhize T. Gender and race representation in Johannesburg's street renaming initiative. *GCRO Research Report.* 2025. DOI: https://doi.org/10.36634/BDNZ5973 (In English)

Ochman E. Public responses to the renaming of commemorative street names in post-communist Poland: Daily lives, experiences of change and sense of place. *Contemporary European History*. 2024. Vol.34 (2): Pp. 1-19. DOI: 10.1017/S0960777324000328 (In English)

Oktaviana I., Junawaroh S. Commemorative street naming of historical figures as cultural memory and representation in Banyumas Regency. *Humanika.* 2023. Vol. 30 (2). pp.130–139. DOI: https://doi.org/10.14710/humanika.v30i2.58513

Rusu M. S. A quantitative longitudinal (1875-2020) analysis of street renaming in Sibiu, Romania. *PLOS ONE.* 2021. Vol.16 (5). Pp. 1-23. DOI: 10.1371/journal.pone.0251558 (In English)

Rusu M.S. Street names through sociological lenses. Part II. *Social Change Review.* 2021. Vol.19 (1). Pp.1-28. DOI: 10.2478/scr-2021-0001 (In English)

Rusu M. S. Street naming practices: A systematic review of urban toponymic scholarship. *Onoma.* 2021. Vol.56. Pp. 261–296. DOI: 10.34158/ONOMA.56/2021/14

Rusu M.S. Modeling toponymic change: A multilevel analysis of street renaming in . postsocialist Romania. *Annals of the American Association of Geographers.* 2024). Pp. 591-609 DOI:10.1080/24694452 .2023.2292805

Rusu M.S. "No woman's land?" The gendered patterning of urban toponymy in Brussels. *Women's Studies International Forum*. 2024/2025. 104(2). Pp. 1-9 DOI: 10.1016/j.wsif.2024.102909

Vira O. Beyond coordinates: Exploring street naming practices in contemporary Ukraine. *Cultural Heritage.* 2024. Pp. 1-16 DOI:10.11649/ch.3190

Vlahova-Angelova M. Contemporary urban toponymy of the city of Sofia as a reflection of geopolitical discourses. In: *ICONN 6 Proceedings.* 2024. Pp. 395-409. DOI: https://doi.org/10.30816/ ICONN6 /2023/31

References

Amini Ngabonziza J. D. Power dynamics of post-genocide street renaming in urban Rwanda – the territorial demarcation between the past and the present. *Cogent Arts & Humanities.* 2025. Vol.12 (1). Pp. 1-17 DOI:10.1080/23311983.2025.2587874 (In English)

Basik S. Looking into urban toponymic verticality: An initial note. *Cities*. 2024. Vol.145. pp. 193-197 DOI:10.1016/j.ugj.2024.09.001 (In English)

Basik S. Place names as a political instrument in the post-Soviet realm: Introduction. *Journal of Geography, Politics and Society*. 2020. Vol.10 (3). Pp.1-4. DOI:10.26881/jpgs.2020.3.01 (In English)

Chen Y. Exploring the cultural landscape of Hong Kong through commemorative street names. *Heritage Science.* 2025. 13 (518). Pp. 1-26. DOI: 10.4324/9781315613031-11 (In English)

Gnatiuk O. Everyday use of street names after decommunisation: Evidence from Vinnytsia, Ukraine. *Journal of Biogeography and Society.* 2023. Pp. 53-68 DOI: 10.3897/jbgs.e113331 (In English)

Golomidova M., Goryaev S. (eds.). *Urban Toponymy: Modern Name-Giving Policy and Practice. Ekaterinburg:* URFU Press, 2023. 216 p. (In English)

Kabinde-Machate M.L. Toponymic renaming as a reflection of social cohesion in the street renaming process of the City of Tshwane. *South African Geographical Journal*. 2024/2025. 107 (1): Pp. 1-14 DOI: 10.1080/03736245.2024.2418603

Kareem B. Decolonising cities: The role of street naming. *Buildings & Cities.* 2025. https://www.buildingsandcities.org/insights/commentaries/decolonising-cities-street-naming.html Data obrashcheniia: 21. 05. 2025

Kuczabski A., Boychuk A. Decommunization of urban toponymy in Ukraine: causes and consequences. *Journal of Geography, Politics and Society.* 2020. Vol. 10(4). Pp. 8-16. DOI: 10.26881/jpgs.2020.4.02 (In English)

Mkhize T. Gender and race representation in Johannesburg's street renaming initiative. GCRO *Research Report.* 2025. DOI: https://doi.org/10.36634/BDNZ5973 (In English)

Ochman E. Public responses to the renaming of commemorative street names in post-communist Poland: Daily lives, experiences of change and sense of place. *Contemporary European History.* 2024. Vol.34 (2): Pp. 1-19. DOI: 10.1017/S0960777324000328 (In English)

Oktaviana I., Junawaroh S. Commemorative street naming of historical figures as cultural memory and representation in Banyumas Regency. *Humanika.* 2023. Vol. 30 (2). Pp.130–139. DOI: https://doi.org/10.14710/humanika.v30i2.58513

Rusu M. S. A quantitative longitudinal (1875-2020) analysis of street renaming in Sibiu, Romania. *PLOS ONE.* 2021. Vol.16 (5). Pp. 1-23 DOI:10.1371/journal.pone.0251558 (In English)

Rusu M. S. Street names through sociological lenses. Part II. *Social Change Review.* 2021. Vol.19 (1). Pp.1-28. DOI:10.2478/scr-2021-0001 (In English)

Rusu M. S. Street naming practices: A systematic review of urban toponymic scholarship. *Onoma.* 2021. Vol.56. Pp. 261-296. DOI:10.34158/ONOMA.56/2021/14 (In English)

Rusu M. S. Modeling toponymic change: A multilevel analysis of street renaming in . postsocialist Romania. *Annals of the American Association of Geographers.* 2024). Pp. 591-609 DOI:10.1080/24694452.2023.2292805 (In English)

Rusu M. S. "No woman's land?" The gendered patterning of urban toponymy in Brussels. *Women's Studies International Forum.* 2024/2025. 104(2). Pp. 1-9 DOI: 10.1016/j.wsif.2024.102909 (In English)

Vira O. Beyond coordinates: Exploring street naming practices in contemporary Ukraine. Cultural Heritage. 2024. Pp. 1-16 DOI:10.11649/ch.3190

Vlahova-Angelova M. Contemporary urban toponymy of the city of Sofia as a reflection of geopolitical discourses. In: ICONN 6. *Proceedings.* 2024. Pp. 395-409 DOI: https://doi.org/10.30816/ICONN6/2023/31 (In English)

Information about authors

Alikhan A. Shakenov – doctoral student of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. https://orcid.org/0009-0009-7575-6412, alikhan.shakenov@gmail.com

Авторлар туралы мәліметтер

Алихан Айдарханович Шакенов – Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің докторанты, Астана, Казахстан. https://orcid.org/0009-0009-7575-6412, alikhan.shakenov@gmail.com

Сведения об авторе

Алихан Айдарханович Шакенов – докторант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан. https://orcid.org/0009-0009-7575-6412, alikhan.shakenov@gmail.com

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.04.2025
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 10.05.2025.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.09.2025

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ
SUBMISSIONS – ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: https://kazhistorians.kz

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!
Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

***

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: https://kazhistorians.kz

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!
These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

***

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: https://kazhistorians.kz

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Д. Нурушева – компьютерлік беттеу және дизайн
Қ. Байтанасова – қазақ тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау
Ж. Кузар – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару
М. Амалбекова – орыс тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау

Computer layout and design – D. Nurusheva
Kazakh translation and editing – K. Baitanasova
English translation and editing – Zh. Kuzar
Russian translation and editing – M. Amalbekova

Компьютерная вёрстка и дизайн – Д. Нурушева
Перевод на казахский язык и редактура текстов – К. Байтанасова
Перевод и редактура текстов на английском языке – Ж. Кузар
Перевод и редактура текстов на русском языке – М. Амалбекова

Түпнұсқа макет "Тарихшылардың Ұлттық Конгресі" қоғамдық бірлестігі дайындалды
Жариялану күні 30.09.2026 жылы. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 10,3. Times New Roman гарнитурасы

Original layout prepared at the National Congress of Historians Public Association
Publication date 30.09.2025. Format 84×108 1/16
Printed sheet 10,3. Times New Roman headset

Оригинал-макет подготовлен в Общественном объединении
"Национальный Конгресс историков"
Подписано в печать30.09.2025 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 10,3. Гарнитура Times New Roman

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы: 010008,
Қазақстан, Астана қ., Қажымұқан к-сі,13/1.
Editorial office, publishing house, address of the founder: 010008,
Kazakhstan, Astana, Kazhimukhan str. 13/1.
Редакция, издательство-адрес учредителя: 010008, Казахстан, Астана, ул. Кажимукана 13/1